

УДК 63.3(2):39
ББК 94(47)
Ф42

Составители:
М.Н. ГУБОГЛО, Н.А. ДУБОВА

Рецензенты:
доктор исторических наук И.В. ВЛАСОВА,
доктор исторических наук Л.Б. ЗАСЕДАТЕЛЕВА

Феномен идентичности в современном гуманитарном знании : к 70-летию академика В.А. Тишкова / [сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова] ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2011. – 670 с. – ISBN 978-5-02-036718-0 (в пер.).

В книге представлены новые образы и идентичности России, в создании которых немалую роль сыграли творчество и общественная деятельность В.А. Тишкова, более двух десятилетий возглавляющего Институт этнологии и антропологии РАН и по праву ставшего признанным лидером российских этнологов и антропологов.

Очерки, написанные авторами не только по плану научной работы, но и по призыву сердца, позволяют проследить, как круто менялись образы России, корреспондируя с ее прежней и, особенно, советской историей.

В первом разделе раскрываются кардинальные проблемы формирования воображаемых и реальных идентичностей, движения русской идеи от мессианства к прагматизму, соотношений категорий «российской цивилизации» и «полиэтничности», складывание условий и направлений формирования гражданской нации. Второй раздел акцентирует внимание читателей на позитивных и негативных тенденциях, оказывающих влияние на нациестроительство и современные этнокультурные процессы в различных социальных средах и этнических образованиях. В очерках третьего раздела представлены исторические, этнополитические и социальные аспекты развития образов и идентичностей России, раскрываются опыт и ключевые вопросы изучения конкретных ситуаций во времени, пространстве и в ответах на вызовы модернизации и глобализации.

Для специалистов и широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-036718-0

© Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2011
© Губогло М.Н., Дубова Н.А., составление, 2011
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2011

УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН В МЕНЯЮЩЕЙСЯ СТРАНЕ

Авторитетный ученый, широко известный и признанный многими как в своей стране, так и за рубежом. Академик Российской академии наук. Директор исследовательского Института этнологии и антропологии РАН. Заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук Российской академии наук, руководитель Секции истории этого Отделения. Президент Ассоциации этнографов и антропологов России. Активный общественный деятель, член многих институтов и неправительственных образований молодого российского гражданского общества. Четкий и понятный многим популяризатор науки. Яркий научный и политический полемист, сплывающий вокруг себя единомышленников, а против себя – оппонентов разных течений и школ. Таким предстает Валерий Александрович Тишков в год своего юбилея.

Если правы те, кто видит смысл жизни в максимальной реализации способностей, дарованных человеку природой, и возможностей, предоставленных обществом и судьбой, то можно заключить, что Валерий Александрович полностью воплотил их в жизнь. Удастся такое не каждому, кто щедро наделен природой и кому улыбается судьба. Удастся тому, кто способен преодолевать уже *превратности* судьбы и *барьеры*, расставленные в обществе. Быть человеком, который «делает себя сам». Таковым Валерий Александрович зарекомендовал себя очень рано. Добивался и добился поставленных целей в разных ипостасях. Две из них – *ученого* и *гражданина* – представляются главными. В.А. Тишков старался дойти до самых глубин в науке, внести в нее собственный оригинальный вклад. И неизменно стремился использовать свои научные идеи для достижения позитивных – *демократических* и *гуманистических* – изменений в своей стране.

Творческая жизнь поколения, к которому принадлежит Валерий Александрович, может быть разделена на два, практически равных по продолжительности этапа. До второй половины 1980-х годов и после. Обозначим их как *советский* и *перестроечно-постсоветский*.

Внутри себя оба этапа были также неоднозначны. Юность и ранняя молодость Валерия Александровича, формирование его как гражданина и научного работника пришлось на счастливую эпоху хрущевской оттепели. Тинейджеры той эпохи жадно впитывали в себя гуманистические идеи и нравственность, заключенные в фильмах Г. Чухрая, М. Калатозова и М. Рома, в прозе А. Солженицина и В. Аксенова, в поэзии Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского и Е. Евтушенко. Они сбрасывали с себя духовные оковы сталинизма и стремились к максимальному интеллектуальному и духовному раскрепощению.

Так формировался и юный Валерий Тишков. Как и многим его сверстникам, ему приходилось сталкиваться с сопротивлением тех, кто прочно впитал в себя сталинские принципы и не желал поступаться ими. Вскоре после поступления в 1959 г. на исторический факультет Московского университета он был в первый раз серьезно испытан на прочность. Прочитав в

оригинале книгу И. Дойчера «Сталин. Политическая биография» (перевод на русский язык был тогда еще не мыслим), Валерий поделился радикальными суждениями о сталинизме на семинаре по истории КПСС, которую первоначально выбрал в качестве специализации. Кафедра КПСС сочла такую позицию несовместимой со своей дисциплиной. «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Юного критика сталинизма «перехватила» кафедра новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки. Руководитель кафедры мудрый И.С. Галкин был представителем «старой школы», но превыше всего в своих учениках и сотрудниках ценил научный талант. А таланты, как правило, относились с симпатией к избранному объекту исследования – странам Западной Европы и Америки. Так в хрущевскую эпоху сформировалась плеяда блестящих «западников» – не только в научном, но в той или иной мере в мировоззренческом смысле. А.В. Адо, В.С. Бондарчук, И.В. Григорьева, И.П. Дементьев, Н.В. Сивачев, В.П. Смирнов, А.И. Строганов, Е.Ф. Язьков – вот самые яркие имена.

В.А. Тишков оказался в той научной и интеллектуальной «стихии», которая ему как раз и была близка. Сам он в качестве специализации избрал историю Северной Америки. Историю США уже серьезно разрабатывали доценты И.П. Дементьев, Н.В. Сивачев и Е.Ф. Язьков, а вот история Канады оставалась по сути terra incognita. Ее и начал осваивать студент Тишков. Его курсовые и дипломная работы, написанные под руководством Д.Е. Меламиды и Г.Н. Севостьянова, послужили серьезным заделом для последующих глубоких научных исследований по истории Канады. Но погрузиться в нее без остатка выпускнику истфака 1964 г. Валерию Тишкову удалось только три года спустя.

Мой друг уехал в Магадан.
Снимите шляпу...
Уехал сам... уехал сам!
Не по этапу...

Эти строчки бардовской песни той эпохи для многих представителей молодежи 60-х, да и 70-х годов были почти что заклинанием. Магадан в данном случае был не только географическим понятием, но и яркой метафорой. Эта метафора свидетельствовала, как серьезно поменялась страна в хрущевский и постхрущевский периоды. До того Магадан был тоже метафорой, но совсем иного рода – сталинских репрессий и лагерей. Теперь же он стал метафорой устремлений многих молодых людей к свободному, по собственному выбору освоению огромных территорий Севера, Сибири, Дальнего Востока. При этом важным стимулом была романтика и желание высвободить и реализовать собственные таланты. Для В. Тишкова метафора *Магадан* и реальность совпали – именно этот город он выбрал при послевузовском распределении в 1964 г.

В Магадане В. Тишков проработал в общей сложности пять лет. Первые два года был преподавателем истории в Магаданском государственном педагогическом институте. Затем, отучившись три года в аспирантуре Московского государственного педагогического института и защитив кандидатскую диссертацию по истории Канады (под руководством академика А.Л. Нарочницкого), вернулся в Магадан уже в качестве декана историко-филологического факультета. Последующие три года углубили его профессиональный уровень, расширили жизненную социализацию, раскрыли новое

дарование – успешного организатора и руководителя научно-образовательного коллектива.

Работая в Магадане, Тишков поддерживал связи со своим студенческим научным руководителем Г.Н. Севостьяновым и Институтом всеобщей истории АН СССР. Вернувшись в 1972 г. в Москву, он был принят в сектор истории США и Канады этого института. 1970–1980-е годы были в деятельности истории сектора «золотым периодом». Такого созвездия американистов, которые работали в нем под руководством Г.Н. Севостьянова, не сложилось ни в предшествовавшие десятилетия, ни в постсоветский период. М.С. Альперович, И.А. Белявская, Н.Н. Болховитинов, А.А. Кислова, Г.П. Куропятник, В.Л. Мальков, Л.Ю. Слэзкин регулярно подготавливали фундаментальные индивидуальные и коллективные труды, вошедшие впоследствии в классику отечественной американистики. Сотрудничая с ними и впитывая их опыт, В.А. Тишков осваивал собственное научное направление – историю Канады, быстро утвердившись в качестве его лидера.

Валерий Александрович оказался востребован не только институтской американистикой. В 1976 г. директор института академик Е.М. Жуков, являвшийся одновременно академиком-секретарем Отделения истории АН СССР, пригласил его на должность Ученого секретаря Отделения. Евгений Михайлович обладал способностью подбирать себе в помощники талантливых людей, максимально освобождая их от бремени организационной работы. Некоторые, отдавшись без остатка научно-организационной деятельности, работе с людьми, откладывали на будущее собственные исследовательские планы. В.А. Тишков, в высшей степени организованный ученый, смог сочетать работу для Отделения с разработкой собственного исследовательского проекта.

Тема кандидатской диссертации, посвященной предпосылкам Канадской революции 1837 г., расширялась и углублялась. В 1978 г. Валерий Александрович издал монографию, охватившую более ста лет канадской истории – от отвоевания в 1760 г. Англией Канады у Франции до обретения Канадой статуса независимого доминиона в 1867 г.¹ В 1979 г. она была успешно защищена в Институте всеобщей истории в качестве докторской диссертации. Столетняя история канадского общества была исследована комплексно. Вскрывались амбивалентные составляющие (капиталистические и сеньориальные) канадской экономики, эволюция социальной структуры, перипетии национально-расовых отношений, этапы и особенности углублявшегося конфликта с метрополией, влияние на канадское общество Американской и Французской революций конца XVIII в., как и питавшей обе эти революции идеологии Просвещения. Среди конфликтов канадского общества центральным для внимательного читателя представал не классовый, как того требовала советская историографическая ортодоксия, а национально-этнический – между английским большинством и французским меньшинством. В неспособности разрешить его, отразившейся не только в Конституции 1867 г., но и в фундаментальных трендах государственной политики, историк справедливо видел ключ к основополагающим перипетиям канадской истории последующих периодов.

Фундаментальная монография, беспрецедентная для отечественной канадистики, закрепила позицию В.А. Тишкова в качестве ее ведущего представителя. Она только упрочилась после опубликования им в 1982 г.

(совместно с Л.В. Кошелевым) первой обобщающей «Истории Канады»². Но Валерий Александрович в это время был поглощен уже новым проектом – перипетиями исторической науки другой страны, канадского соседа – США. 70-е годы, известные в современной историографии советского общества как период «застоя», были, однако, по совокупности не однозначны, а одной из позитивных сторон являлась внешнеполитическая «разрядка», включавшая улучшение советско-американских отношений, в частности укрепление научных контактов (по инерции они развивались некоторое время успешно даже после ввода в 1979 г. советских войск в Афганистан). В качестве Ученого секретаря Отделения истории В.А. Тишков внес свою лепту в развитие контактов и взаимобменом между историками СССР и США, пестованию, пусть и весьма острого, порой жесткого, но вместе с тем творческого и плодотворного диалога историков и историографии двух стран. Активно участвуя в этом диалоге, Валерий Александрович обратился к теме, прежде отечественной американистикой не разрабатывавшейся, – организация и функционирование исторической науки США. В 1980 г. он по стипендиальной программе в течение двух месяцев работал в ведущих центрах американской исторической науки, собрав богатый материал для нового фундаментального исследования. Оно увидело свет в 1985 г.³

В монографии скрупулезно и исчерпывающе раскрывалась система исторического образования и исторической науки в США. Историческое образование в высших и средних учебных заведениях, подготовка кадров историков-исследователей и учителей, состояние и функционирование государственных и частных архивов, организация исторических исследований, научные традиции и инновации, содержание и тренды научной периодики, деятельность национальных исторических ассоциаций – вот далеко не полный перечень тем, раскрытых в монографии на основе первоисточников, интервью с десятками американских историков, исследовательской литературы. До сих пор монография остается уникальным исследованием отдельной национальной исторической науки, одной из самых развитых в мире. Читатель, знакомый с состоянием отечественного исторического образования и науки, мог в случае непредвзятого мышления объективно сопоставить две национальные историографии и сделать собственные выводы. Сам В.А. Тишков воздерживался от типичной для отечественной историографии той поры пропагандистской критики, стремился сбалансированно раскрыть разные стороны исторической науки и образования в США. Он показывал необычные, с точки зрения советских обществоведов, американские парадоксы: консервативный в научных исследованиях американский мэтр Р. Биллингтон оказывался прогрессистом в своих политических пристрастиях, а ведущий исследователь марксистской ориентации Ю. Дженовезе выступал с откровенно консервативной политической позиции. Американская историческая наука была куда как более плюралистична, неоднозначна, богата противоречивыми нюансами, нежели тот ее стереотип, который закрепился в мейнстриме отечественной историографической критики.

В монографии В.А. Тишкова содержалась еще одна важная для историографических исследований инновация – обработка и выстраивание статистических данных при помощи ЭВМ. Интерес к новой методике был следствием установления и развития тесных научных отношений с выдающимся историком, основателем отечественной школы применения количественных

методов в исторической науке академиком И.Д. Ковальченко. Альянс двух исследователей, обладавших незаурядными организаторскими способностями, поспособствовал реальной подвиге в освоении отечественной историографией как количественных методов исследования, так и междисциплинарной методологии в целом. Речь, в первую очередь, должна идти об установлении ими самых тесных связей с школой американской клиометрии⁴. И.Д. Ковальченко и В.А. Тишков были инициаторами и организаторами серии коллоквиумов отечественных и американских клиометристов, которые, с учетом того, что американские исследователи обратились к использованию новой методики раньше и обладали большим опытом⁵, оказались для отечественных историков в высшей степени полезны⁶.

В 1982 г. в творческой судьбе В.А. Тишкова произошла еще одна принципиально важная перемена. Академик Ю.В. Бромлей, директор Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, пригласил его на должность заведующего сектором народов Америки. Профессиональный историк-американист, В.А. Тишков получил возможность исследовать американское прошлое и настоящее в новых ракурсах – этнографическом и антропологическом. Энтузиазм и работоспособность Валерия Александровича в короткий срок принесли серьезные результаты. Были проведены полевые исследования в целом ряде американских стран и регионов (Аляска, Британская Колумбия, Гавайские острова, Калифорния и др.). Главное внимание было уделено изучению индейских племен. На основе исследований подготовлены два коллективных труда, опубликовано пять сборников материалов симпозиумов по проблемам индеанистики.

В 1988 г. В.А. Тишков был назначен заместителем директора Института этнографии, а в 1989 г. демократическим волеизъявлением сотрудников избран его директором. В стране разворачивалась горбачевская Перестройка, за которой в 1991 г. последовала «бархатная» либерально-демократическая революция, а затем длительный период глубоких общественно-политических преобразований. В.А. Тишков принял трансформацию страны, пытаясь найти в ней собственное место. Главные задачи, сформулированные им для себя, – обновление теоретико-методологических основ собственной научной дисциплины и поиск на основе обновленного знания оптимальных и демократических способов формирования и обустройства российской нации – совмещали и синтезировали *научную* и *гражданскую* позиции.

Своего рода индикатором и символом теоретико-методологического обновления собственной научной дисциплины стало переименование Института этнографии в Институт этнологии и антропологии. Перемена заключала в себе ряд смыслов. Во-первых, повышение научного статуса дисциплины, ведь этнография по ваковской классификации являлась только поддисциплиной исторической науки. Во-вторых, и это самое главное, необходимо было вписать отечественную этнографию в мировую науку об этносах, а она именовалась именно *этнологией*. Переименование и вхождение в мировую этнологическую науку означало для В.А. Тишкова восприятие и освоение всего теоретико-методологического багажа, который последней был накоплен, но советской этнографии был чужд. По понятной причине. Как лаконично отмечалось в Большой советской энциклопедии: «Этнология (от греч. *éthnos* – “племя”, “народ” и “логия”), теоретическая этнография. В буржуазной науке

противопоставляется описательной этнографии. В советской науке термин “Э.” употребляется редко).

Переименование далось непросто. Часть этнографов, долго и плодотворно трудившихся на традиционной ниве, противились этому. Выстраивая взаимоотношения с ними, Валерий Александрович избрал тактику компромисса и сосуществования. Классические этнографические исследования не только сохранились, но и развивались. В 1992 г. была запущена фундаментальная серия «Народы и культуры». В 1994 г. издана этнографическая энциклопедия по народам России, а в 1998 г. (2000-й г. – переиздание) энциклопедия «Народы и религии мира». Как руководитель проекта и редактор изданий В.А. Тишков в 2002 г. был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники. В.А. Тишков и позднее не чурался традиционных исследований. В 2008 г. им была опубликована книга «Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости» – этнографическое и искусствоведческое описание и анализ уникальнейшего образца традиционного художественного ремесла⁷. Соотношение этнографии и этнологии определялось им следующим образом: «Этнография – это то, что этнолог или антрополог делает в поле, включая также и сам этнографический нарратив. Этнография есть цеховая основа дисциплины, которую называют “этнология” (российская, частично европейская традиция), “социальная антропология” (западноевропейская традиция), “культурная антропология” (североамериканская традиция)»⁸.

Реформа дисциплины проводилась на основе компромисса, но последовательно. Ее стимулировало расширение контактов, диалога и сотрудничества с мировой этнологией. В созданной в 1992 г. Европейской ассоциации социальных антропологов представители Польши, Венгрии, бывших ГДР, Чехословакии, Югославии именовали себя по-новому. В.А. Тишков был их единомышленником. В 1993 г. на конгрессе Международного союза антропологических и этнологических наук он был избран его вице-президентом (переизбран на конгрессе в Уильямсбурге, США, в 1998 г.). В собственном институте в те же 90-е годы зарубежный опыт использовался для организации теоретических, проблемных, этносоциологических групп, подразделений по разработке практических рекомендаций для государственных органов.

В 1992 г. состоялось прямое «хождение» В.А. Тишкова во власть. В феврале 1992 г. он был утвержден председателем Комитета по национальной политике, министром по делам национальностей Российской Федерации с сохранением должности директора академического института. Его установка на соединение научных подходов и политической практики натолкнулась на разнообразные, как выяснилось, непреодолимые препятствия. В октябре 1992 г. он вышел в отставку с поста министра, назвав впоследствии главной причиной «глубокий внутренний разлад по поводу исполнения законов и указов, которые мне представлялись несостоятельными именно с научной точки зрения». Но от сотрудничества с властью, активного воздействия на властный механизм национальной политики при помощи разработок академической науки не отказался. 10 лет спустя В.А. Тишков разяснял свою позицию: «...я не считал возможным уход в оппозицию и продолжаю сотрудничать с властью и оказывать по возможности содействие. Это моя страна и это моя власть, включая те мысли и предложения, которые политики вычитывают из наших текстов»⁹.

В Институте этнологии и антропологии не только не сужались, но расширялись прикладные научно-исследовательские разработки по проблемам национально-этнической политики. В 1990-е годы постоянно наращивалась серия «рабочих тетрадей» по «прикладной и неотложной этнологии» (название исследовательского направления института, инициированного В.А. Тишковым). В сотом выпуске ее позитивный результат был суммирован следующим образом: «Усилиями исследователей ИЭА РАН, а также ряда других научных центров России в изданных работах были проанализированы вопросы этнического состава, миграции и новых диаспор, этнополитическая ситуация в республиках и регионах России и ряде других государств бывшего СССР, этнонациональные движения и конфликты, современные этнокультурные процессы. Публикации данной серии нашли признание среди ученых и политиков. Эта репутация основана на добротности и точности этнологического анализа, который прежде всего опирается на полевые исследования»¹⁰. В 2011 г. серия насчитывала более 200 выпусков.

В 1993 г. В.А. Тишковым была создана при Институте этнологии и антропологии общественная экспертная организация – Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (в рамках международного проекта «Урегулирование межнациональных конфликтов в постсоветских государствах») ¹¹. От своих респондентов Сеть получала регулярную оперативную информацию из разных регионов бывшего СССР, публиковавшуюся в ежемесячном Бюллетене¹². В начале 2000-х годов Сеть получила статус региональной общественной организации «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов». Действуя как независимый от государства механизм, Сеть вместе с тем обеспечивала его экспертными материалами, получавшими неизменно высокую оценку как в академической среде, так и среди политиков.

Отметим также инициированные В.А. Тишковым независимые экспертные доклады с практическими рекомендациями для этнических общин и их руководителей, государственных служб и широкой общественности. За первым докладом «Пути мира на Северном Кавказе» (1999), содержащим 99 рекомендаций, последовали экспертные доклады по проблемам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, другим актуальным темам. Приобретенная В.А. Тишковым репутация ведущего российского эксперта по национально-этнической проблематике послужила основанием для приглашения его в состав самых высоких международных научно-экспертных сообществ. В 1994–1998 гг. он руководил научной программой по изучению конфликтов в Международном институте мира в Осло. В 1990-е годы являлся членом Научного совета Исследовательского института ООН по социальному развитию и членом экспертного совета Верховного комиссара ООН по делам вынужденных переселенцев. В 2005–2006 гг. входил в состав Глобальной комиссии по международным миграциям. В 2010 г. в составе Международной комиссии по расследованию событий на юге Киргизии лета того года принимал участие в изучении узбекско-киргизского конфликта (вошел в состав авторов заключительного доклада Комиссии)¹³.

В индивидуальных научных исследованиях В.А. Тишкова в постсоветский период в качестве главных обозначились две темы – этнонациональные конфликты¹⁴ и нациестроительство в России¹⁵. Отличительной их особенностью был этнологический подход в сочетании с методами других социаль-

ных наук¹⁶. Междисциплинарность позволяла создать новую теоретическую платформу для анализа конкретного полевого и исторического материала. Теоретическая платформа В.А. Тишкова, вобравшая опыт мирового обществознания, была непривычна для отечественных обществоведов, вызывала критику и неприятие, но росло и число ее приверженцев, а сам ученый, демонстрируя несгибаемую приверженность новым подходам, шаг за шагом укреплял собственную исследовательскую позицию.

Один из главных теоретических подходов, сформулированный В.А. Тишковым и обозначенный им как «историко-ситуативный», заключал пересмотр эссенциалистской традиции отечественной историографии и культурной антропологии, ее «позитивистско-марксистского» детерминизма¹⁷. Критикуя постулат об объективно исторической предопределенности поведения социума и политики, В.А. Тишков исходил из того, что общественно-исторические явления есть продукты человеческих действий, т.е. *социальные конструкты*. Это результат как непреднамеренных, так и целенаправленных усилий, формирующих альтернативные варианты общественно-исторического развития. Особая и важная роль человеческого фактора была специально разобрана В.А. Тишковым в книге «Политическая антропология». Ее предмет – человеческое измерение политического и политическое измерение человеческого. Одна из главных идей – политическое поведение людей определяют не только объективные интересы, но и субъективные представления о нормах, фобии, идиосинкразии и т.д. Эти субъективные представления, превращаясь в социальные конструкты, меняют ход общественно-исторического развития.

Феномен конструирования конфликтного политического пространства был подробно исследован В.А. Тишковым на примере чеченского конфликта. Ученый последовательно критиковал расхожие представления о чеченцах как «уникальном этносе», несовместимом с российской культурой, о «чеченстве» как социокультурной первопричине войны и доказывал, что конфликт имел не *историко-культурную*, а *политико-идеологическую* основу. Обращаясь к советскому периоду, он показывал, что индустриализация и урбанизация, механизмы социализации и культурные преобразования в Чечено-Ингушетии привели к глубокой трансформации чеченского общества и менталитета. Изменения носили столь принципиальный характер, что изображение чеченцев в духе этнографического романтизма, как «гордых и непримиримых горцев» или «обойденных» цивилизацией «варваров» – это наивный, а то и порочный миф, не имеющий отношения к науке. По убеждению исследователя, «исторический и этнический факторы не лежат в основе конфликтов в регионе бывшего СССР, включая Чечню и в целом Северный Кавказ. Это, прежде всего, современные конфликты современных акторов (участников) социального пространства и по поводу современных проблем и устремлений»¹⁸. Чеченская декларация независимости и ее пропагандистские обрамления явились социальным конструктом, сформулированным этнонационалистической частью элиты (Д. Дудаев, А. Масхадов и др.) в собственных политических интересах и сумевших заручиться массовой поддержкой в условиях российской общественно-исторической аномии, острого кризиса российской государственности и гражданской национальной идентичности.

«Историко-ситуативный» подход высветил тот фактор происхождения этнополитических конфликтов, да и не только их, который до того не иссле-

довался полностью отечественным общественным сознанием, а то и вообще выпадал из поля зрения. В.А. Тишков применял его широко, в том числе и для анализа краха СССР. Объясняя последний, он в своем обобщении заключал, что «новая Россия возникла не в результате распада СССР, наоборот, СССР распался после того, как возникла новая Россия, т.е. после того, как Б. Ельцин и поддерживавшие его политические силы фактически одолели союзный центр главе с М. Горбачевым, вернее, лишили его способности и воли к сопротивлению и к отправлению власти»¹⁹.

Одна из главных исследовательских и гражданских задач В.А. Тишкова на современном этапе – обоснование полезности и жизненной необходимости для России *гражданской нации* и, что не менее важно, ее скорейшее создание на практике. Еще в бытность министром по делам национальностей в Федеральном правительстве он сформулировал свое кредо: «Россия – это национальное государство россиян, в состав которого входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством». Позднее он так оценивал его значение: «В постсоветской России это было первое высказывание о российской гражданской нации и культивировании чувства принадлежности к общности россиян на основе формулы “единство в многообразии”. Спустя год это положение попало в ежегодное послание президента Б. Ельцина»²⁰.

Восприятие концепции гражданской нации российским президентом отнюдь не повлекло ее триумфального шествия по российским научным, идеологическим и политическим просторам. Напротив, среди ученых, идеологов, да и политиков приверженцы этой концепции, одним из лидеров которых неизменно являлся В.А. Тишков, оставались в меньшинстве. В.А. Тишков был подвергнут массированным атакам со стороны оппонентов. В противовес его научным изысканиям и политическим предложениям было написано множество монографий, памфлетов, манифестов защитников чистого *этнического* (как абсолютной альтернативы *гражданского*) национализма. В.А. Тишков с ними перманентно полемизировал, развивал собственные концепции как в научных трудах, так и в публичных дискуссиях. Их основные результаты обобщены недавно в емкой, написанной лаконично и ярко, рассчитанной на широкого читателя книге²¹.

Что такое, согласно В.А. Тишкову, российская гражданская нация? Это *нация наций*: в ней существуют многие *этнические нации* – русские, тувинцы, башкиры, осетины, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы, евреи, армяне и т.д., но которые вместе с тем абсолютно на равных включены в главную, но уже *не этническую*, а *гражданскую* российскую нацию. Все они в равной степени россияне с абсолютно одинаковыми гражданскими, экономическими и политическими правами и обязанностями. Это *российская нация*, которая имеет сходство, но и определенное отличие с понятием *российский народ*. Российский народ – это территориальное сообщество, а российская нация – это сообщество гражданско-политическое. Российская нация, как и любая другая гражданская нация обладает некоторыми основополагающими признаками – *проживает в едином национальном государстве, скрепленном общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорий, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны*.

В.А. Тишков неизменно подчеркивает, что используемые им дефиниции коррелируют с современной мировой обществоведческой литературой и, подобно последней, отражают мировую практику нациестроительства XXI в. (но оформилась она в предшествующее столетие). Нация наций, сохраняющая этнические нации, но и объединяющая их в гражданскую нацию, существует сегодня в Великобритании, Франции, Испании, США, Китае, Индии и многих других странах. При этом существует как в развитых демократиях, так и в странах, вступивших на демократическую стезю недавно или даже остающихся в рамках недемократических режимов. С точки зрения нациестроительства все они восприняли оптимальную модель.

Подобный диалектический вариант – «единство в многообразии» (*unity in diversity*) – соотношения гражданской и этнических наций, как доказывает В.А. Тишков, оптимален и для российского нациестроительства. Он современен, он демократичен, он создает максимальные возможности для снятия конфликтов между этническими нациями и утверждения внутри- и внешнеполитических интересов национального государства. Но эту логику оппоненты В.А. Тишкова воспринимают с трудом, а часто категорически отказываются вступать в диалог, остаются к ней глухими, претендуют на абсолютную собственную правоту.

Тон среди них задают догматически мыслящие ученые и политики, заимствовавшие представления о нациях из советского прошлого или чужающиеся опыта зарубежных стран, и особенно этнонационалисты, не желающие жертвовать интересами своей «титულიной» этнической нации. Один из ведущих идеологов русского этнонационализма категорично утверждал: «Россия может быть только государством русского народа, или ее не будет вовсе»²². Другой видный этнонационалист также предельно категоричен: «Искусственное создание политической нации по франко-американскому типу (в нашем случае – нации “россиян”) не предполагается, да оно и невозможно в условиях России. “Лояльность русскому народу” – вот новый тест, обязательный для всех жителей нашей страны, коренных или пришлых – не важно»²³.

Этнонационализм присущ и представителям других этносов, проживающих на территории современной России. Один из них, с которым В.А. Тишков последовательно полемизировал, обосновывал невозможность существования российской нации, но уже отстаивая особые интересы собственного, а не русского этноса. Принципу «Единство в многообразии» он по сути противопоставлял принцип «Многообразие без единства»: «В Российской Федерации этническую дифференциацию невозможно нивелировать, наступила эпоха, стимулирующая культурное многообразие. В этих условиях пытаться конструировать нацию-государство «россиян» все равно, что пытаться плыть против течения в то время, когда в баке кончился бензин»²⁴.

Дискутируя с проявлениями этнонационализма, В.А. Тишков вскрывал объективные причины его распространения в современной России, как и в целом на постсоветском пространстве. Гносеологическая причина заключается в длительной изоляции отечественного общественнознания от мирового, как и в безраздельном господстве в СССР формулировок, отождествлявших нации исключительно с этническими общностями. Еще более важна причина онтологическая – распад СССР привел к мощному взрыву самосознания бывших этнических советских наций, многие, если не большинство среди

которых стали претендовать на роль «титულიной нации» в территориальных рамках прежних союзных республик и автономий.

Пагубные последствия этнонационализма в постсоветской России драматически проявились в истории Чеченской республики и ее взаимоотношений с Россией. Трагические следствия «титульного» этнонационализма запечатлены не только в Чечне. В республиках Северного Кавказа в условиях войны в Чечне началась пропаганда и насаждение среди населения, особенно молодежи, антироссийских взглядов на основе радикально ваххабитской исламистской доктрины. Своего рода «симметричным ответом» на этот вызов (иногда это явление называют «этнополитическим маятником») стала радикализация ультранационалистических доктрин и деятельности от имени русского народа. Уроки, преподнесенные этнонационализмом в постсоветской России, очевидны. Этнонационализм в качестве основы нациестроительства пагубен в любом варианте. Альтернативой ему может быть гражданская нация, нация наций – «единство в многообразии».

Один из главных посылов В.А. Тишкова в обосновании возможностей создания российской гражданской нации заключается в поиске наличия ее корней в российском прошлом. Зарождение национального российского государства прежде всего как формы дискурсивной практики (в категориях «Отечества и гражданина» и в понятии «россияне») он обнаруживает в эпохе Петра I, затем в трудах Н.М. Карамзина, в творчестве А.С. Пушкина, а затем во второй половине XIX – начале XX в. Накануне революции 1917 г., по заключению исследователя, Россия была как империей, так и национальным государством.

В.А. Тишков обосновал оригинальную концепцию и в отношении национальной характеристики советского общества: «В целом СССР при внешних формулах “дружбы народов” и интернационализма был мощным национальным государством, где народ с его социальной и идеологической однородностью и советским патриотизмом представлял собой несомненную нацию, к сожалению, не признанную в данном смысле внутри страны и значительной части внешнего мира»²⁵. А вот развернутая характеристика объединительных ценностей советской гражданской нации: «Советский народ имел свои объединяющие символы, ценности, представления, культурный арсенал, общие для всех пережитые драмы и достижения, но именовать их типологически невиданной в истории “интернациональной общностью” – псевдоакадемическая глупость. На самом деле советский народ был более чем ощутимой реальностью. Более того, существовал советский гражданский национализм без самого слова “нация”, причем в выраженной форме и во многих сферах. Советский национализм проявлялся прежде всего в социальной однородности и в солидарности многоэтнического населения, в широком распространении и использовании русского языка, в территориальной привязанности граждан страны к большой и малой родине. Национальная идентичность проявлялась в форме советского патриотизма, массовых культурно-спортивных манифестаций, в литературном, кинематографическом и театральном процессах и во многих других сферах и формах культурной жизни народа-нации»²⁶.

Одним из главных недостатков нациестроительства в СССР было то, что Советский Союз «был единственным в мире государством в том смысле, что

он отважился на рискованный эксперимент отказа от использования столь мощной объединяющей категории, как “нация”, передав ее в исключительное пользование проживающих в стране этнических групп»²⁷. Этнический национализм сыграл свою роль в распаде страны по границам этнотерриториальных образований (в советском научном и политическом языке они назывались «национальными государствами»), но его первой и главной причиной были не национальные конфликты, а глубокий кризис советской экономической системы и социалистического общественно-политического строя.

Обосновывая возможность утверждения в современной России гражданской нации, В.А. Тишков, следуя дискурсивному подходу, полагается на усилия политической и интеллектуальной элиты по выработке и воспитанию у россиян общенациональных ценностей, обычаев, традиций, составляющих в совокупности национальную идентичность. Вот типичное суждение: «Национальная идентичность – это особая форма идентификации, которая не является естественной, заданной, а должна вырабатываться и распространяться главным образом через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов, которые делают связь с нацией основополагающим компонентом сознания»²⁸.

В своей последней книге В.А. Тишков уделил пристальное внимание формулированию этих ценностей, а важнейшие среди них изложены в Послании Федеральному собранию 5 ноября 2008 г. Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым. Вот они:

«Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добиваемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации в системе международных отношений.

Это свобода – личная, индивидуальная свобода.

Свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. И свобода общая, национальная.

Самостоятельность и независимость Российского государства.

Жизнь человека, его благосостояние и достоинство. Межнациональный мир. Единство разнообразных культур. Защита малых народов...

Семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших.

Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда – вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре»²⁹.

Заслуги В.А. Тишкова в разработке новых подходов в обществознании, фундаментальных концепций национально-этнической политики признаны государством и научным сообществом. В 2002–2007 гг. он являлся Председателем Комиссии Общественной палаты РФ по вопросам толерантности и свободы совести, а в 2008–2010 гг. – заместителем председателя Комиссии Общественной палаты РФ по национальным отношениям и свободе совести. С 2008 г. он член научного совета при Совете Безопасности РФ. В 2005 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук, а в 2008 г. – ее действительным членом. С 2002 г. является заместителем академика-секретаря Отделения историко-филологических наук Российской академии наук,

а с 2008 г. – руководителем Секции истории Отделения. Его научная школа «Разработка новых методов и подходов в области социально-культурной антропологии», действующая с 2004 г. и объединяющая молодых и известных ученых, последователей теоретических подходов руководителя, включена в число ведущих научных школ Российской Федерации. С 2000-го г. В.А. Тишков руководит созданным им Учебно-научным центром социальной антропологии в Российском государственном гуманитарном университете. Признанием успехов стало завоевание в 2009 г. в рамках конкурса Минобрнауки России статуса Научно-образовательного центра по проблеме «Изучение социальных трансформаций российского города и подготовка кадров»³⁰.

На протяжении последних сорока лет В.А. Тишков принимал участие во всех Международных конгрессах исторических наук (проводятся раз в пять лет). О многих из них написал аналитические обзоры и статьи. Примечательна его статья о последнем, XXI Международном конгрессе исторических наук³¹, состоявшемся в августе 2010 г. в Амстердаме. Это размышления крупного историка, который глубоко осведомлен о состоянии современной мировой исторической науки, ее главных трендах и перипетиях, имеет собственные профессиональные о них суждения, легко и доступно излагает сложный материал читателю. Рассматривая историю как *историографическую культуру*, В.А. Тишков выделяет в ней несколько субкультур. Наиболее значимыми представляются три. Это *научная академическая субкультура*, созданная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных критериев историописания. Это *госурственно-политическая субкультура*, созданная в той или иной мере при посредстве государственного заказа или партийными публицистами и идеологами в соответствии с запросом той или иной общественно-политической группы. Это *народная субкультура*, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием.

Подобная дифференциация, о которой имеют слабое представление даже многие профессиональные историки, не говоря уже о широкой общественности, помогает прояснить природу и причины того негативного, а то и откровенно пренебрежительного отношения к исторической профессии, которое присутствует в нескончаемых дискуссиях о нашем прошлом, озвучиваемых телеканалами, радиостанциями, национальными и региональными СМИ. Вроде того безапелляционного суждения писателя и публициста-историка Э.С. Радзинского, что науки истории вообще не существует. Или заявления-приговоры известного публициста и декана факультета телевидения Московского государственного университета В.Т. Третьякова: «Утверждаю и настаиваю: наши историки даром едят хлеб и со своей профессиональной задачей не справляются». Или позиции известных публицистов Л.М. Млечина и С.В. Кургиняна, которые в ходе многомесячного шоу на Пятом канале телевидения «Суд истории» твердо гнули каждый собственную идеологическую линию и решали вопрос об исторической истине при помощи зрительского голосования³².

Совершенно очевидно, что научно-академическая историографическая субкультура ко всем этим дискуссиям отношения не имеет, и если и присутствует в них, то в очень слабой мере. Именитые публицисты, скорее всего, не ведая того (оправданием это вряд ли может служить), выдают за историческую науку и выносят приговор совсем другим историческим субкультурам, к

которым сами принадлежат и которые сами пестуют. Задача профессиональной историографии, которую артикулирует В.А. Тишков, заключается в том, чтобы «продвигать» собственные методы и выводы в другие исторические субкультуры. Добавлю: так, как это делает сам В.А. Тишков, который, будучи ярким и одним из наиболее творческих представителей профессиональной исторической науки, сознательно и последовательно стремится вносить свои выводы в массовое и элитарное общественное сознание, воплощать их в общественно-политическую практику.

¹ *Тишков В.А.* Освободительное движение в колониальной Канаде. М.: Наука, 1978.

² *Кошелев Л.В., Тишков В.А.* История Канады. М.: Мысль, 1982.

³ *Тишков В.А.* История и историки в США. М.: Наука, 1985.

⁴ Такое название получило направление американских историков, использовавших количественные методы.

⁵ Два участника коллоквиумов с американской стороны, Р. Фогель и Д. Норт, являлись не много ни мало лауреатами Нобелевской премии.

⁶ Результаты коллоквиумов были отражены в научных публикациях. См., например: Количественные методы в советской и американской историографии: мат. советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе в 1979 г. и г. Таллине в 1987 г. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, В.А. Тишков. М.: Наука, 1983.

⁷ *Тишков В.А.* Тундра и море. Чукотко-эскимосская резьба по кости. М.: Индрик, 2008.

⁸ *Козловский В.В.* Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4, № 4. С. 13.

⁹ Там же. С. 7, 8.

¹⁰ *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / Институт этнологии и антропологии. М., 1996. Вып. 100. С. 1.

¹¹ Подробно о ней см.: Валерий Александрович Тишков. Серия «Материалы к библиографии ученых» Российской академии наук // Сост. Г.М. Тихомирова, Н.М. Аверова. Авторы вступ. ст. Т.Б. Уварова, Е.Н. Викторова. М.: Наука. 2011. С. 223.

¹² С 1998 г. помимо Бюллетеня издается отдельный том Ежегодного доклада Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.

¹³ Валерий Александрович Тишков... С. 24.

¹⁴ См., например: *Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: the Mind Aflame. L., 1997 [пер. на кит. яз., 2009]; *Тишков В.А.* Общество и вооруженные конфликты. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001. *Он же.* Этнология и политика. М.: Наука, 2001, 2003.

¹⁵ См., например: *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир. 1997; *Он же.* Российский народ. М.: Просвещение, 2010.

¹⁶ Обоснование теоретических подходов см.: *Тишков В.А.* Политическая антропология = Political Anthropology. N.Y., etc., Mellen Press. 2000; *Он же.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

¹⁷ Развернутый анализ инновационного подхода В.А. Тишкова см.: *Малахов В.С.* Новое в междисциплинарных исследованиях («Историко-ситуативный» метод в работах В. Тишкова) // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 131–140.

¹⁸ *Тишков В.А.* Общество и вооруженные конфликты. Этнография чеченской войны. С. 61.

¹⁹ *Тишков В.А.* Политическая антропология. С. 43.

²⁰ Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М., 2008. С. 455.

²¹ *Тишков В.А.* Российский народ. М.: Просвещение, 2010.

²² *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 183.

²³ *Севостьянов А.* Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Политический класс. 2008. № 41.

²⁴ *Хакимов Р.С.* *Метаморфозы духа (к вопросу о тюркско-татарской цивилизации)*. Казань: Идеал-пресс, 2005. С. 64.

²⁵ *Тишков В.А.* *Российский народ*. С. 115.

²⁶ Там же. С. 120.

²⁷ Там же. С. 116.

²⁸ Там же, с. 136. См. также с. 17, 60, 77, 136, 137, 151, 166, 167, 169, 181.

²⁹ *Медведев Д.А.* *Послание Федеральному собранию Российской Федерации*. 5 ноября 2008 // www.kremlin.ru/transcripts/1968. См. также: *Тишков В.А.* *Российский народ*. С. 186 и далее.

³⁰ Валерий Александрович Тишков... С. 36–39.

³¹ *Тишков В.А.* *Новая историческая культура (размышления после XXI Международного конгресса исторических наук)* // *Новая и новейшая история*. 2011. № 2. Статья легла в основу брошюры: *Новая историческая культура*. М., 2011.

³² *Новая и новейшая история*. 2011. № 2. С. 3–4.

Раздел I

ОБРАЗЫ РОССИИ

А.О. Чубарьян

СТЕРЕОТИПЫ И ОБРАЗЫ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ МЫШЛЕНИИ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Реальные исторические события, отставание и отчуждение России от Европы в XIII–XVI вв., принадлежность России и к Европе и к Азии, в сочетании с геополитическими и иными интересами западного мира, влияли на отношение европейцев к России и привели к формированию устойчивых стереотипов и даже мифологизации, которые в значительной мере воздействовали и на политическое мышление и политическую культуру европейцев, и на их обыденное массовое сознание, имея в виду их восприятие России.

В XX столетии усилиями средств массовой информации эти представления стали даже некоторой отправной точкой для формирования в отношении к России и к россиянам стереотипов, которые, как оказалось, очень непросто уходят из политических настроений элит и массового сознания.

Значительное число современных специалистов – историков и литературоведов, этнологов и психологов, политологов и социологов – заняты изучением отношения Запада к России как на уровне элит, так и в массовом обыденном сознании. Исследования на эту тему облегчаются ныне тем, что в России за последние 10 лет издано или переиздано большое число записок путешественников, воспоминаний и трудов о России, которые были опубликованы в Европе в течение XV–XIX вв.

Упомянутые исследования ведутся не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и во многих российских региональных центрах и университетах. В Москве и Санкт-Петербурге сложились научные коллективы, которые изучают эту проблему в комплексном плане. Среди наиболее успешно работающих коллективов упомянем Центр «Восточная Европа в античном и средневековом мире», занимающийся изучением зарубежных источников по истории Руси и Восточной Европы под руководством Е.А. Мельниковой¹, труды С.А. Мезина (Саратов) и В.Д. Назарова, С.Я. Карпа и научных сотрудников Института российской истории, Института славяноведения, Института мировой литературы и других научных учреждений, университеты Санкт-Петербурга, Саратова, Калининграда, Казани, Новгорода и др. Значительный вклад в изучение этой проблемы внес Л.В. Копелев; им опубликовано шесть томов капитального исследования о взаимоотношениях русских и немцев на протяжении многих веков, об их взаимных образах и представлениях. В последнее время весьма распространенной стала тема «Западная Европа

и Россия в эпоху Просвещения)², и прежде всего в XVIII в., ибо именно в тот период в значительной мере сложились те стереотипы, которые существуют и по настоящее время.

В мировой науке сформировалось особое направление, которое получило название «Образы других»; в его сферу входят и теоретическое обоснование, и раскрытие механизмов формирования таких образов, причем как на внутренних материалах той или иной страны, так и в отношениях между народами, населяющими разные государства.

Ученые занимаются выяснением, как эти образы и представления формируются, что влияет на их превращение в устойчивые стереотипы и как они воздействуют на исторические традиции и на современные процессы.

Мы полагаем возможным рассмотреть не только характер современных западных стереотипов, касающихся России, но и обратиться к их формированию с древности и до нашего времени, чтобы представить их эволюцию и понять, насколько современное представление опирается на исторические особенности и традиции прошлого.

Применительно к теме «Россия и Европа» можно сказать, что созданные и распространенные на Западе представления о России и русских не только оказывают существенное влияние на отношение стран и народов Европы, европейской общественной мысли к России и по сей день, но в большой мере влияют на эволюцию российского европеизма. Ибо всякое неприятие, критика или осуждение России порождают недовольство и даже протесты в нашей стране и дают дополнительные аргументы тем, кто в России предостерегает от слишком тесных связей с Западной Европой и убеждает в глубоком различии путей развития России и Запада.

Стереотипы такого рода часто весьма устойчивы, они передаются из поколения в поколение и весьма непросто уходят из политики и сознания. Базируясь часто на действительных отдельных фактах и проявлениях, они в то же время становятся основой для формирования целой системы мифологических концепций и представлений.

Для того чтобы понять их реальное содержание и степень распространенности в сознании Западной Европы, следует, видимо, обратиться к истории их возникновения и к тем модификациям, которые они претерпели на протяжении многовековой истории взаимосвязей России и Западной Европы.

В древний период для многих ранних авторов, живших в западной части Европы, население, находившееся далеко на востоке, ассоциировалось, как правило, с кочевническим миром, с теми «дикими» и «варварскими» племенами, которые несли с собой угрозу для европейцев. Славянский этнос в конкретной практике часто противопоставлялся классическим западноевропейским стандартам. И даже процесс христианизации Руси и широкие династические связи русских князей с западноевропейскими правящими домами мало изменили бытующие представления о людях, живших в «русских степях». В то же время необходимо признать, что древняя и средневековая Русь развивалась действительно по византийскому образцу.

Конечно, в те времена в значительной мере эти представления основывались на неосведомленности западного общества о том, что происходило на

далеком и загадочном Востоке, и очень часто все население этого региона идентифицировалось с кочевническим миром.

В XV–XVII вв. связи России с Западом носили незначительный и спорадический характер; в основном они касались торговли и редких династических связей. На Западе слышали о царе Иване Грозном и о войнах, которые Московия вела с турками и с Ливонским орденом. Последнее уже прямо касалось Европы, затрагивая интересы христианской церкви.

В XVI–XVII вв. Россия постепенно выходила на авансцену европейской жизни, втягиваясь в соперничество европейских держав и на Балтике, и на южных окраинах. На севере, как уже отмечалось, Россия соперничала с Ливонским орденом, а на юге вела длительные войны с турками. В XVII в. связи Руси с Западной Европой становились все более активными и в политической, и в экономической областях. Поставки русского хлеба в 30-е годы XVII в. во многом позволили стабилизировать ситуацию во Франции и в Голландии. В Англии Кромвель и его соперники стремились заручиться поддержкой Москвы.

В ряде стран Западной Европы муслировались идеи о возможности освоения российского рынка. Именно в XV–XVII вв. в Западной Европе появились первые обстоятельные записки дипломатов, торговцев и путешественников, которые закладывали определенную традицию в описании русского государства и русских³. Эти записки привлекали внимание и многих российских исследователей, стали предметом изучения особенно в XIX–XX вв.⁴ Появление записок о далекой Московии явилось следствием значительного интереса в политических и общественных кругах Европы к далекой и во многом неведомой стране. Кардинал Ришелье во Франции, английская королева Елизавета I и Кромвель, испанский король Филипп II проявляли живой интерес к Московии, стремясь использовать ее в своих политических и экономических интересах.

Но и в духовной сфере Западной Европы был заметен интерес к России. О ней упоминали Шекспир и Рабле, Сервантес и другие великие писатели той эпохи, ученые Жан Боден, Томас Мор, Мишель Монтень и др. В европейских проектах и трактатах XV–XVII вв. также нередко встречались упоминания России или Московии.

Возросший интерес к России во многом стимулировал поездки в Московию и официальных представителей, и торговцев, литераторов, архитекторов, а также простых путешественников. Спектр их национальной принадлежности был весьма широк и разнообразен. В нашем распоряжении имеются записки и воспоминания немцев, французов, англичан, шведов, итальянцев, австрийцев, голландцев, поляков. В своей совокупности они составили обширную литературу, богатейшие источники, которые представляли может быть самый основной источник информации в представлениях западноевропейцев о России. Разумеется, все эти сочинения не были однородными и однозначными; на них лежала печать политических и религиозных пристрастий их авторов, их объективности или тенденциозности. Но в целом они составили образ России на Западе, который преобладал в Западной Европе в XV–XVII вв.

Подавляющее большинство этих сочинений было издано в Западной Европе, но затем они были переведены на русский язык и стали достоя-

нием исследователей и широкой общественности не только в европейских странах, но и в России, а также предметом рассмотрения и изучения в отечественной историографии. В дореволюционное время ими особенно интересовался В.О. Ключевский⁵. Впоследствии об этом писали историки М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто, А.А. Зимин, М.В. Нечкина и многие другие, те, кто внес наибольший вклад в исследование истории России в XV–XIX вв. Значительный вклад в изучение западных источников по истории России в XV–XVII вв. был внесен советским исследователем Ю.А. Лимоновым⁶.

Естественно, что оценки сочинений западноевропейцев о России по-разному оценивались в российской историографии. Для одних историков это был прежде всего важный источник по истории того времени, в котором наибольшую ценность имели многочисленные факты и описания российской жизни, государственного устройства, ее географии, природы, климата, уклада жизни и настроения людей. Другие выделяли политическую и религиозную пристрастность авторов, критиковали их за тенденциозность и за негативные оценки, дававшиеся России и ее народу.

Но в любом случае – как сами сочинения и записки составили значительное направление в литературе о России того периода, так и работы российских историков, главным образом в XIX–XX вв., также представляют собой отдельную и весьма существенную проблематику исторических исследований. При этом следует подчеркнуть с особой силой, что сами сочинения и записки и их оценки в российском обществе и историографии более позднего времени входят необходимой частью в то направление общественной мысли, которое прямо связано с российским европеизмом, его формированием и эволюцией. Мы остановимся здесь на некоторых записках, которые оказывали наибольшее влияние на представления о России, на формирование ее образа в официальных кругах и в общественном мнении стран Западной Европы.

Одним из первых сочинений стали записки венецианского дипломата Абреджо Контарини, посетившего Москву в конце 1476 – начале 1477 г. Он дал интересное описание жизни и быта Москвы, ее внешнего вида и архитектуры. Контарини был в Москве с официальной миссией, он встречался с Иваном III, с великой княгиней Софьей Палеолог и другими влиятельными лицами и во многом способствовал зарождению русско-итальянских отношений.

Наибольший интерес вызвало в то время сочинение Сигизмунда Герберштейна. Он родился в Каринтии и с детства общался со славянами, что определило его благожелательное отношение к славянскому миру и к Московии. Он также выполнял официальную миссию. Габсбургский император хотел втянуть Русь в борьбу с турками и восстановить нормальные отношения между Русью и Польшей. Герберштейн дважды посещал Московию – в 1517 и в 1526 гг. Он также встречался с великим князем Василием Ивановичем, со многими представителями русской знати.

По возвращении в Европу он написал книгу «Записки о московских делах», которая была издана в 1549 г.

Русь XVI в. описана в сочинении С. Герберштейна достаточно полно и объективно. Автор дал географическое описание страны, рассказал об истории возникновения древнерусского государства (о древних племенах,

живших на той территории и пришедших извне), о государственном строе (включая описание церемонии коронации великого князя), о соседях Московии – Литве, Польше, Белоруссии, Украине, о семейных делах российского великого князя, о быте, нравах как знати, так и простых жителей.

Сочинение Герберштейна как бы открывало для Европы Русь XV в.; оно сыграло значительную роль в представлениях на Западе о России в тот период, когда она постепенно становилась весьма существенным элементом европейской международной жизни.

В XVI в. количество свидетельств о России еще более возросло. В тот период особую активность развивали англичане. Из значительного числа записок стоит выделить Джерома Горсея. Он не был официальным представителем, а прибыл в Москву сначала в качестве приказчика-практиканта английской Московской компании. В отличие от большинства авторов Горсей прожил в России много лет в эпоху царствования Ивана Грозного. Горсей выполнял и другие функции. Так, он отвозил английской королеве Елизавете I личные послания Ивана Грозного и привозил ее ответные послания в Москву. Свои мемуары он написал в 90-е годы XVI в. Их публикация вызвала в Англии большой интерес. В отличие от авторов сочинений XV в. Горсей интересен не столько описанием фактов, сколько собственной интерпретацией русской жизни конца XVI – начала XVII столетия.

Значительный интерес представляют портреты двух выдающихся русских деятелей – Ивана Грозного и Бориса Годунова, с которыми Горсей имел личные встречи. Для него Борис Годунов был явно предпочтительнее, чем жестокий тиран Иван IV. Горсей в противоположность Герберштейну и другим дал более тенденциозное описание русской жизни, будучи ревностным протестантом. Он осуждал православие, критически оценивал русскую жизнь. Горсей много писал о необразованности и невежестве русских людей, в том числе и представителей знати.

В XVII в. наиболее известным сочинением стали записки капитана Маржерета. Он был одним из первых французов, который не просто посетил Россию, но и поступил на русскую службу. Находясь до этого во Франции, Маржерет принимал участие в религиозных войнах на стороне протестантов – Генриха III. Затем он воевал против турок на Балканах, служил в войске польского короля. В 1600 г. Маржерет завербовался на службу в Россию; при этом сначала он воевал против Лжедмитрия I, а с приходом последнего в Москву перешел к нему на службу. В 1611 г. он участвовал в подавлении восстания москвичей против поляков, в поджоге и разграблении Москвы.

До этого Маржерет, находясь в Париже, написал книгу о России. Сочинение Маржерета отражает противоречивость фигуры самого автора, которая повлияла и на содержание его книги. С одной стороны, в ней содержится масса информации о государственной власти в России, о Боярской Думе, о Приказах, о военных силах России, о финансовой системе. Особое место в книге занимают рассказы о взаимоотношениях Москвы и Польши, обо всех перипетиях, связанных со Лжедмитрием, с Мариной Мнишек и т.п. Но с другой стороны, авантюризм автора, участие в борьбе против русских во многом определили его явную тенденциозность и враждебность по отношению к России и к русским.

И в дальнейшем, если сама личность Маржерета вызывала явное неприятие и осуждение, то его сочинение оценивалось неоднозначно. Оно отличалось информативностью и в этом плане продолжало наметившуюся линию на предоставление западному читателю данных об устройстве, жизни и быте русского государства и его жителях в XVII столетии. Книга Маржерета содержала значительное число критических выпадов против уклада жизни русских, их характера и наклонностях, против государственной политики русских правителей. И в этом смысле она вносила свой «вклад» в формирование тех стереотипов, которые складывались о России. Они играли и политическую роль в условиях все большего выхода России на международную арену и возрастания ее участия в европейской жизни.

В заключение отметим еще одно сочинение XVII в., принадлежащее Адаму Олеарию, изданному под названием «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Адам Олеарий родился в 1599 г. в бедной немецкой семье. Он получил образование и научную степень в одном из лучших университетов Германии. Его поистине энциклопедические знания стали основанием включения в состав посольства, которое князь Шлезвиг-Голштинии Фридрих III решил направить в Москву в 1633 г., а затем в 1635 г. снова в Москву и в Персию. Оба посольства должны были содействовать установлению торговых отношений между Шлезвиг-Голштинией (Северная Германия) и Россией. Посольству поручалось добыть сведения о рынках и условиях торговли в России. Итогом посольских миссий стало получение значительной информации о России и ее распространение в Европе. И большую роль в этом сыграла книга А. Олеария о России, которую он написал и издал в 1634 и 1636 гг. В дальнейшем в 1643 г. Олеарий снова посетил Россию.

На всем содержании книги сказалась личность автора, который был прекрасным специалистом в математике, астрономии, географии, истории, этнографии, лингвистике и т.п. Его энциклопедизм снискал Олеарию уважение и признание в самых широких кругах Европы. И именно этот энциклопедизм проявился в его сочинении о путешествии в Московию и в Персию.

В сочинении Олеария освещается множество самых разнообразных сторон жизни России. Учитывая экономическую подоплеку миссии, посетивший Москву автор много внимания уделяет состоянию ремесел и торговли, наличию природных ископаемых, морских и сухопутных путей сообщения. Олеарий пишет подробно о российском государственном устройстве, о финансах и судопроизводстве. Значительное внимание автора обращено на быт и нравы москвичей. В поле зрения автора и внешняя политика страны. Олеарий отмечает, что русские доброжелательно относятся к иностранцам. «У них, – пишет автор, – нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью»⁷.

В сочинении Олеария есть немало критических выпадов и оценок. Как протестант, Олеарий не принимает многих православных норм и установлений. Несмотря на позитивные оценки некоторых черт характера русских, автор сообщает и о необразованности и невежестве многих русских, об отставании и отличии России от Запада. Разумеется, в конкретных условиях

того времени многие оценки Олеария отражали реальное положение дел. Но превалировала значительная информативность сочинения и его доброжелательное отношение к России и русским.

* * *

Сочинения западных дипломатов и путешественников, купцов и деятелей искусства, опубликованные в XV–XVII вв., сыграли большую роль в распространении информации о России в странах Западной Европы. Потребность в ней отражала значительное повышение роли России в международных делах Европы (и в экономическом, и в политическом плане). Правители Франции и Германии, Англии и Швеции, Италии и других стран хотели лучше знать своего набирающего силу партнера на востоке и поэтому всякая информация была им полезна. На общественном и бытовом уровнях в Европе также возрастал интерес к России.

Несмотря на различия, большинство сочинений западных авторов содержали многочисленные разнообразие сведения о положении и жизни в России. И говорим ли мы о позитивных оценках А. Олеария или С. Герберштейна или о критическом настрое Маржерета и ему подобных, все они давали основание говорить о существенном отличии России от Западной Европы (в государственном устройстве и в религиозной сфере, в развитии промышленности и торговли, в уровне образованности населения, в жизненном укладе и пр.). Страны Западной Европы уже прошли, причем многие десятилетия назад, те политические, экономические и прочие процессы, которые только еще начинались или зарождались в России. При этом большинство авторов отмечали явно замедленные темпы развития, которые могли принести свои результаты лишь спустя длительное время. Сочинения западных авторов о России в XV–XVII вв. давали ясное осознание того, что Россия нуждается в радикальных и быстрых реформах, исходя из потребностей внутреннего развития и для большего сближения с Западной Европой.

Общие заключения авторов записок и сочинений о России имели, к сожалению, еще одно последствие. Их выводы об отставании России, о необходимости в ней реформ, о низком уровне образования и многом другом закреплялись в сознании западноевропейской общественности и приобретали форму неких стереотипов, которые сохранялись даже тогда, когда Россия провела глубокие реформы и преобразования, развила экономику и финансовую систему и когда достижения российской культуры и науки получили всеобщее признание и стали символом общеевропейской и мировой культуры. И именно с этих позиций можно подойти к свидетельствам о России зарубежных авторов в XV–XVII вв.

* * *

Наступал XVIII век, который коренным образом изменил положение России в Европе. Реформы Петра I вели к превращению страны в подлинно европейскую державу, которая в результате длительных войн вышла к Балтийскому морю и отбросила османов на юг. И теперь в Европе уже смотрели на Россию, как на сильного и опасного конкурента. На этой основе начали формироваться новые представления о России и русских. Прежние идеи о русских людях, как о невежественных и невоспитанных дикарях, не исчезли, но модифицировались в убеждение, что хотя в России и начались реформы,

но все равно она намного отстает от европейских стандартов. Здесь следует учесть, что к этому времени на Западе полным ходом завершался процесс складывания сословно-представительной системы (еще со времен Средневековья функционировали французские Генеральные штаты и английский парламент); развивалась система, получившая название «Просвещенный абсолютизм». Западная Европа вошла в век Просвещения. Всего этого Россия еще не знала, и поэтому западноевропейская элита, хотя и с определенными модификациями, продолжала рассуждать об отсталости народа и архаическом государственном и политическом устройстве России, о «диких нравах» и необразованности ее населения.

Правда, в Западной Европе встречалось уже немало людей, которые видели Россию в ином свете – как развивающуюся страну, стремительно выходящую на европейский уровень. Они отмечали, в частности, рост в России числа способных и образованных людей. Но в целом образ России в глазах большинства европейцев все же не претерпел серьезных изменений. К этому прибавилось новое обстоятельство. Именно в XVIII в. в Западной Европе началось активное распространение идеи об «угрозе», связанной со стремлением России продвигаться в Европу силой армии и оружия.

В итоге формировался своеобразный симбиоз образа отсталой России с ее необразованным народом в сочетании с идеей страны, помышлявшей о завоеваниях и потому представлявшей опасность для просвещенной Европы и без того раздираемой войнами и распрями.

Ряд российских исследователей, и в частности С.А. Мезин, на многих примерах показали, как в некоторых странах – прежде всего во Франции и Пруссии и в меньшей степени в Англии – формировались и эволюционировали идеи о «русской угрозе» для Европы. В то же время именно в XVIII в., во времена Екатерины II, ряд известных французских просветителей, прежде всего Вольтер и Вольней и в меньшей степени Д'Аламбер и Дидро, преклонялись перед российской императрицей и ее политикой; они не сомневались в успехах российской культуры и в росте образованности русского общества.

Несомненно, что эти французские просветители во многом способствовали популяризации России в Европе и пробуждали к ней интерес не только во Франции, но и в остальных странах. К сожалению, блестящие труды Вольтера и других просветителей не отражали мнения большинства в самой Франции (например, Ж.-Ж. Руссо), и в Европе в целом продолжал распространяться образ России – отсталой и необразованной.

Многочисленные европейские проекты, о которых писалось ранее, в целом не включали Россию в число равноправных членов «европейской семьи», а если и предлагали предоставить ей место в европейских органах, то скорее в порядке исключения, чем правила.

Для общей характеристики образа России в европейских представлениях XVIII–XIX вв. мы отметим два сочинения, которые могут служить некими символами образа России на Западе Европы. Оба принадлежали перу французов. Первое сочинение было написано французским аббатом Ш. д'Отерошем («Путешествие в Сибирь»), совершившим путешествие в Россию в 1761 г.⁸, причем он посетил не только Петербург и Москву, но доехал до Тобольска. А второе сочинение широко известно; написанное в середине XIX столетия, оно принадлежит маркизу де Кюстину, труд которого на многие десятилетия

закрепил определенный образ России среди европейских элит и в массовом обыденном сознании.

Французский аббат Ш. д'Отерош совершил по указанию французского короля Людовика XV поездку в Россию для того, чтобы информировать монарха о том, что происходит в далекой и загадочной России. Автор скрупулезно записывал все детали своего путешествия, включая мельчайшие подробности. В итоге записки аббата, опубликованные во Франции в 1762 г., оказались резко антирусскими. Автор не скрывал своего пренебрежения к стране и ко всему русскому народу. В уничижительных выражениях и тонах он описывал государственное устройство России, ее быт и нравы. Автору не понравилось в ней практически всё. Он обращал внимание на самые различные стороны русской жизни – на плохие дороги и дома, на внешний вид русских крестьян; у него вызывал неприятие и раздражение даже облик русских женщин. Весь пафос труда французского аббата был направлен на доказательство того, что Россия и ее народ представляли собой варварскую и нецивилизованную страну, не имеющую ничего общего с просвещенной и цивилизованной Европой.

Книга не имела широкого распространения во Франции, а тем более в остальной Европе, но она находилась в русле взглядов тех авторов, которые стремились создать негативный образ России в Европе. В известной мере это была реакция на то, что усилиями Петра I и последующих российских монархов (особенно в царствование Екатерины II) Россия выходила на авансцену европейской жизни, становилась полноправным партнером в системе европейских держав. По своей направленности сочинение французского аббата расходилось со взглядами многих французских просветителей, прежде всего Вольтера, высоко оценивавших стремление России влиться в семью просвещенной Европы.

Книгу французского аббата можно поставить в один ряд с теми сочинениями и записками, что появились в Европе в XVII–XVIII вв. и сформировали некий стереотипный взгляд на Россию, смысл которого состоял в том, чтобы противопоставить ее Европе, доказать, что необразованная Россия не имеет ничего общего с европейским развитием.

Сочинение д'Отероша не получило бы большой известности, если бы не реакция на нее в России. Екатерина II ознакомилась с ней, и ее реакция была мгновенной и необычайно острой. Она была возмущена и оскорблена нападкамии на Россию. Вскоре в России была издана книга под названием «Антидот», бывшая ответом на сочинение французского аббата. В течение многих десятков лет велись дискуссии об авторстве «Антидота». Естественно, с самого начала не вызывало сомнений то, что Екатерина II была полностью осведомлена о ее содержании. Но постепенно среди тех, кто исследовал эту проблему, все более утверждалось мнение, что автором «Антидота» выступила сама императрица. В вышедшей недавно во Франции книге под названием «Императрица и аббат» известный французский историк, постоянный секретарь Французской академии наук Э. Карер д'Анкосс убедительно обосновала авторство Екатерины II.

В любом случае книга французского аббата была подвергнута подробному разбору и сокружительной критике. Автор «Антидота» разобрал сочинение француза с той же тщательностью и с теми же подробностями, что и само «Путешествие в Сибирь». Екатерина II, немка, принявшая православие

не просто формально, но «всем сердцем», с едким сарказмом опровергала нападки аббата, защищая Россию, ее строй и место в Европе. Особенное возмущение автора «Антидота» вызвали грубые нападки д'Отероша на русский народ. Екатерина II буквально не оставила камня на камне от утверждений аббата о дикости и необразованности России и ее народа. Весь смысл «Антидота» состоял в доказательстве равноправности России среди европейских держав, в ее движении по «просвещенному пути». Одновременно автор стремился обосновать своеобразие русского народа, отличительные черты духовного облика, уклада жизни и характера русских людей. В обобщенном плане можно утверждать, что российская императрица пыталась не только отстоять честь и достоинство русского народа, но и обосновать принадлежность России к просвещенной Европе, что может без сомнения рассматриваться как вклад в формирование российского европеизма.

* * *

XIX век по всем признакам должен был бы внести существенные перемены в европейские представления о России и русских. После Отечественной войны 1812 г. и восстания декабристов тема «Европа и Россия» стала все больше звучать и даже преобладать в общественных дискуссиях, что получило наиболее яркое выражение в спорах западников и славянофилов.

Россия развивалась быстрыми темпами, при этом она активно усваивала именно европейские идеи и уклад жизни. Санкт-Петербург поражал воображение своим архитектурным обликом. Многие представители русского дворянства и офицерства, деятели литературы и искусства подолгу жили в странах Европы. Среди российской интеллигенции распространялись идеи европейских просветителей. Казалось, что после того, как Европа познакомилась с творчеством Пушкина и Достоевского, Толстого и Тургенева, идеи о русской культурной и цивилизационной отсталости должны были постепенно измениться. Но на практике они продолжали распространяться в кругах европейских элит. Подобные настроения и представления «подогревались» позицией России на международном уровне, которая явно укрепляла свое положение, демонстрируя имперские амбиции и устремления. Именно в середине XIX в. довольно распространена была идея о России как о «жандарме Европы» (особенно после подавления революций 1848 г.). Однако, как известно, подавление освободительного движения в Европе и, в частности, упомянутых революций 1848 г. было связано не только с Россией, но и с другими европейскими державами, с участием государств-участников Священного Союза.

Разумеется, Россия продолжала отставать в своем политическом устройстве и в демократических реформах от многих других стран Европы, но реформы, проводимые в начале XIX столетия, обещали дальнейшие перемены в российском развитии.

В 1865 г. французский историк Анри Мартэн выпустил книгу под названием «Россия и Европа». В ней он утверждал, что русские, хотя внешне и похожи на европейцев, но «не имеют с ними ничего общего». По своему духовному строю они суеверны и непроницаемы для просвещения и работоспособны. Он считал, что вся русская культура не имеет ничего общего с Европой и что место России в Азии⁹. И это писалось уже после того, как Европа

признала И.С. Тургенева и Н.В. Гоголя, и когда Ф.М. Достоевский получил известность в Европе.

В связи с анализом европейских представлений о Европе следует поставить еще один важный и принципиальный вопрос. И в XVIII, да и в XIX вв. российское общество не только позитивно воспринимало Европу; во многих слоях российского населения было явно стремление перенимать и усваивать европейские ценности и уклад жизни. И, как мы отмечали, в споре западников и славянофилов и те и другие не отрицали роль европейских достижений в сфере государственного устройства и, особенно, в области науки и техники, желательность их использования в России.

Но необходимо с особой силой подчеркнуть, что распространение в Европе представлений о России как о нецивилизованной стране, от которой исходит постоянная угроза, влияли в весьма существенной степени на споры в самом российском обществе, усиливая позиции «антиевропеистов». Уничтожительные оценки русской жизни и особенно крайние характеристики, даваемые авторами отдельных сочинений и путешественников российскому народу, вызывали протест и неприятие даже у западников, убежденных российских европеистов. Так перекинулись и взаимодействовали факторы внутренние и внешние, национальные и международные. Все они в своей совокупности существенно влияли на формирование и утверждение того, что мы называем «российским европеизмом».

В XIX в. во Франции была издана еще одна книга, оказавшая значительное влияние на формирование западных стереотипов по отношению к России. Эта книга принадлежала перу французского маркиза А. де Кюстина «Николаевская Россия»¹⁰, изданная в 1843 г. и вызвавшая сразу же огромный интерес. Для середины XIX в. общий тираж книги в 200 тыс. экз. был невиданным явлением.

А. де Кюстин – сын известных французских роялистов, казненных в эпоху робеспьеровского террора, ехал в Россию, как он сам говорил, в поисках новых аргументов против «представительного правления». Но в итоге его книга о России, написанная в резких антирусских тонах, заложила основу для многих последующих негативных стереотипов, утвердившихся в сознании многих деятелей в Западной Европе. В течение длительного времени, вплоть до наших дней велись активные споры вокруг сочинения французского аристократа. Одно из основных утверждений книги состояло в доказательстве крайней отсталости России, ее «рабского строя», «дикого» государственного и общественного устройства. Для ряда российских исследователей, писавших о книге де Кюстина, в том числе и в постсоветское время, эти выводы французского автора отражали реальную действительность царской России того времени. По сравнению со многими странами Запада Россия с ее крепостным правом, с жестким авторитарным режимом императорской власти, с архаичными формами управления и хозяйствования отставала от значительно более развитых государств Западной Европы.

И в этом смысле де Кюстин точно описал российские порядки того времени. Его рассказы о полном произволе русских чиновников и таможенников (при пересечении границы), об их неуважении к закону и к нормам, уже установленным по всей Европе, также отражали реальное положение дел. Автор пишет, что армия чиновничества испытывает страх и почтение только перед властью императора. Одновременно де Кюстин справедливо писал о

разрыве между богатством и пышностью царского двора, представителями знати и бедностью, неграмотностью и отсталостью русского народа.

«Русский государственный строй, – писал автор, – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства»¹¹. Весь этот пафос французского аристократа не был чем-то неожиданным для русской общест-венности. Российская литература, публицистика и отечественная мысль писали о том же самом; российские авторы критиковали самодержавие (на-сколько это было возможно в условиях жесточайшей цензуры), говорили о бедственном положении российского крестьянства, находившегося в крепо-стной зависимости, что было глубоким анахронизмом в условиях тогдашней Европы.

Однако не этот пафос де Кюстина вызвал столь сильную критику и даже возмущение в России. Главное состояло в том, что он перенес свое осуж-дение российских порядков на весь российский народ. Де Кюстин пытался доказать, что отсталые и раболопные, дикие нравы и т.п. – все это было за-ложено в глубинах российского менталитета с далекой древности. «Любовь толпы (так он называл русский народ) к царю напоминает любовь стада к своему пастуху, который его кормит, чтобы послать затем на убой»¹².

Повторяя почти дословно утверждения своего предшественника, аббата д'Отероша, де Кюстин уничижительно писал о внешнем облике русских, об их трусости и хитрости, то же о неприглядной внешности русских женщин и т.п. Даже русская природа вызывала раздражение автора. «Нет ничего печальнее, – писал он, – чем природа окрестного Петербурга... Дикий пустынный пейзаж, без красок, без границ и в то же время без всякого величия освещен так скупо, что его едва можно различить. Здесь серая земля вполне достойна бледного солнца, которое ее освещает»¹³.

Прибыв в Петербург, де Кюстин обнаружил «неровный и неудобный» бульжник. «Мне стало очень неудобно в Петербурге, – заметил де Кюстин, – после того, как я увидел Зимний дворец и узнал, скольких человеческих жиз-ней он стоил»¹⁴. И далее: «Я описал город, лишенный своеобразия, скорее пышный, чем величественный, скорее поражающий своими размерами, чем красотой, наполненный зданиями без стиля, без вкуса, без исторического значения»¹⁵. И это писал француз, прекрасно осведомленный, что Петербург и его дворцы были построены с учетом европейского стиля в архитектуре и во многом по образцам Парижа и Версаля.

Если верить де Кюстину, русские крестьяне все ходят босиком, а «дамы» в Петербурге ходят без шляп, с грязными косынками, в стоптанных туфлях и т.д.¹⁶ Пробыв в России довольно длительное время, в основном в Петербур-ге и в Москве, де Кюстин практически «не заметил» ничего позитивного, а главное, не увидел тех перемен, которые зрели в России с начала XIX столетия. Проекты реформ, предложенные Сперанским, положили начало даль-нейшим реформаторским усилиям. И даже в эпоху Николая I, когда многие либеральные идеи жестко подавлялись, продолжались острые дискуссии о настоящем и будущем России. Мы уже писали, что 1830–1840-е годы в Рос-сии были временем Пушкина, Лермонтова и многих других, и не замечать этого было необъяснимо и неоправданно для просвещенного европейца.

Отождествление народа, общества и власти свидетельствовало об узости взглядов де Кюстина и его подходов к анализу российской жизни. Блестящая

литература и публицистика, в том числе и явно оппозиционная к властям, полностью опровергали умозаключения автора.

Рисуя мрачную картину русской жизни, французский автор как бы подводил итоги своих наблюдений: «Подъяремный народ всегда достоин своего ярма, – писал он, – тираны – это создание повинующегося ей народа. И не пройдет 50 лет, как либо цивилизованный мир подпадет под иго варваров, либо в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует еще до сих пор»¹⁷.

В заключение приведем несколько «обобщающих» заключений де Кюстина: «Все, чем я восхищаюсь в других странах, я здесь ненавижу, потому что здесь за это расплачиваются слишком дорогой ценой. Порядок, терпение, воспитанность, вежливость, уважение, естественные и нравственные отношения, существующие между теми, кто распоряжается, и теми, кто выполняет все, что составляет главную прелесть хорошо организованных обществ... все сводится здесь к одному единственному чувству – к страху. В России страх заменяет, вернее, парализует мысль»¹⁸.

«В России человек не знает ни возвышенных наслаждений культурной жизни, ни полной и грубой свободы дикаря, ни независимости и безответственности варвара. Тому, кто имел несчастье родиться в этой стране, остается только искать утешения в горделивых мечтах и надеждах на мировое господство... Россия живет и мыслит, как солдат армии завоевателей»¹⁹.

И, наконец, де Кюстин заканчивает свою книгу следующими словами: «Нужно жить в этой пустыне без покоя, в этой тюрьме без отдыха, которая именуется Россией, чтобы почувствовать всю свободу, предоставленную народам в других странах Европы... Когда ваши дети вздумают роптать на Францию,.. скажите им: поезжайте в Россию! Это путешествие полезно для любого европейца. Каждый, близко познакомившийся с царской Россией, будет рад жить в какой угодно другой стране. Всегда полезно знать, что существует на свете государство, в котором немислимо счастье, ибо по самой своей природе человек не может быть счастлив без свободы»²⁰.

Все приведенные отрывки ясно выражают кредо автора; он не смог скрыть своего крайнего раздражения сразу же после пересечения российской границы. Справедливости ради стоит отметить, что в заключительных главах своей книги де Кюстин иногда смягчает свои оценки. Он писал уже о том, что «славянин по своей природе сметлив, музыкален, почти сострадатель». Автор писал и о том, что «русский народ представлял собой цвет человеческой расы», и т.д. Но все же это были частности, а в основном пафос всей книги был явно «русофобским».

В этих условиях книга де Кюстина вызвала всеобщее осуждение в России. Официально она была запрещена. С ведома и при поддержке официальных властей спустя несколько месяцев после выхода в свет книги де Кюстина появилась книга Н.И. Греча, который подверг француза резкой критике: причем осуждая оппонента, Греч восторженно писал о порядках в России и об императоре Николае I. Вслед за книгой Греча издается сочинение Я.И. Толстого – корреспондента Министерства народного просвещения (агента III Отделения), также резко бичующее де Кюстина. Одновременно старший советник Российского Министерства

иностранных дел К.К. Лабенский выпускает новую книгу с критикой сочинений де Кюстина.

Таким образом, если после выхода книги аббата д'Отероша сама императрица Екатерина II написала опровержение, то после издания книги де Кюстина эту миссию выполнили несколько авторов, несомненно, при поддержке официальных властей.

Книга де Кюстина встретила осуждение и российской передовой общественности. А.И. Герцен и Ф.И. Тютчев, А.И. Тургенев и П.А. Вяземский негодовали после выхода книги де Кюстина, о которой говорили в петербургских салонах. «Я не знаю ни одного дома, где бы не было сочинения Кюстина о России», – вспоминал А.И. Герцен в 1851 г.²¹ Ф.И. Тютчев писал об умственном бесстыдстве и духовном рабстве авторов, подобных де Кюстину.

Но спустя несколько лет, и особенно после выхода раблепной книги Греча, тот же А.И. Герцен писал: «Рабский, холопский взгляд и дерзкая фамильярность, цинизм раба, потерявшего всякое уважение к человеческому достоинству». «Греч предал на позор дело, за которое поднял подлую речь». «Своим отрицанием факторов, всем известных, Греч, – по мнению Герцена, – достигает обратного результата, он лишь усугубляет силу обличения Кюстина»²². Герцен уже пишет, что Кюстин виноват в том, что он не постарался ничего узнать о русском народе, о литературном и ученом мире, об умственной жизни России, ограничившись лишь тем миром, который он назвал «миром фасадов», и что ничего не захотел увидеть позади этих фасадов. А.И. Герцен и некоторые другие представители российской литературной и публицистической интеллигенции разделяли критику самодержавия и отсутствия свободы в России, но они по-прежнему сохраняли свое резко отрицательное отношение к русофобии А. де Кюстина.

Говоря об этой противоречивости, связанной с оценкой книги де Кюстина, необходимо отметить, что именно А. де Кюстин своей книгой и благодаря своему литературному таланту сумел во многом внедрить в сознание политических и интеллектуальных европейских элит представление о России, как о «варварской» и «дикой» стране, чуждой европейским стандартам, и противопоставить Россию цивилизации Европы. Мы пишем об этом, потому что подобная точка зрения и антирусские стереотипы продолжали существовать и в дальнейшем.

Начало XX столетия усилило связи России с Европой, с ее общественностью и правящими кругами. Международно-политический альянс России с Англией и Францией, массовый приток западных капиталов в Россию активизировали и углубили эти связи. Именно в период после революции 1905 г. в России и начала российских реформ (создание Думы, формирование различных российских партий) значительно расширились связи России со странами Европы.

На Западе рос интерес к российской науке, литературе и искусству. В России были изданы переводы многих известных западных философов, деятелей эллинической эпохи, даже мистиков. Появилось множество новых издательств и журналов, активно сотрудничавших с европейскими писателями и философами, историками и деятелями искусства. Журнал «Весы» был связан с французскими символистами, журнал «Мусагет» сотрудничал с партне-

рами в Германии. Русский авангардизм занял ведущее место в европейском модерне. Василий Кандинский, основавший в 1911 г. школу «беспредметного искусства», получает (правда, уже позднее, в 1925 г.) профессию в Веймаре. В России выступало множество западных артистов и музыкантов.

Может быть, именно эти годы служили ярким подтверждением слов Достоевского, что «у русского человека два отечества: Россия и Европа» и что всякий образованный русский думает прежде всего о Европе²³. А в самой России, как известно, развивались революционные, социальные и политические процессы, которые в итоге привели к созданию российского парламентаризма и конституционной монархии, к появлению многопартийной системы.

Но все эти процессы, как и все большее сближение России и Европы, были прерваны и отброшены русской революцией 1917 г. и установлением в России большевистского правления, которое изолировало Россию от Европы. К старым стереотипам добавились новые, которые оказывали большое влияние на настроения европейской общественности.

Идея «русской угрозы» трансформировалась в большевистскую, в опасения европейских общественных кругов перед попытками Москвы «коммунизировать» Европу. Эта идея была распространена в 1920–1930-х годах, но она особенно зазвучала после Второй мировой войны и установления в ряде стран Центральной и Восточной Европы под эгидой Советского Союза социалистических режимов. Старые идеи об имперских целях и амбициях России в отношении Европы соединились с теориями о стремлении Москвы к распространению коммунизма.

Прежние утверждения об отсталости России, о необразованности ее населения, о диких нравах в основном уходили в прошлое, особенно после советских успехов во Второй мировой войне, создания первого спутника, полета советских космонавтов и т.п. На первое место в содержании антирусских стереотипов выдвинулась идея о недемократической и тоталитарной России, о постоянных нарушениях прав человека, о преследованиях за инакомыслие, о массовых репрессиях и т.п. И именно эти проявления в Советском Союзе служили главными аргументами противопоставления России Европе, несоответствия демократических европейских традиций и ценностей советской (российской) действительности. И это было идейным и общественным подкреплением того, что и в новых послевоенных планах и проектах переустройства Европы не находилось места для «недемократической» России. Западная общественность принимала, так же как и официальная Западная Европа, международно-политический аспект российского участия в решении европейских проблем, но отвергала органическую российскую принадлежность к европеизму и соответственно подключение России к европейскому движению и строительству.

После распада Советского Союза и перехода России на путь либеральной рыночной экономики и проведения в России глубоких демократических преобразований и реформ фактически отпадали главные аргументы тех представителей общественности Западной Европы, кто говорил о несовместимости российских порядков с европейскими демократическими нормами и принципами. И тем самым постепенно создавались условия для отхода Западной Европы от старых антирусских и антисоветских стереотипов.

И действительно, они сильно деформировались, хотя, к сожалению, и не исчезли из европейских представлений о России. Сохраняются обвинения России в тенденции к авторитаризму, в нарушении прав человека (чеченская проблема), время от времени возрождаются старые антирусские стереотипы. Видимо, здесь действует сильная инерция прошлого, давление прежних устоявшихся стереотипов и клише, сформированных много веков назад и не уходящих из представлений определенных западных элит.

Многие стереотипы сохраняются и даже насаждаются некоторыми кругами западного общества и особенно средствами массовой информации, часто по явным политическим и идеологическим пристрастиям. Устойчивость негативных стереотипов базируется на неких традициях и исторической памяти о многовековом прошлом; они питаются все той же идеей о том, что Россия принадлежит и к европейской, и к азиатской цивилизациям и укладу жизни; и, наконец, на том, что в российской действительности, в ее традициях, в культуре и менталитете заложены те признаки и особенности, которые если не противопоставляют, то отделяют Россию от классической Европы. И именно эти обстоятельства в своей совокупности позволяют поддерживать и сохранять в ряде стран Западной Европы компоненты старых и новых стереотипов, что в немалой степени, как уже отмечалось, снижает возможности и темпы внутренней эволюции и утверждения «российского европеизма».

¹ Центр издает свод публикаций «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» (отв. ред. В.Л. Янин; вышло в свет 20 томов) и ежегодник «Древнейшие государства Восточной Европы» (отв. ред. Е.А. Мельникова). См. также: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1999.

² Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп и С.А. Мезин. М., 2004; *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия: исследование и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998; От войны к миру. Россия и Швеция. XVIII век: каталог выставки. СПб., 1999. Вып. 1–5; Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2000; Русско-французские связи эпохи Просвещения: памяти Г.С. Кучеренко / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2001; *Мезин С.А.* Взгляд из Европы. Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003; *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995; *Он же.* Екатерина II и Людовик XVI: русско-французские отношения 1774–1792. М., 2001; Россия и Франция: сб. ст. / Под ред. П.П. Черкасова. М., 1995–2005; *Le Mirage russe au XVIIIe siècle / Textes publiés par S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001.*

³ См.: *Контарини А.* Рассказ о путешествии в Москву в 1476–1477 гг. // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971; *Герберштейн С.* Записки о московских делах. СПб., 1908; *Горсей Дж.* Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. СПб., 1909; *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982; *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию и обратно. СПб., 1906; *Де ля Невиль.* Записки о Московии. 1689; Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1976.

⁴ О взаимоотношениях России и Запада и о записках зарубежных авторов о России см. интересную ст.: *Лимонов Ю.А.* Россия в западноевропейских сочинениях XV–XVII вв. // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 3–16.

⁵ См.: *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

⁶ См.: Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. С. 14.

⁷ Цит. по: *Мезин С.А.* Указ. соч.

⁸ См.: *L'Impératrice et l'Abbé. P., 2003 (Présenté par Hélène Carrère d'Encausse de l'Académie française).* О книге Ш. д'Отероша. см.: *Элькина И.М.* Французские просветители и книга Шаппа д'Отероша в России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. История, 1973, № 6. С. 77–81; *Эльки-*

на И.М. Шапп д'Отерош и его книга «Путешествие в Сибирь» // Вопросы истории СССР. М., 1972. С. 361–388.

⁹ См.: Россия между Европой и Азией. М., 1993. С. 308.

¹⁰ *Маркиз Астольф де Кюстин*. Николаевская Россия. М., 1999.

¹¹ Там же. С. 75.

¹² Там же. С. 85.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 71.

¹⁵ Там же. С. 145.

¹⁶ Там же. С. 221.

¹⁷ Там же. С. 93.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ Там же. С. 316.

²¹ *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и письма. Т. 6. С. 364.

²² Там же. Т. 3. С. 314–315.

²³ Многие факты и слова Достоевского взяты из статьи: *Стенуна Ф.А.* Россия между Европой и Азией // Россия между Европой и Азией. С. 326–327.

РУССКАЯ ИДЕЯ: ОТ МЕССИАНИЗМА К ПРАГМАТИЗМУ*

Прошло 20 лет с тех пор, как в России кардинально сменилась идентичность, но она до сих пор не обрела новую национальную идею, без которой народ остается в неведении о своем будущем. Хуже того, потеря традиционной идентичности приводит к хаосу не только в головах, но и в практических делах, что ставит под вопрос способность защищать независимость Отечества. Назрела необходимость перейти от традиционного российского мессионизма к национальному прагматизму.

Высшим проявлением идентичности народа является его национальная идея, которая «выступает как система социальных стратегий и тактик определения положения общества в историческом времени и пространстве, как единство самоопределения нации в контексте различия с другими системами социокультурных ценностей»¹.

В традиционном обществе идентичность обеспечивается соответствием жизнедеятельности социума идеально-нормативным образцам. В индустриальном – социальная реальность начинает раскалываться, а в постиндустриальном происходит смешение различных типов идентичности, что приводит к размытости самоидентификации, отсюда трудность формулирования современной национальной идеи. Однако глобализация вызывает ответную реакцию в виде роста этнокультурного национализма и подталкивает народы к защите своих национальных ценностей. Обостряется потребность в четком определении миссии нации на современном этапе. Поэтому перед Россией стоит задача преодоления незавершенности цивилизационной идентичности и формулирования новой национальной идеи².

Именно в нынешней критической ситуации ей необходима устойчивая национальная идентичность. В XX в. она дважды переживала разрушительные кризисы идентичности. Первый – в его начале, второй – в конце. Суть первого – потеря миссии вселенского православия, а второго – утрата «светлого будущего» человечества – коммунизма. Первый кризис обернулся перманентной борьбой между этими двумя идентичностями, почти столетней революцией, а второй – распадом великой державы, что поставило Российскую цивилизацию на грань мутации и выживания. Нынешняя миссия «энергетической державы» не устраивает ни наше Отечество, ни мировое сообщество. Развернулись отчаянные поиски новой идентичности, которые пока не привели к положительному результату.

Обретению русской идеи, разным трактовкам ее судьбы, посвящена огромная литература от летописца Нестора, который в «Повести временных лет» ставил вопрос «откуда есть пошла Русская земля?» до Никиты Михалкова с его «Манифестом просвещенного консерватизма». Нет никакой возможности проанализировать все это в краткой статье. Попытаемся вычленить и оценить главные этапы трансформации идеи, сформулировать подходы к ее современному осмыслению.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ 5236;2010.6.

В истолковании Русской идеи чаще всего сталкиваются два разных представления о ней: богословское и светское. А.Н. Боханов считает их непримиримыми и исключает «синтетический метод», оставаясь приверженцем космологического принципа³. Синтезировать не стоит, но и уходить от исторической реальности их взаимодействия трудно. Обожещаемая им царская власть руководствовалась в управлении страной и ее народами церковными заветами, но проводила-то она их в жизнь вполне светскими методами. Возникает дилемма: Русская идея – безжизненный фантом или историческая реальность? Если это историческая реальность, то она существовала в конкретных условиях и имела конкретные результаты. Задача заключается в том, чтобы понять их и по достоинству оценить.

Оказавшись составной частью христианского мира, приняв православие, Русь приобщилась к культурному богатству Византии, являвшейся наследницей греко-эллинистической культуры. Летописец Нестор поведал о пророчестве апостола Андрея Первозванного, ставшем впоследствии основой утверждения богоизбранности святой Руси – России⁴. Отсюда ее мессианское предназначение в Русской идее. Восточное (византийское) христианство исходило из того, что «невозможно христианам иметь церковь, а царя не иметь»⁵. Эту заповедь восприняли московские великие князья, которые стали именоваться царями, а их держава объявлялась вселенским «Благословенным царством».

После падения Византии Московское царство стало единственным православным государством. Эту мысль инок псковского монастыря Филофей облек в формулу: «Москва – третий Рим, а четвертому не быти». Руси предназначалась роль носительницы и хранительницы истинного христианства, православия. Россия – единственное православное царство, и в этом смысле царство вселенское, подобно первому и второму Риму. Идея богоизбранности Руси, задавая рамки мессионизма, трансформировалась в неприятие западного христианства, прежде всего католичества, и в теорию потенциальной перспективности России по отношению к Западу, что нашло отражение в поиске смысла Русской идеи мыслителями XIX в.

Именно тогда под влиянием побед над Наполеоном и создания в Европе «Священного Союза» во главе с Россией поиск Русской идеи приобрел особую остроту. В первой четверти века она из страны, которой постоянно угрожала внешняя опасность и континентальная изоляция, превратилась в своеобразную сверхдержаву. В этих условиях произошел некий сплав трех предшествующих фаз исторического самоосмысления россиян: принцип религиозный (православие – Киевская Русь), политический (самодержавие, «священное царство» – Московская Русь) и социальный (европейская цивилизация – Российская империя). На этом поприще выступали наиболее колоритные фигуры общественной мысли страны.

В 30-е годы XIX в. П. Чаадаев, сравнив Россию с Западной Европой и выявив их абсолютную несхожесть, сделал вывод о том, что наша страна находится в особых отношениях с божественным Провидением. Она «получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки». Это, с его точки зрения, и должно стать Русской идеей в отличие от уже осуществленных идей Востока и Запада. Замысел Провидения о России видится Чаадаевым в том, «что оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества»⁶.

Славянофилы (40-е годы XIX в.) сформулировали концепцию, в рамках которой Русская идея оказалась тотально превосходящей основы западноевропейской цивилизации. Единственной альтернативой грядущей катастрофе Запада, по убеждению славянофилов, может быть только Русская идея, т.е. православие, заложившее духовные основы русского народа и гармонично вписавшееся в формы изначальной славянской социальности.

На конкретном материале это показал Н. Данилевский в своей книге «Россия и Европа». С его точки зрения, уникальность России состоит в том, что она единственная обладает здоровым общественно-экономическим строем, позволяющим прогнозировать ее устойчивость. Европе (германороманскому типу), с одной стороны, грозит Харибда цезаризма или военного деспотизма, с другой – Сцилла социальной революции. Трактовка Русской идеи Данилевским придала ей новый геополитический смысл. Она оказалась знаменем, под которым вокруг России должны объединиться славянские народы для того, чтобы навсегда решить «Восточный вопрос» – отвоевать Константинополь как традиционный центр православно-славянского мира⁷.

Это привело к переосмыслению христианской составляющей Русской идеи и придало ей универсально-всечеловеческое измерение. Ключевыми фигурами здесь стали Ф. Достоевский, Вл. Соловьев и Н. Федоров. Достоевский сопоставлял Русскую идею с основными конфессиями христианства. Уже проявила себя католическая (французская) идея, эволюционировавшая в антихристианский социализм. Противопоставила себя ей протестантская (германская) идея, зависимая от католицизма. «А между тем на Востоке, – констатирует Достоевский, – действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся, – может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы»⁸. Он именовал русских «народом-богоносцем», не придавая этому термину шовинистического значения, что переводило проблему из сферы национального в сферу христианского служения. Размышления о «всецелности, всепримиримости, всечеловечности», по мнению Достоевского, составляют содержание Русской идеи. Это те черты, которые сформировались как результат гармонического развития многочисленных этносов в пределах России, их приобщения через русскую культуру к высотам мировой культуры. Поэтому Русская идея рассматривалась в многонациональной России как общенациональная. Именно в этом видел Достоевский роль русского народа в процессе всемирного человеческого единения. Он подчеркивал, что Россия постоянно жертвовала своими национальными интересами в угоду интересам других народов, неоднократно защищала Европу и европейскую цивилизацию от вторжения со стороны Востока и спасала ее от собственных тиранов.

Н. Федоров обосновал фундаментальную теорию разделенности мира на «Восток» и «Запад». В данном контексте определялось призвание России. Будучи правопреемницей христианской Византии, она приняла на себя вселенское дело последней – «дело внутреннего и внешнего примирения Запада с Востоком». Главное препятствие на этом пути по Федорову – враждебность Запада (Европы). Он писал: «Запад, употребляя исламу как орудие, силится нанести удар по славянству, которое своею грудью защищало тот же Запад; и как только будет разбита эта грудь, исламу, не опасаясь бо-

лее России, сбросит с себя оковы Запада... затем по трупу России ислаимизм шагнет к самому Западу»⁹. Как современно это звучит в свете последних событий на Балканах, Северном Кавказе и в Африке.

Наряду с передовыми представителями общественной мысли своего времени трактовку Русской идеи дала царская власть устами министра народного просвещения графа С.С. Уварова. Она получила название «Теория официальной народности: самодержавие, православие, народность». Эта теория была резко раскритикована в годы Советской власти. Между тем, в ней заключался определенный смысл, который оберегал незрелую политическую культуру страны от внутренних и внешних радикалов, что, впрочем, не спасло ее от трагических событий начала следующего века. Триада официальной народности утверждала единство национального самосознания и властной вертикали, что так не достает нынешней России, разумеется в современном понимании.

У некоторых современных авторов существование Русской идеи заканчивается в начале XX в. В частности, А.Н. Боханов, назвав свою фундаментальную монографию «Русская идея от Владимира святого до наших дней», почему-то завершил ее основное содержание 1917 годом. Неужели тогда, столетие назад, кончились наши дни? Конечно, после революции 1917 г. прервалось ее православное понимание, но она продолжала жить в народном сознании и в новой форме присутствовала даже в большевистской лексике. Стоит только вспомнить триаду официальной народности, чтобы убедиться в этом. На месте самодержавия оказалась диктатура пролетариата, православия – марксизм-ленинизм, народности – новая историческая общность – советский народ. А девиз «Москва – Третий Рим» превратился в «Третий Интернационал».

В ходе Октябрьской революции 1917 г. и советских преобразований возторжествовала так называемая Красная идея, которая, с одной стороны, унаследовала мессианский характер Русской идеи, а с другой – категорически отвергла ее религиозное содержание. Мессианизм проявился прежде всего в попытке развернуть мировую пролетарскую революцию с целью избавления трудящихся в первую очередь европейских государств от капиталистической эксплуатации. В дальнейшем он вылился в масштабную помощь странам, освободившимся от колониальной зависимости. Если первая попытка не увенчалась успехом, то вторая сыграла огромную роль для молодых развивающихся государств. Стержнем Красной идеи был девиз «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Она призывала к строительству коммунизма, своего рода «царству Божьему» на земле. Однако создать земной рай не удалось. В силу объективных и субъективных причин социалистическая идея в Советском Союзе оказалась дискредитирована, что привело к катастрофическим последствиям для страны.

Несмотря на то что марксизм пришел из Западной Европы, советское руководство отгородилось от нее «железным» занавесом по причинам как внешним, так и внутренним. Западные страны сначала пытались осуществить интервенцию в Советскую Россию, а потом организовали ее блокаду. С точки зрения внутренней политики, Советская власть была не заинтересована в широком контакте с Западом, поскольку жизненный уровень населения в СССР ниже, чем там, что подрывало веру в преимущества социализма.

В определенной мере осуществился тезис о всеславянском единстве, особенно после Второй мировой войны, когда образовалось социалистическое содружество государств в Восточной Европе. Правда, в него не вошла Греция, которая в русской идее всегда фигурировала как оплот православного мира. Вообще после Второй мировой войны с созданием социалистического лагеря, расположенного не только в Европе, но и в Азии, укреплением социально-экономической и военной мощи СССР превратился в супердержаву, фактически в Третий Рим, но существовал и Четвертый – США. А нынче после распада СССР именно последний вершит судьбы мира.

Божественный смысл Русской идеи был полностью отвергнут большевиками, что, однако, не мешало им подчеркивать если не богоизбранную, то по крайней мере особую роль России в мире. Во внутреннем плане советский атеизм нанес огромный урон культуре и нравственности народов СССР. Отрицая в теории богоизбранность русского царя, коммунистические лидеры на практике так возвысили свою власть, что она оказалась куда большей, чем царская. Этому способствовало имперское прошлое, порожденное традиционным обществом, незавершенной модернизацией. Сам советский строй, с одной стороны, базировался на европейской социалистической идее, а с другой – на общинных началах российской жизни. Это противоречие порождало гибрид догоняющей модернизации, что вело к аномалиям, крайностям и жестокостям сталинского режима, который представлял собой сплав советского авторитаризма и имперского традиционализма.

Красная идея подвергалась ожесточенной критике как внутри страны, так и за ее пределами, особенно среди русской эмиграции за рубежом. Наибольший интерес представляют взгляды Н. Бердяева и И. Ильина. Н. Бердяев писал: «В России революция могла быть только социалистической... По русскому духовному складу революция могла быть только тоталитарной. Все русские идеологии всегда были тоталитарными, теократическими или социалистическими. ... Марксизм был приспособлен к русским условиям и русифицирован. Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей... Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен»¹⁰.

И. Ильин приложил большие усилия к разработке Русской идеи в новых условиях, альтернативной большевизму. По его мнению, «эта идея должна быть *государственно-историческая, государственно-национальная, государственно-патриотическая, государственно-религиозная*. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из духовного склада»¹¹. По Ильину «это есть *идея воспитания в русском народе национального духовного характера*... Без этого России не быть...» «Для русского народа, – по утверждению Ильина, – нет выбора: если он не вступит на этот путь, то он вообще не может удержаться на исторической арене. Тогда он будет отвеян в пространство, как историческая мякина, или затоптан другими народами, как глина»¹². Дальновидная позиция Ильина по поводу национальной идеи исключительно важна в современных условиях, когда в муках ведется ее поиск на постсоветском пространстве.

После распада СССР и отказа от Красной идеи, на заре либеральных реформ была поставлена задача обретения новой Русской идеи. Ее подготовку президент Б.Н. Ельцин поручил Б. Березовскому, В. Гусинскому, Г. Бурбулису и их сподвижникам¹³, но позитивного результата не последовало. Одни восприняли ее как выражение нашего национального самосознания, другие как доктрину русского национализма и шовинизма, третьи видели в ней программу действий в новых условиях, а четвертые скептически отрицали саму идею как никчемную и даже вредную в переходный период. Возникает вопрос: если в ее необходимости сомневаются в переходный период, когда требуется определить вектор движения и стратегию развития, то так ли она нужна после его завершения? Видимо, дело не в том, что идея не нужна России, а в том, что ее трудно сформулировать в нынешней крайне противоречивой ситуации в стране.

К началу 2000-х годов относится попытка сформулировать эту идею в Институте истории и археологии УрО РАН, которая была обсуждена и одобрена Всероссийской научно-практической конференцией «Россия в поисках национальной стратегии развития» (апрель 2003 г.). Она звучала так: «Просвещение, гражданственность, достоинство».

Слово «просвещение» в русском языке имеет более широкий смысл, чем просто путь к знаниям. Оно происходит от христианского «просветление» и означает не только накопление знаний, но и высокую нравственность. Просвещение разума и духа знаменовало важнейшие вехи национальной истории России, периоды ее взлетов и побед. Просвещение – это идея последовательной и целеустремленной борьбы с бездной отсталости, бескультурья, мизерных жизненных целей, за право и правду – это культ знаний, приоритетное развитие науки и высоких технологий как основы решения задач модернизации страны в широком смысле слова.

Гражданственность должна видоизменить взаимоотношения общества и государства, сделав благо рядового российского гражданина конечной целью и смыслом деятельности последнего. Идея гражданственности означает примат закона над бюрократическим произволом. Традиционный идеал сильного Российского государства в современных условиях немислим вне идеи гражданственности.

Идея достоинства связана с преодолением в российском обществе массового настроения самоуничтожения, пренебрежения ко всему отечественному, порожденное «лихими» 1990-ми годами. Достоинство – это то, что должно в конечном счете помочь России найти свой собственный, органичный путь к экономическому процветанию и культурному прогрессу, опираясь на собственный труд, интеллект и волю.

В совокупности эта триада отражает наиболее значимые проблемы нынешней России¹⁴, но она нуждается в осмыслении места страны в современном мире. На пути формирования национальной идеи в нынешней сложной российской действительности очень много трудностей, но их необходимо преодолевать в условиях натиска глобализма. Во всем мире с каждым годом нарастает противоречие между глобализмом и регионализмом. Понимая неизбежность глобализации, многие народы пытаются сохранить свои основные этнонациональные ценности. Для России эта проблема обретает особую остроту, поскольку народ, прежде всего молодежь, после 20 лет

неопределенности теряет надежду на выход из нее, что чревато большими неприятностями для Отечества.

Между тем, национальные идеи имеют не только передовые державы, но и развивающиеся. Известны идеи (девизы) 175 стран мира. Среди них такие классические широко известные как «Свобода. Равенство. Братство» (Франция), «Бог и мое право» (Англия), «На Бога уповаем. Новый порядок на века» (США), «Свобода или смерть» (Греция), «Социализм с китайской спецификой» (Китай), «Земля обетованная» (Израиль), «Единство в многообразии» (Европейский Союз) и др. Есть и экзотические «Звезда и ключ Индийского океана» (Маврикий), «Куда кривая выведет» (Бермуды)¹⁵. Для России последняя формулировка никак не подходит, хотя нынче на практике дело обстоит почти так. По оценке Отдела политического анализа и национальной безопасности Информационно-аналитического управления Совета Федерации РФ «со времен Ленина–Сталина и доктрины «экспорта революции» в России отсутствует доктринальное мышление как форма государственного управления и развития»¹⁴. Следствием этого обстоятельства является то, что в приведенном выше обзоре в графе «Российская Федерация» записано: «Закон. Справедливость. Процветание. Свободная Россия – надежда мира». Этих декларативных фраз хватит на несколько государств, но они не отвечают сути реальных процессов и не дают представления о перспективах России.

А какой же все-таки быть новой Российской идее? На этот вопрос еще в начале прошлого века ответил знаменитый английский геополитик Х.Дж. Маккиндер. Сравнивая национальные идеи Англии, Франции, Германии и Соединенных Штатов Америки¹⁷, он выдвинул идею Хартленда (сердцевинной, срединной, земли от англ. heart – «сердце» и land – «земля, суша»), под которой понимал Россию с ее огромными природными ресурсами, многомиллионным населением, выгодным геополитическим положением¹⁸. В ходе Второй мировой войны ученый доработал свою концепцию, получившую мировой резонанс, благодаря принципиально значимой стратегической безопасности региона. По Маккиндеру «Хартленд является величайшей естественной крепостью на земле»¹⁹, которую необходимо беречь не только для нашего Отечества, но и для мирового сообщества.

Более того, сформулировав концепцию «географической причинности во всемирной истории», он называл Россию осевым государством (pivot – центр, ось вращения), которое служит стабилизатором мировых процессов. При этом «никакая социальная революция, – с его точки зрения, – не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования»²⁰.

Первая и Вторая мировые войны и третья – холодная, с нашей точки зрения, наряду с конкретными территориальными притязаниями воюющих стран друг к другу преследовали цель разрушить осевое государство – Россию, лишить ее важного стратегического преимущества. А последовавший за всем этим распад Советского Союза «деформировал ось мировой истории», что фатально нарушило международную стабильность и привело к катастрофическим последствиям.

В интересах мирового сообщества восстановить status quo. Генеральная же задача России на нынешнем этапе заключается не в возвращении к славе Третьего Рима, не в создании оплота мировой пролетарской революции, не

в поиске приюта в Европейском общем доме, а в сохранении и упрочении Хартленда, что означает обретение ее современной национальной идеи.

По этому поводу сталкиваются самые разные точки зрения. Раздаются голоса о том, что Россия должна разработать оригинальный подход к нынешней критической ситуации в мире и сформулировать спасительную идею. Это не исключено, но какими силами она будет ее осуществлять? Видимо, сегодня преждевременно надеяться на третье издание мировой мессианской идеи. Необходимо найти ее реальный, оптимальный, обобщенный вариант для выхода из внутреннего тяжелейшего кризиса страны.

Сущность этого кризиса неоднократно излагалась различными политическими и научными силами, что избавляет нас от необходимости лишней раз обращаться к нему. Целесообразней сопоставить подходы к конструированию современной национальной идеи. В этой связи заслуживает особого внимания мнение Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Национальная идея не может ограничиться формулированием неких пусть даже фундаментальных истин, она должна иметь непосредственный выход в практическую сферу, призвана быть движущей силой при совершении людьми определенных деяний»²¹.

Немало сделано в этом отношении Московским центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Нельзя не согласиться с их тезисом: «Для человека важна идея, смысл существования и преодоления. Они, зачастую более весомы, чем материальные условия... Страна в целом побеждала тогда, когда воины знали, за что они воюют. Страна прирастала территориями, осваивала их – когда людьми двигала значимая и осознанная идея»²².

Национальная идея в понимании Центра: «Это устойчивое представление индивида о прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его жизненные усилия, а также состояние общественного сознания»²³. С индивидом в данной формулировке все в порядке, но идея-то национальная (государственная), а его-то в ней и нет, как нет и упоминания о месте в современном мироустройстве. Идея должна быть государственной (национальной), сочетающей интересы страны и человека в определенную историческую эпоху. За такую идею люди будут бороться и побеждать.

Центром впервые поставлен вопрос об управленческом потенциале национальной идеи, что, безусловно, очень важно в современных условиях, но пока не ясно, как он будет решаться. Скорее надо думать о реализации идеи в широком смысле и гарантированном ее выполнении, а для этого требуется гигантская аналитическая работа, которая намечена Центром, но она пока не завершена, и национальная идея не сформулирована.

На нынешнем этапе, при многогранности и сложности бытия эту идею трудно свести к какой-то краткой формуле, броскому слогану. Она не может звучать как политический лозунг на злобу дня, а должна служить интегрированной долгосрочной общенародной программой действий. В условиях же острой политической борьбы за перспективы развития страны, отсутствии фундаментальных научных разработок в данной области сложно и рискованно формулировать так необходимую законченную национальную идею. Придется ограничиться кратким девизом: «*Безопасность, идентичность и справедливость, стабильность*». Эта триада соответствует назревшим потребностям Отечества. Она не содержит чьих-то особых классовых или этни-

ческих, экономических или политических интересов, никому не угрожает, не противоречит нормам международного права.

Безопасность – категория двойственная: внешне- и внутривнутриполитическая, которая свойственна истории и нынешнему положению государства. Территория Хартленда – России издавна была надежным бастионом безопасности. Несмотря на потери, связанные с распадом СССР, она в принципе остается таковой до наших дней и в состоянии обеспечить стране «положение крупнейшей сухопутной державы на Земном шаре»²⁴. Теперь проблема заключается в том, чтобы сохранить ее неуязвимость от современных средств массового поражения и так называемого «организационного оружия». Внешняя безопасность Хартленда – проблема не только российская, но и мировая.

Внутренняя безопасность зависит от множества причин: экономических, политических, социальных, демографических, научно-образовательных, культурных и др. Однако сегодня на первый план выходят технологические и террористические угрозы, криминалитет, этнический и социальный радикализм, правовой нигилизм, обнищание народа. Для их преодоления требуется единство общества, государственная и личная самодостаточность.

Идентичность (самотождественность, самоценность, равнозначность мыслимого и реально существующего) – корневая категория национальной идеи. Столетия она опиралась на православие и самодержавие, десятилетия – на социалистическое мировоззрение и советскую власть, а в конце XX в. в одночасье после распада СССР произошел полный крах идентичности, которая не восстановлена до сих пор. Большинство населения не понимает с кем себя отождествлять в политическом, экономическом, социальном, национальном, ментальном и других отношениях. Отсюда неразбериха во всех областях жизнедеятельности, что ставит под вопрос способность защищать интересы Отечества и грозит распадом Российской Федерации. Без идентичности нет единого народа. Именно это обстоятельство со всей остротой ставит задачу разработки объединяющей национальной идеи.

Особую остроту приобрела национальная идентичность. Россия исторически обеспечивала мир и процветание многочисленным народам, самобытность которых не ущемлялась центральной властью и способствовала гармонии государственных интересов. В конце XX в. эта гармония была нарушена, что привело к многочисленным этническим столкновениям и в конце концов к распаду великой державы. Чтобы избежать подобного с Россией XXI в., необходимо обеспечить всем ее народам разумную идентичность, поскольку в многонациональной державе приходится находить равновесие между правом на самоопределение и правами человека, не ущемляя ни то, ни другое.

Сегодня миллионы граждан России находятся за границами страны, а в нее прибывают миллионы иностранцев, прежде всего гастарбайтеров с иными национальными, конфессиональными, культурными и другими традициями. Какова их идентичность? От этого зависит много экономических, социально-культурных и других проблем государства. Идентичность становится ключевой в их решении.

Обретение новой идентичности абсолютно необходимо в условиях нынешней разобщенности российского общества. Она позволит возродить духовное богатство страны, аккумулировать достижения имперского, советского и постсоветского периодов, снять остроту социальных и националь-

ных противоречий, собрать напрасно растроченные силы для преодоления смутного времени и успешного продвижения вперед по пути прогресса.

С идентичностью тесно связана *справедливость* в обществе. Она является спутником Православной цивилизации. Со времени раннего христианства и до наших дней за нее борются все народы, особенно русские. За правду и справедливость выступали выдающиеся мыслители Отечества и предводители народных движений. И хотя справедливость в России неоднократно попиралась правящей элитой, она остается надеждой и чаянием народа. В нынешний трудный и ответственный период российской истории от нее зависит будущее российской цивилизации, поскольку новых крупных потрясений из-за пренебрежения справедливостью ей не выдержать. Подавляющее большинство населения встретит включение понятие «справедливость» в формулировку современной национальной идеи с энтузиазмом. Конечно, абсолютная справедливость недостижима, но вопиющее неравенство, которое существует в России, должно быть устранено.

Стабильность – главное условие сохранения российской идентичности и осуществления национальной идеи. России как воздух нужна передышка от войн и революций, эпохальных побед и поражений XX в. Ее силы необходимо восстановить на поприще новой идентичности, что предполагает развитие гражданского общества, экономики, образования, науки и культуры. Не последнюю роль в этой связи играет умение распоряжаться свободой. Она, по мнению Маккиндера «не может быть выучена или преподана; она может быть только представлена тем, кто умеет ею пользоваться»²⁵.

Стабильность предполагает опору на исконные ценности Отечества. Успеха добиваются именно те страны, которые ценят и сохраняют свои традиции: Китай, Япония. Россия тоже обладает этими традициями, несмотря на их трансформацию в советский и либеральный периоды. Более того, практика показывает, что без учета таких традиций огульная опора на иноземные не дает должного эффекта, отравляет сознание населения и ведет к отторжению зарубежных инноваций. Учет мирового опыта абсолютно необходим в условиях глобализации, но он должен умело сочетаться с национальными традициями. В противном случае модернизационные процессы начинают пробуксовывать, что происходит в нынешней России.

Существенную роль в стабильности государства играют его доктринальные постулаты. Самоотречение от христианского православия в пользу европейского социализма, а затем от него в сторону западного либерализма привело к катастрофическим последствиям для России. Не все благополучно и с либерализмом. Не исключено, что произойдет ныне трудно представимый синтез православия, социализма и либерализма. Такое возможно на базе возрождающегося в стране православия, выдыхающейся критики социализма и реформируемого либерализма.

Подводя итоги, можно утверждать, что возраст Русской идеи практически равен истории государства Российского. Она формировалась веками усилиями иерархов церкви, государственных мужей, философов и писателей. Одни ее положения сыграли важную роль в жизни страны, другие потерялись в веках, третьи были переиначены советской властью, четвертые формируются в наши дни. При этом надо иметь в виду прежде всего то, что Русская идея в многонациональной империи всегда была общенациональной, поскольку она создавалась не на этнических принципах, а на основе

духовной (православной) общности. Существенно и то, что в ней звучала гражданственность, устойчивая идентичность, самоидентичность народов своей Родине, служение всех сословий единой цели, защите Отечества и его стабильности, национально-государственному достоинству. Ее обретение соответственно историческим эпохам прошло несколько этапов – от клерикального до светско-имперского и от марксистско-ленинского советского до либерального. Современная формулировка опирается в крупные доктринальные противоречия в обществе, выход из которых видится на пути отказа от вселенского мессианизма и переходе к внутренним жизненно важным проблемам страны.

¹ *Ершов Ю.Г.* Государство без идеи – просто населенная территория // Дискурс Пи. Дискурс идентичности. 2005. Вып. 5. С. 9.

² Там же.

³ *Боханов А.Н.* Русская идея от Владимира святого до наших дней. М., 2005. С. 12.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. М., 1991. Т. 2. С. 96.

⁷ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб., 1995.

⁸ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. СПб., 1999. С. 304.

⁹ *Федоров Н.Ф.* Соч. М., 1982. С. 294.

¹⁰ *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М., 1997. С. 216.

¹¹ *Ильин И.А.* Собр. соч. М., 1998. Т. 7. С. 457–458.

¹² Там же. С. 458, 464.

¹³ Россия в поисках идеи. Рабочие материалы Группы консультантов при Администрации Президента Российской Федерации. М., 1997; *Подберезкин А.* Русский путь. М., 1996. С. 17.

¹⁴ См. подробнее: *Алексеев В.В.* Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. С. 386–398.

¹⁵ *Арбатская М.Н.* Национальная идея в национальных девизах // Россия и современный мир. 2010. № 2(67). С. 113–118.

¹⁶ Там же. С. 121.

¹⁷ *Маккиндер Х.Дж.* Географическая ось истории / Пер. с англ. М.А. Тимофеева // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 163.

¹⁸ *Маккиндер Х.Дж.* Круглый мир и достижения мира / Пер. с англ. К.И. Зубкова // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 152–157.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ *Маккиндер Х.Дж.* Географическая ось истории. С. 169.

²¹ *Арбатская М.Н.* Указ. соч. С. 121.

²² Национальная идея для России. Программа действий (постановка задачи). Под ред. С.С. Сулакшина. М., 2009. С. 5.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ См. подробнее: *Маккиндер Х.Дж.* Круглый мир и достижение мира. С. 152–157.

²⁵ Там же. С. 157

Ю.С. Пивоваров

РУССКАЯ ВЛАСТЬ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЯ,
или
ДВА ВЕКА РУССКОЙ МЫСЛИ

Но тебя опишу я,
Как свой Витебск – Шагал.

Анна Ахматова

Вот уже много десятилетий русская власть и русская мысль являются предметом моего самого жгучего интереса. Мне не раз приходилось обсуждать ее с Валерием Александровичем Тишковым, и всегда меня подкупала его повышенная чувствительность к ходу российской истории, как общей истории русских и многих других народов России. В какой-то момент в сознании автора эти темы объединились, туго сплелись между собой. Стало ясно: природа русской власти, ее особость не могут быть поняты вне русской мысли. И наоборот, эссенция мысли недоступна вне властного контекста.

В структуре, существое обоих феноменов есть что-то близкое, родственное. Это, конечно, в высшей степени странно. Власть и мысль...

Constitutional state и русское государство

В 1921 г. известный ученый Р.Ю. Виппер подводил итоги свершившихся событий: «Произошло все как раз наоборот предвидению теории – мы притягивали историю для объяснения того, как выросло Русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет... проверить свои суждения. Он властно требует объяснения, надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования... науки»¹. С тех пор с «Русским государством» произошло еще много чего – оно возрождалось, вновь «падало», вновь пыталось возродиться. Однако «толкования науки» так и не изменились. То есть до сих пор мы не удосужились разработать методологию, с помощью которой можно адекватно описывать, изучать, анализировать феномен русского государства. Более того, большинство исследователей даже не подозревают, что «Русское государство» есть нечто в высшей степени специфическое. И оно весьма отличается от того, что мы привыкли называть государством...

Дело в том, что в современной науке под псевдонимом «государство» скрываются различные, по своей природе очень далекие друг от друга типы власти. Государство Древнего Рима, государство инков, государство Китая и т.д. Говорят: «да, все это – государства, хотя и несхожие». С этим можно было бы, наверное, согласиться, если бы не одно обстоятельство.

На всех основных европейских языках «государство» звучит одинаково: state, Staat, état, stati, estado (от лат. status). Этот термин возник относительно недавно – четыре столетия назад. Раньше для обозначения властного устрой-

ства европейцы использовали другие понятия: polis, res publica, civitas, regnum, imperium и т.д. В XVI–XVII вв. в европейском самосознании и природе европейского социума происходят фундаментальные сдвиги. Реформация, гуманизм, созревание капитализма, возникновение наций, постепенное разрушение сословной организации, рождение идеи прав человека и вообще нового понятия о праве – в определенном смысле все это события одного ряда, свидетельствующие о наступлении принципиально новой эпохи. Государство (state) также «событие» из этого ряда. Оно, повторяю, есть форма организации не власти вообще, но – того типа власти, который характерен для Западной Европы начиная с XVI–XVII столетий (а затем и «дочерних предприятий» фаустовской цивилизации по всему свету). А «state» есть понятие, с помощью которого описывается **этот** (и никакой другой!) тип власти.

По поводу происхождения и природы государства (state) очень важные наблюдения были сделаны Карлом Шмиттом: «Государство (Staat)... есть в высшей степени единичное, конкретное, обусловленное временем явление, которое следует датировать эпохой с XVI по XX столетие христианского зона и которое вышло из этих четырех веков, из Ренессанса, Гуманизма, Реформации и Контрреформации; оно есть нейтрализация конфессиональной гражданской войны, а также специфическое достижение западного рационализма и т.д. Государство есть по преимуществу продукт религиозной гражданской войны, ее преодоление посредством нейтрализации и секуляризации конфессиональных фронтов, т.е. детеологизация»².

Итак, государство (state) явилось (во многом) и результатом, и способом выхода из полуторастолетнего кровавого конфессионального конфликта. Причем результатом и способом весьма своеобразным. Ни одна из конфессий не одержала победу. Однако не победила и «дружба» между католиками и протестантами. Компромисс был достигнут путем выхода из сферы религиозного. Произошла, по словам К. Шмитта, «детеологизация». Детеологизация сознания и социума. Самоидентификация человека не только по конфессиональному, но и вообще по религиозному принципу уступила место самоидентификации по принципу государственно-политическому (или национально-государственному). Религиозное как таковое вытеснялось из сферы властных отношений. Строилась новая Вселенная – антропоцентричная. Теоцентричный мир был отправлен на свалку истории. State и есть властное измерение антропоцентричной европейской цивилизации последних четырех веков.

Но подчеркнем: Бог не был изгнан из этого brave new world. Он «лишь» перестал быть смысловым центром этого мира... Государство (state) лишь отчасти пришло ему на смену; как мы понимаем, ни о какой полной «смене вех» не может быть и речи. К. Шмитт роняет: «Государство: от христианской веры к объективному разуму»³, «Левиафан – смертный Бог, Deus mortalis»⁴. «Объективный разум» и «смертный Бог» – два лика нового универсума. За «объективным разумом» стоят европейская наука, Гегель со всей его проблематикой, включая апологию государства (state), социальные революции и т.д. «Deus mortalis» – это ужас перед неотвратимой бездной смерти («то вечности жерлом пожрется»), которая открылась после детеологизации мира. Это ужас похотей человеческих, сбросивших державшую их в узде Высшую Волю. Похотей, ведущих к смерти. «Desire of power that ceaseth only in death»⁵.

Государство (state) и становится «защитой» от этого страха смерти. Фасадом перед ее «лицом». Одновременно государство есть результат страха, охватившего европейцев в холодной неуютности победившего гуманизма. Это позже сентиментализм и романтизм сделают этот мир более теплым и приятным. И западный конституционализм во многом явится плодом этих (разумеется, и других) коллизий, новаций, «необходимостей». Тот же К. Шмитт фиксирует: «...право на религиозное заблуждение стало основой современного конституционного права»⁶. Иными словами, конституции рождаются там и тогда, где и когда «религиозное» в социальном отношении становится относительным. Конституционное государство – это примета мировоззренчески релятивистского мира. Но оно невозможно (по сути, а не как прикрытие чего-то иного) в социумах теоцентричных и атеистических.

Constitutional state возникает в обществе посюстороннего консенсуса, где религия – частное внутреннее дело человека, «выдвинув положение о том, что человек не нуждается в посредниках для общения с Богом, он (Лютер. – Ю.П.) заложил основы европейской демократии, ибо тезис «Каждый сам себе священник» – это и есть демократия»⁷. В этих словах «схвачено» содержание современного Запада – христианская полисубъектность, полагающая отношения человека с Богом делом сугубо внутренним, личностным, интимным. И потому общественный договор, социальный консенсус строится здесь относительно ценностей «предпоследних» (политических, правовых, экономических и т.д.). Религиозно-метафизическое выведено за пределы социального порядка, выведено за штат (дословно: за Staat, state, état).

Потому-то главный субъект западных конституций – гражданин, гражданское общество, нация. Последняя является способом, средством, путем интеграции всех элементов гражданского общества в политическое единство – государство. Именно с этой целью (интеграция) нация создает конституцию. Но в основе всего, скажем об этом еще раз, человек – гражданин, живущий в секуляризованном, антропоцентричном мире, поделенном на публичную и частную сферы. Это – homo occidentalis...

Подчеркнем: современное государство (state) есть по преимуществу государство конституционное, живущее по духу и букве Основного закона! Поэтому его природа и зашифрована в конституционных текстах. Следовательно, необходимо четко представлять себе, чем является современная Конституция. Сделаем это, опираясь на воззрения двух классиков социальной мысли XX столетия (кстати, антагонистов), – Карла Шмитта и Ганса Кельзена.

Конституция непременно соответствует императиву гражданских свобод и содержит твердые гарантии этих свобод. Причем под свободой здесь прежде всего имеется в виду гарантированная законом свобода индивида от государства. В Конституции подобная свобода закрепляется следующим образом: признаются основные права, фиксируются принципы разделения властей и участия народа в законодательном процессе. Провозглашение в Конституции основных прав означает, что общество усвоило идею свободы. Осуществление же принципа разделения властей свидетельствует о том, что идея свободы получила организационные гарантии против возможных злоупотреблений властью со стороны государства.

Конституционное государство есть законническое государство в том смысле, что единственной формой его вмешательства в сферу свободы индивида является вмешательство, основанное на законах. Да и оно рассматривается как исключение. В подобном государстве правят законы, а не люди. Администрация же руководит только в том смысле, что следует существующим позитивным нормам. Легитимность конституционного государства обусловлена законностью всех действий его властей.

Государство, построенное по канонам идеально-типической конституции, контролируется обществом, занимает по отношению к нему служебное и подчиненное положение, отождествляется с системой норм. «Это – нормы или процедуры и больше ничего» (К. Шмитт). «Государство понимается как правопорядок»; «государство есть относительно централизованный правопорядок» (Г. Кельзен). Важнейшей организационной характеристикой такой государственности является независимая судебная система.

Это шмиттовско-кельзеновское понимание «идеи» Конституции необходимо дополнить следующим. Задача Основного закона состоит не только и не столько в «освящении» той или иной властной структуры, а в *упорядочении открытого* (по своей природе) *политического процесса*. Видеть в Конституции нормативное закрепление **определенной** формы правления – значит, обеднять ее содержание. Это – *открытая норма*, в рамках которой возможна как сегодняшняя политическая система, так и некие другие ее варианты в будущем. «Любая конституция рисует не одну, а множество схем правления, построение которых зависит от расстановки сил в данный момент. Различные политические режимы могут... функционировать в одних и тех же юридических рамках», – писал двадцать пять лет назад Морис Дюверже⁸.

Конституция как норма, упорядочивающая политическую жизнь, имеет два измерения. *Первое*: сила, организующая и регулирующая институциональную систему правления. *Второе*: регулятор *своего собственного изменения*, а следовательно, и этой системы. Соответственно, конституционные нормы должны иметь различную степень жесткости. Наиболее жесткие, наиболее трудноизменяемые – это нормы, в наименьшей мере предопределяющие политическую деятельность (например, регулирующие права человека). Самые гибкие – нормы, регулирующие процесс отправления власти, т.е. нормы, в рамках которых совершается выбор в пользу конкретной организационной формулы.

Кроме того, «идеально-типическая» Конституция обязательно закрепляет принцип *функционального* разделения власти на три ветви, каждая из которых в большей или меньшей степени соответствует трем сферам жизнедеятельности современного социума: 1) гражданскому строю, т.е. области «субъективного» и гражданского права, личной свободы, частной автономии; 2) административному строю или системе – области централизации и сосредоточения государственной власти, социального обеспечения, авторитарного руководства; 3) конституционному строю, т.е. конституции, понимаемой одновременно и как пространство, в котором происходит самоограничение государственной власти, и как способ этого самоограничения – установление *правильного соотношения (и в этом смысле равновесия)* между различными государственными органами. Это – сфера *децентрализации власти*, ее **непосредственного** функционального разделения.

В соответствии с таким подходом орган народного представительства, власть законодательная, корреспондирует конституционному строю, является главным его выразителем, исполнительная власть, правительство (government) – административному строю, а судебная власть – гражданскому (суды-то и существуют прежде всего для того, чтобы защищать субъективные права личности как от повреждения их другими гражданами, так и от нарушения их государством).

Весьма удачное, на мой взгляд, определение Конституции дал восемьдесят пять лет назад русский юрист Е.В. Спекторский. По его словам, она «обещает много, но далеко не все. Она не устраняет социальной борьбы, религиозной, классовой и иной. Зато она вводит ее в культурную форму. Она не производит социальных реформ. Зато она создает для них законную возможность. Она вообще не разрешает по существу ни одного общественного вопроса, ибо она устанавливает пути для разрешения всяких общественных вопросов... Она носит... не столько принципиальный, сколько технический характер. Хорошая конституция – это все равно, что хорошие пути сообщения. Кто заботится о них, тот не спрашивает, почему и зачем едут пассажиры, должны ли они вообще ехать, тот просто старается увеличить число поездов, ускорить их ход, удешевить проезд и т.п. Подобным же образом и конституция формальна. Она стремится всем обеспечить свободу передвижения, слова, веры, участия в государственных делах. И при этом она не читает в сердцах, не справляется об убеждениях, о принадлежности к той или иной партии. Вот почему, в свою очередь, все партии при всей своей борьбе по другим вопросам и могут и должны сойтись на вопросе о конституции, ибо она гарантирует общечеловеческие блага – свободу и порядок»⁹.

...И еще одна тема, важная для понимания природы constitutional state. Эта тема принципиальной *безличности* современной государственной власти. К примеру, М. Дюверже называет «правителей» «слугами», «должностными лицами». По его мнению, государство тем совершеннее (т.е. тем больше оно государство), чем государство-«идея», государство-«абстракция» отдельнее, отдаленнее от конкретных носителей власти¹⁰.

Другой классик французской политической науки Жорж Бюро пишет: «Люди изобрели государство, чтобы не подчиняться другим людям»¹¹. Поначалу они не знали, кто имеет право командовать, а кто нет. И потому пришлось придать власти *политическую и правовую* форму. «Вместо того, чтобы считать, что власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет, они разработали форму власти, которая независима от правителей. Эта форма и есть государство»¹². Согласно Бюро, государство возникает как *абстрактный и постоянный* носитель власти. По мере развития этого процесса правители все больше и больше предстают в глазах управляемых агентами государства, власть которых носит преходящий характер. Подобная трансформация (если угодно: эволюция) власти явилась в истории человечества огромным шагом вперед. «В этом смысле идея государства есть одна из тех идей, которые впечатляющим образом демонстрируют интеллектуально-культурный прогресс... Ведь отделение правителя, который командует, от права командовать позволило подчинить процесс управления заранее оговоренным условиям. В результате стало возможным оградить достоинство управляемых, которому мог наноситься ущерб при прямом подчинении какому-нибудь конкретному человеку»¹³.

Конституция возможна, т.е. действительна и необходима, **только** при такой и для такой власти. Конституция является формулой и формой такой власти. Предпосылка (обязательная) конституции – возникновение абстрактно-безличностной власти. Суверенитет должен отделиться от лица-носителя власти, от лица-персонификатора власти.

Надо сказать, что в европейской истории процесс отделения суверенитета от властного лица нередко проходил в форме отделения головы этого лица от его туловища. Карл I Стюарт, Людовик XVI Бурбон... Современный американский исследователь А. Хардинг пишет: «Английская революция показала, что суверенитет, “сосредоточенный” в короле, может находиться и в другом месте. 19 мая 1649 г. в ходе пуританской революции парламент провозгласил: “Народ Англии... постановил быть политическим сообществом и свободным государством и отныне управляться как политическое сообщество и свободное государство высшей властью этой нации – представителями народа в парламенте”. Джон Мильтон назвал короля “врагом народа”»¹⁴.

Таким образом, формирование государства (state) проходит обряд инициации – «обрезание» суверенитета в виде головы у монархической власти. Затем эта власть (монархическая) может быть даже восстановлена, но суверенитет к ней уже не вернется. Реставрация неосуществима в принципе. «Не Робеспьер, но Меттерних разбил монаршую корону... Реставрация – это специфический метод уничтожения и разрушения реставрируемого»¹⁵. Или: что упало, то пропало...

Из всего этого явствует: с помощью термина state нельзя описывать другие, незападные типы власти. State намертво закреплен за Западом, за его неповторимой и уникальной историей. Это касается и России; в ней человек, общество, власть развивались иначе. Иным оказался и результат. Русская власть никак не может быть описана и понята через призму концепции и реальности constitutional state (nation state). Термин же «государство» вполне подходящ. В нем, по крайней мере этимологически, отражены и природа генезиса, и природа функционирования этого особого типа власти.

Трудность лишь в том, что в мире и у нас господствует один-единственный тип научного познания, которому соответствует и универсальная терминология. За этими «универсалиями» скрывается принципиально различный опыт уникальных цивилизаций. Скрывается, а не отражается. Как не отражается и историческая неповторимость той или иной эпохи. Причем даже в рамках европейской культуры. Ведь state не применим не только к западным обществам, но и к Европе, скажем, XII–XIII столетий.

Все это надо держать в уме, когда мы говорим и о «государстве». И конечно, в 1921 г. Р.Ю. Виппер думал о таких новых «толкованиях науки», которые могли бы объяснить именно «Русское государство», а не «государство вообще». Здесь уместно вспомнить двух гениальных и очень разных русских людей, оказавшихся по воле судьбы в самой гуще современной западной культуры. Их нельзя заподозрить в плоском и провинциально затхлом и бесплодном русском «самобытничестве». Напротив, оба этих деятеля подчеркнута всемирны. Илья Пригожин: «Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном-единственном языке». Иосиф Бродский: «Любой опыт, исходящий из России, даже отраженный с фотографической точностью, просто отскакивает от английского языка, не оставляя видимого следа на его поверхнос-

ти. Безусловно, память одной цивилизации не может и, наверное, не должна стать памятью другой. Но когда язык не в состоянии воспроизвести реалии другой культуры, может возникнуть наихудшая из тавтологий».

* * *

Теперь же обратимся к России. Специфика ее социокультурного развития отразилась и на особом характере русской власти. Об этом хорошо сказано у Р. Пайпса: «Каждый, кто изучает политические системы незападных обществ, скоро обнаружит, что в них разграничительная линия между суверенитетом и собственностью либо вообще не существует, либо столь расплывчатая, что теряет всякий смысл... В условиях первобытного общества власть над людьми сочетается с властью над вещами, и понадобилась чрезвычайно сложная эволюция права и институтов (начавшаяся в Древнем Риме), чтобы она разделилась на власть, отправляемую как суверенитет, и власть, отправляемую как собственность. Мой центральный тезис состоит в том, что в России такое разделение случилось с большим запозданием и приняло весьма несовершенную форму. Россия принадлежит *par excellence* к той категории государств, которые... обычно определяют как «вотчинные» (*patrimonial*). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно суверенным государством и его собственником»¹⁶.

Конечно, термины «политическая система» и «политическая власть» не вполне корректны при описании обществ незападного типа; конечно, весь этот понятийный аппарат несколько устарел, но в целом и по существу Ричард Пайпс прав. Власть (а именно ее, а не «государство» – *state* имеет в виду американский исследователь) в России по своей природе вотчинная (патримониальная). На протяжении многих столетий разделительная линия между властью и собственностью почти не проглядывается (это было в Новгороде и Пскове, но московско-ордынские Даниловичи пожрали этот «анзатический» Остланд). Великие князья и цари Московской Руси были действительно в полной мере хозяевами своей страны. Как отмечал Н.Н. Алексеев, «у Петра I, если не совсем, то в значительной степени можно считать... изжитыми те патримониальные представления о государстве, которые владели старыми московскими князьями. До Петра... в ходячем политическом сознании народа идея государства сливалась с лицом государя, как в частном общежитии домохозяин юридически сливается со своим домом»¹⁷.

Это все так, хотя образ Петра в значительной мере «модернизирован». На самом деле власть и представления о ней перестают быть патримониальными лишь в ходе пореформенной (после 1861 г.) эволюции российского социума. Да и к 1914 г. власть еще далеко не окончательно потеряла вотчинное измерение. Этот тезис весьма убедительно развивает в своей знаменитой книге В.В. Леонтович. Причем тему патримониального характера власти он напрямую связывает с темой конституции. «Я неоднократно подчеркивал, что считаю неправильным называть Конституцию 23 апреля 1906 г. лжеконституцией. Но если бы даже можно было так ее определить, то уж во всяком случае не потому, что в России не было парламентского строя или не было всеобщего голосования, и не потому, что царь не присягал на Конституции, а только потому, что конституционный строй в России не был основан на развитом гражданском строе, который вообще всегда является необходимой

основой для всякой либеральной конституции. (А настоящая конституция ведь по сути своей не может быть не либеральной.) Как раз неразвитость гражданского строя, гражданской свободы и повела к исчезновению политической свободы, к крушению конституционного строя в России»¹⁸.

Под «неразвитостью гражданского строя» ученый-эмигрант полагал то обстоятельство, что к началу Первой мировой войны еще не был закончен «процесс распространения на крестьян гражданского строя» (в крестьянской стране!). Или, иными словами, «не был превзойден старомосковский принцип верховной собственности государства на землю»¹⁹.

Следовательно, к 1917 г. у нас еще не было закончено строительство, формирование государства в смысле «state» (хотя прогресс очевиден). В немецкой науке той эпохи по отношению к России применялась такая квалификация: «Конституционная монархия, под самодержавным царем». В этом определении очень важна разделительная запятая, устанавливающая подлинную властную иерархию (очень странную для западного сознания) в поздней петербургской империи.

Кстати, вотчинный характер самодержавия (русской власти), его принципиальную несовместимость с частной собственностью на землю, и – по логике вещей – с утверждением в России гражданского строя (гражданского общества), а на его фундаменте – конституционного государства, очень глубоко понимал Л.Н. Толстой. В августе 1865 г. ему приснился сон (по гениальной пронзительности напоминающий сны Декарта), содержание которого он зафиксировал в записной книжке: «Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности. “La propriété c’est le vol”²⁰ останется большей истиной, чем истина английской конституции, до тех пор, пока будет существовать род людской. Это истина **абсолютная**, но есть и вытекающие из нее истины относительные... Первая из этих относительных истин есть воззрение русского народа на собственность. Русский народ отрицает собственность самую прочную, самую независимую от труда (т.е. частную собственность вообще, как институт. – Ю.П.) и... собственность поземельную (частную на землю. – Ю.П.). Эта истина не есть мечта – она факт, выразившийся в общинах крестьян, в общинах казаков. Эту истину понимают одинаково ученый русский и мужик... Эта идея имеет будущность. Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности... *Самодержавие не мешает, а способствует этому порядку вещей* (курсив мой. – Ю.П.)»²¹.

Самый органический русский гений с непревзойденной точностью выразил то, что сложилось в ходе тысячелетней русской истории. Он дал почти математическое соотношение власти – собственности – конституции по-русски и объяснил причины мощного антиконституционализма русской мысли. Особенно той ее части, которая, подобно Льву Николаевичу, имела абсолютный слух на «русское». Следовательно, прав был и В.И. Ленин с его «зеркалом русской революции». Эта самая революция полностью подтвердила предчувствия Толстого...

Но не только, конечно, патримониальный характер власти и соответствующий тип ее понимания стали преградой на пути укоренения у нас конституционализма. Можно назвать еще целый ряд природных черт русской власти, которые также препятствовали формированию конституционной государственности.

К ним относится унаследованная от Византии модель взаимоотношений государства и церкви по типу симфонии. Эта модель не предполагала никакого ограничения или разделения светской власти. В отличие, скажем, от модели «двух мечей» (папы и императора), господствовавшей в средневековой Европе. Там церковная и светская власть были разделены изначально (в том числе – и это немаловажно – они были отделены друг от друга и географически) и тем самым были ограничены сферы их компетенций. «Два меча» – это уже, хоть и интенционально, начало плюрализма.

Далее, тягловый характер русского социума. Если на Западе сословия отличались друг от друга объемом и типом повинностей и свобод, то у нас – только повинностей (тягла). Следовательно, проблематика автономии индивида, прав человека возникнуть здесь не могла. Как, впрочем, и основы для формирования правового государства. Вместо Rechtsstaat строится «государство правды», которое, по словам евразийца М. Шахматова, проникнуто стремлением «соблюсти изначальною истину, покорить человеческую волю, человеческое “самочинение” религиозно-государственной правде»²². В идеале «государство правды» есть подчинение «государства началу вечности». Первостепенное значение для него имеет «вопрос о преемстве благодати от Бога». Цель «государства правды» – спасение душ подданных, защита чистоты православия. «Государство правды» – институт не только и не столько внешний, но «внутри нас есть»²³. П.Б. Струве весьма удачно квалифицировал это государство как литургическое.

В принципе нет ничего специфического в том, что на определенных этапах своего развития русская власть имела яркое и глубокое религиозное измерение. Это знала и Европа. Своеобразие заключено в категории «правда», которая до известной степени подменила у нас «право» и заблокировала на столетия возможность его появления (речь идет о «праве» в европейском смысле слова; «русское право» существовало, но содержательно это был иной феномен). Ведь «правда», как еще в XI в. учил митрополит Иларион, есть и истина, и добродетель, и справедливость, и закон. Религиозно-нравственное начало растворяет в себе начало юридическое или, точнее, не дает этому последнему кристаллизоваться.

Созданная на обломках Святой Руси петербургская империя также была сущностно враждебна идее конституционализма. Полицейское государство, регламентирующее государство, воспитательная диктатура – так называют устройство послепетровской власти. Но еще это государство было «оформлением», формой, которая стягивала распавшуюся на две субкультуры страну²⁴. Такая форма оказалась неизбежно деспотической. Однако в деспотизме новой государственности таились и сила репрессивно подавляющая, охранительно-удерживающая, и сила просвещеннически реформистская, прогрессистски-революционаристская (недаром Пушкин скажет, что «все Романовы – революционеры»). Иными словами, отечественная государственность XVIII–XIX столетий имела принципиально двусосновый характер. В определенном отношении все цари-императоры были папой и Лютером в одном лице.

Важно подчеркнуть: обе эти силы, как правило, реализовывали себя деспотически, насильственно. И реформы, и контрреформы, и прямая реакция, и действия, смахивающие на «крутую» революцию, – все это осуществлялось именно так (за некоторыми, разумеется, исключениями). Причем речь

идет не о властных технологиях, а о самом характере власти. Не о насилии «внешнем», но – о сущностном. Не о том, в белых ли перчатках и «бархатно» действует власть, или, напротив, поступает так, словно ведет боевые действия.

Да, русская власть после Петра была одновременно и папой, и Лютером. И в этом коренилось страшное ее противоречие. Однако было нечто, в значительной мере это противоречие «снимающее». Это «нечто» – та самая изначальная природа власти – насильственно-деспотическая. Она и позволяла Романовым быть то Лютером, то папой. Позволяла быть функциональным Лютером и функциональным папой. Все зависело от того, кем для самосохранения и господства надо было быть в данный момент; какую стратегию избрать – стратегию Сперанского или Аракчеева.

Исторически известно несколько вариантов. После реакционного царствования наступает реформистское, и наоборот. В рамках одного и того же царствования «период Сперанского» сменяется «периодом Аракчеева» (а вот наоборот не бывало; но бывало в такой последовательности: «Сперанский» – «Аракчеев» – «Сперанский»). А при Александре III весьма органично уживались Витте и Победоносцев. Вообще-то, все эти «варианты» и «стратегии» носят скорее идеально-типический, типологический характер. В реальной жизни все было сложнее, перемешаннее, хаотичнее.

И все-таки до конца – в силу целого ряда причин, о которых мы здесь говорить не будем, – изначальная природа власти не «сняла» этого ее же коренного противоречия. Так и оставались Романовы о двух лицах, а монархическая государственность их – двуосновой.

Соответственно, и идеологии, с избытком возникавшие в русском обществе в XIX в.: славянофильство, официальная народность, западничество, шестидесятничество, почвенничество, либерализм, народничество и т.д., – самоопределялись во многом в процессе выработки отношения к этому типу государственности. Иными словами, идентичность приверженцев той или иной идеологии строилась на особом, лишь им присущем восприятии власти. Но при *особости* отношения все эти идеологии можно разделить на две группы. Те, кто относился к первой, принимали лишь одну (для нас сейчас не важно, какую) «компоненту» двусложного петербургского самодержавия, ее хотели совершенствовать, а другую – отменить. Идеологии, входившие во вторую группу, вообще отрицали этот тип государственности.

Результатом всего этого – и типа власти, и типов ее осмысления, и многого другого – и явилась весьма своеобразная Конституция 1906 г. Она была компромиссом различных элитных групп по поводу именно власти. Но не консенсусом относительно прав человека, который, как уже отмечалось, лежит в основе западных либеральных конституций. Причем подчеркиваем: основные государственные законы 23 апреля 1906 г. суть компромисс, а не консенсус. Последний-то как раз и не был достигнут.

Скажем еще несколько слов – последних в этой части работы – о специфике русской власти. Точнее, о существовании ее *перестроек*. Это ведь вообще любимое занятие наших правителей – постоянно что-то менять в деятельности властного механизма. Правда, при этом существование власти практически не трансформируется. И в конечном счете все возвращается на круги своя. Затем начинаются новые перемены...

Вообще-то, реформы, как и контрреформы, – дело нормальное, исторически будничное и вполне прогнозируемое. На Западе *кардинальные* изменения власти обычно фиксируются в конституциях, а их реализация обеспечивается функционированием *институтов* управления. У нас происходит по-другому. И с конституцией, как мы знаем, в России по-своему, и с институциональной системой тоже.

Во-первых, практически всем верховным российским начальникам конституции или какие-то сопоставимые с ними «основные законы» всегда узковаты, а потому и преодолеваются. Так сказать, из конституционного поля осуществляется трансцендирование в поле властно-волевое, властно-силовое. Во-вторых, результатом этого преодоления является создание новой, неинституциональной, системы управления. Органы этой системы можно условно назвать чрезвычайными комиссиями²⁵ (никакой аллюзии на ЧК Дзержинского у автора в данном случае нет). Они образуются для решения каких-то специальных задач. Такое мы можем наблюдать все последние пять столетий отечественной истории. У истоков чрезвычайных комиссий стоит Иван Грозный со своей опричниной. Далее это петровская гвардия, Канцелярия Его Императорского Величества, Коммунистическая партия (номенклатурное ядро прежде всего). При типологической схожести судьба чрезвычайных комиссий различна. Одни, выполнив (или не выполнив) определенную задачу, отмирают, другие сосуществуют с институтами, третьи оттесняют их на периферию социальной жизни, четвертые подменяют собой. Разумеется, возможно и некое смешение вариантов. В-третьих, конечно, не исключено, что со временем чрезвычайные комиссии становятся чем-то схожим с институтами. Хотя это происходит редко. В-четвертых, чрезвычайные комиссии могут существовать довольно долго. При этом их цели и методы видоизменяются.

Однако, со всеми оговорками, наличие такого рода комиссий подрывает конституционные устои, принцип разделения властей и институциональную систему. Подчеркнем: здесь принципиальное отличие традиционных российских реформ власти от конституционных и институциональных реформ европейского (западного) типа.

Безусловно, все это не только не случайно, но и коренным образом связано с природой российской власти.

* * *

Хорошо известно: русская мысль XIX–XX столетий подготовила несколько оригинальных моделей обустройства общества; прежде всего властного его измерения; и при этом следует заметить, что она не менее, чем литература, **креативна**. Обе они «пророчествуют», и пророчества – в известной степени – сбываются. Поразительно и то, что креативность обращена не только в будущее, но и в прошедшее, прошлое.

Лев Толстой пишет «Войну и мир» и завершает созидание мифа «1812 год». Это один из основополагающих мифов отечественной культуры. И для нее он во много раз существеннее и важнее, чем сама героическая эпоха. Но, подчеркну, Толстой именно «созидает» (создает). Что, кстати, не всегда вполне понятно даже проницательнейшим, умнейшим наблюдателям. Так, Петр Вяземский и Константин Леонтьев обвинили его в том, что персонажам 1812 г. приписан психический строй людей 1860-х годов, современ-

ников Льва Николаевича. Будучи замечательно умными людьми, они «почему-то» не догадались, что «Война и мир» не про это...

В этом же ряду Анна Ахматова. По свидетельству Л.К. Чуковской, Анна Андреевна рассуждала следующим образом: «Исторической стилизацией – стилизацией в хорошем смысле слова, в смысле соблюдения признаков времени – он никогда не занимался. Высшее общество в «Войне и мире» изображено современное ему, а не александровское... При Александре... оно было гораздо образованнее, чем потом. Наташа – если бы он написал ее в соответствии с временем – должна была бы знать пушкинские стихи. Пьер должен был бы привезти в Лысые Горы известие о ссылке Пушкина. И, разумеется, никаких пеленок: женщины александровского времени занимались чтением, музыкой, светскими беседами на литературные темы и сами детей не нянчили. Это Софья Андреевна погрузилась в пеленки, потому и Наташа».

Анна Ахматова объясняла все это тем, что Толстой был «полубог» и мир творил по своему образу и подобию («из себя и через себя»). Это-то, конечно, так. Но Толстой, разумеется, не случайно не коснулся Пушкина и пушкинского в творимом им мифе. Причин было несколько. Пушкин сам по себе стал мифом – пушкинским; Александр Сергеевич мог быть только смысловым центром мифа и потому в «1812 год» не укладывался. Там же центральное место было занято...

Вяземский, Леонтьев, Ахматова судили Толстого как литератора. А он был действительно «полубог», творец новой реальности (условно – мифа). Причем *эта* реальность, в свою очередь, порождала новые смыслы, новые типы личности, новое восприятие жизни. Настоящее толстовство – это не то, что под этим названием вошло в мир. Толстовство есть совокупность, целостность и цельность созданных им мифов (помимо «1812 года» были и другие). И *это* толстовство является важнейшей движущей силой русской истории – силой, повторю, смыслообразующей и преобразующей социоисторическую, социопсихическую и личностную «материю».

Толстой, конечно, один из примеров, образцов особой русской креативности. Иной тип мифотворца и мифотворчества представляет собой Н.М. Карамзин. Это «пророк», обращенный в прошлое. Он «предсказывает» то, что было. И его предсказания сбываются. Для всякого русского русская история – карамзинская. Даже если мы не читали Карамзина, даже если мы читали современных историков, опровергающих Николая Михайловича. Какое нам до этого дело! Карамзинский миф по поводу России и ее истории столь конститутивен для русского сознания, сколь конститутивны «дураки», «дороги», «зима, Барклай иль русский бог», «татаро-монгольское иго», «Петр», «Минин и Пожарский», «за державу обидно» и т.д.

Или мифотворчество по поводу будущего. Ф.М. Достоевский «запланировал» русскую революцию «Бесами» и «Карамазовыми». Это – общее место, это признали все. Порою кажется, что персонажи Семнадцатого года были порождением его воображения. Вплоть до физического сходства, до ситуативных повторов... Ну а тема отцеубийства, отцовства вообще, артикулированная Федором Михайловичем и одновременно проходящая через его собственную жизнь. Учеба в Инженерном училище, расположенном в Михайловском замке, где все вопиет об убийстве отца с ведома детей (Павел – Александр, Константин), убийство отца будущего писателя (крестьяне-

дети против помещика-отца), убийство Карамазовыми – сыновьями Федора Павловича, смерть Верховенского – старшего как (во многом) следствие деяний сына Петруши (опосредованное убийство), убийство Александра II (царя – отца) подданными (детьми), до которого Достоевский не дожил всего несколько дней, – однако воздух последних лет его жизни был пропитан запахом царской (отеческой) крови.

И тема эта не исчерпана поныне. Проклятием легла она с нележкой руки «омского каторжанина» на русскую историю. Убийство Николая II, будучи эпилогом в чреде насильственных или «странных» смертей Романовых (убиты Петр III, Павел, Александр II, Николай II; при не вполне ясных обстоятельствах кончили жизни Александр I, Николай I), стало кровавым прологом для красных вождей. Ленин, Троцкий, Сталин (убежден: если не в деталях, то по сути Авторханов прав: три толстяка – Георгий, Лаврентий и Никита – «замочили» отца народов) – убиты. Да, да и Ленин тоже: Политбюро «помогло» Ильичу, отправив его под фактический арест в Горки.

Сталин – последний в ряду правителей-отцов. Затем, от Хрущева до Горбачева, власть постепенно изживает отцовскую природу. Происходит очередная, после Петра и Ленина – Сталина, десакрализация русского *chatos-a*. Поэтому «мужицкого царя Никиту» и могильщика коммунизма Горбачева уже не убили, а лишь погнали вон. Процесс этот так углубился, что следующего правителя россияне уже *выбирали* (впервые, подчеркнем²⁶). Отцов же, как известно, не выбирают...

Но тема, повторю, не исчерпана. Достоевский еще актуален. Борис Николаевич Ельцин, как мы хорошо помним, из всех возможных политических ролей как-то больше предпочитал отцовскую (эдакий папаша Карамазов), и политики-«отцы» (Примаков, Лужков) в народном сознании явно теснили политиков-«женихов» (Явлинский, Лебедь, Жириновский, Немцов). А уж если «жениха» и приняли, то лишь такого, которого сам «папаша» благословил и которого страстно хотят видеть «отцом». Да и о воссоздании монархии все поговаривают. Не исключено, что и договорятся. И за всем за этим одна интенция: ох, несладкой оказалась безотцовщина, трудно деткам без отцовской власти. А значит, и не изжит этот комплекс русской жизни, эта тема: «отцы и дети» и «власть и ее убийство».

Напомним только, что все это пришло на смену другой властно-психологической «диспозиции». Петр был первый царь, умерший «странно» (есть подозрение, что помогли умереть – Меншиков и Екатерина), и последний отец – персонификатор власти, убивший своего сына. До этого отцы детям укорот делали (Иван IV, Иван III отчасти – внука, имевшего шансы на трон, уморил). Это, конечно, другая тема. Но держать ее в уме следует. Она, как мы в дальнейшем увидим, тоже имеет некоторое отношение к русским мифам и их особой креативной силе²⁷.

Этой силой в особой, кстати, мере обладал Н.В. Гоголь. Хлестаков, Чичиков, Коробочка, Собакевич, Манилов и другие пришли в Русский Дом и поселились в нем навеки «с подачи» Николая Васильевича. До него их не было. То есть были, но не явленно, не ощущаемо и не зримо. Гоголь сказал: «Вот они!» И они зажили, задвигались, задышали. Пошли плодиться и размножаться. И, конечно, мутировать. В редком русском не найдешь одновременно Хлестакова, Манилова и Чичикова.

И это не метафора: «Хлестаков» и «Чичиков» суть социологические категории, с помощью которых адекватно познается и описывается русская жизнь. Это также инструменты русской гносеологии, как и Обломов, Штольц, Онегин, Печорин, Чацкий, Рахметов и др. Более того, «лишний человек» («лишние люди») – совокупный образ, созданный нашей литературой, – стал важнейшей, фундаментальной категорией отечественной истории XIX – начала XX столетия.

* * *

Ну а теперь пора вернуться к русской мысли. Она, как отмечалось, тоже в высшей степени креативна. Однако в силу ряда обстоятельств это ее качество недостаточно осознано, попросту недостаточно известно. Что, кстати, весьма прискорбно, поскольку «домашние заготовки» вполне быгодились сегодня русскому уму в его стремлении «обустроить Россию». Да и многое бы прояснили относительно того, что представляется «тем-то и тем-то», но на самом деле «тем-то и тем-то» не является. Или наоборот...

Правда, для того, чтобы это обсуждать, надо отказаться – пусть на время, пусть не совсем – от привычного знания (полузнания, наслышенности и т.п.) русской мысли, от привычного ее восприятия, от устоявшихся классификаций мыслителей и их исторических репутаций.

Прежде всего, следует иметь в виду, что «русская мысль» – это социоинтеллектуальный феномен, имеющий достаточно четкие хронологические рамки, границы. Русская мысль «просыпается» в прологе XIX в. Позади столетие заимствований, ученичества, подражательства. Она готова к зрелому творчеству. Да и эпоха верит. Корабль Просвещения потерпел крушение в штормах Французской революции. Наполеоновские войны, романтизм, историческая школа права, немецкая философия, консерватизм (Штабериан), либерализм (Бенжамен Констан), социализм и т.д. – на все это необходимо было дать ответ. **Какая** эпоха уходила! **И какая** вступала в свои права! Все-му этому ренессансному восторгу и порыву, гносеологическому оптимизму и самоуверенности пришел конец. Зато явились болезненная саморефлексия, иррационализм, пессимизм и новые утопии социальной гармонии.

А за плечами России был век Петра и Екатерины, век, расколовший Отечество на два «враждебных склада жизни» (В.О. Ключевский), – европеизированный, петербургско-имперско-дворянский, и старомосковский, традиционно-патриархальный. И этот раскол в большой мере определит судьбы страны. Русская мысль просыпается, когда исторические часы указывают на «1812 год» (в широком смысле – и то, что к нему привело, и его последствия), который занес нас в Париж, произведя русского царя в «главу царей». Но и в недавнем прошлом пугачевщина и незнание того, что делать с крепостным правом. Все это и многое другое, сойдясь в какой-то точке, стало причиной «большого взрыва» – рождения оригинальной и субстанциальной русской мысли (включая и социально-политическую).

Но и верхняя граница не менее значима и значительна. Национал-социалистическая революция в Германии, расцвет фашизма в Италии и салазаризма в Португалии, вот-вот разразится гражданская война в Испании, мировой экономический кризис и спасительный New Deal, энциклика Пия XI «Quadragesimo anno», явившаяся поддержкой свободной рыночной экономики и критикой капитализма с социал-реформистских позиций. А в

России – полная победа Сталина и его режима... Иллюзии развенчаны повсюду. Немецкий национализм, так радостно и бодро начинавшийся в «Замкнутом торговом государстве» Фихте, логично завершается «тотальным государством» К. Шмитта. Все продумано до юридических деталей. За работу, немецкие товарищи! И палачи, засучив рукава, принялись за дело... – «Полмира в крови и в развалинах век». – Вместе с немецкими палачами выступили, реализуя собственные и заимствованные утопии, интенсивно создававшиеся более столетия, палачи русские, итальянские, испанские и прочее, прочее.

Конец первой трети XX столетия подвел кровавую черту, разделившую социальную историю нашего времени на эпоху «слова» и эпоху «дела».

Русская мысль тоже «закругляется». Последние великие ее поколения («бердяевское» и «евразийское») уже высказались. Принципиальные вопросы сформулированы, принципиальные ответы получены. Разумеется, движение, развитие мысли не останавливаются. Однако последовавшие десятилетия *субстанциально* и *тематически* нового почти не принесли.

Это дает мне основание утверждать: русская мысль XIX – первой трети XX столетия есть некая, вполне завершенная целостность. Именно как целостность я и предлагаю ее понимать. И именно ее проекты и предложения рассматривать.

Нет, я не хочу сказать, что в Древней Руси не думали. Что лишь насильственная прививка некоторых элементов европейской культуры побудила наших прадедов к философствованию, к гнозису. И поучившись эдак около столетия, они вдруг заговорили собственным языком. Конечно, и допетровская Русь мыслила. Мы являемся наследниками великой и великолепной интеллектуальной традиции русского православия – от митрополита Иллариона до Юрия Крижанича и Симеона Полоцкого. Мы наследуем и определенные измерения византизма (модель симфонии, паламизм и т.д.). В нашем сознании, безусловно, навечно отпечатались и черты ордынства. Не в меньшей мере, чем Abendland, Русь вобрала в себя и общехристианские (т.е. поверх конфессиональных различий) идеи. В том числе эсхатологизм, хилиазм, учение о трех царствах (у нас – «Третий Рим») и др. Не стоит забывать и о языческом пласте русского сознания (как утверждают историки, весьма живучем). Однако все это не привело к становлению субстанциальной интеллектуально-философской культуры и мысли (включая социальную). И не могло привести в рамках той, московско-допетровской, цивилизации. Ей там попросту не было места; так сказать, не предполагалось.

Перефразируя известное выражение, рождение русской мысли было русским ответом на французскую политическую и английскую промышленную революции. А также, о чем отчасти уже говорилось, на революцию Петра, на революцию русского сознания XVIII в. и т.д. Рубеж осьмнадцатого и девятнадцатого столетий был ознаменован вступлением России в Современность (Modernity). Это была, разумеется, Современность по-русски, или, другими словами, у России в пространстве Modernity было свое место.

Соответственно, по одежке и пришлось протягивать ножки. Ухнул «большой взрыв», и Россия «вдруг» заговорила голосами Карамзина и Сперанского. Вполне неповторимыми и современными голосами.

Итак: что же они (и те, что пришли вслед за ними; и приходили, приходили, пока всё не провалилось куда-то в небытие) завещали нам? Назовем, укажем на ряд (далеко не полный) предложений конкретных, деловых. Небезнадежных, полагаю, для русского служебного пользования.

* * *

Начнем ab ovo, т.е. с этого Николая Михайловича Карамзина, этого классического джентльмена, певца бедной Лизы и Марфы Посадницы, путешественника по закатным странам и подмосковного затворника, придворного историографа и советника царя. Ему (повторим) навек принадлежит русская история. Его миф по поводу прошлого Отечества стал одной из констант русского сознания. Миф, сводящий историю родины к истории власти, истории самодержавия. Недаром он пишет не «Историю России», а «Историю государства Российского».

Но вопрос в другом. Какова «практическая польза» карамзинского наследия. Что из его идей открыто и актуально для нас?

...В 1809 г. он знакомится с великой княгиней Екатериной Павловной, младшей сестрой Александра I. Одна из самых блестящих и образованных женщин своего времени, она имела значительное влияние и на венценосного брата, и на придворные круги. Вместе с тем открыто выступала против либерального и реформистского курса царя (главным врагом почитался находившийся тогда в зените славы Сперанский). Разумеется, Карамзин со своим резким и твердым неприятием духа первого александровского десятилетия пришел здесь ко двору. Николай Михайлович читает у ее высочества начальные тома «Истории», осваивает роли «советника царей» и своеобразного светского духовника членов императорской фамилии. (Пройдет несколько лет, и перед нами Карамзин, вольно и даже в поучающем тоне беседующий с матерью Александра I Марией Федоровной. Императрица Елизавета Алексеевна читает ему свои дневники, дойдя же до мест «слишком интимного свойства», протягивает тетрадь, и Карамзин дочитывает молча.)

В 1811 г. по просьбе великой княгини он пишет «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Специально для Александра I, чтобы объяснить ему, *что такое* Россия и как надобно с ней поступать. А также: показать всю пагубность либеральных реформ, которые начал царь со своим молодым окружением, а продолжил М.М. Сперанский. Обстоятельства возникновения этого произведения крайне показательны. Точно так же во второй половине XX столетия по инициативе того или иного крупного партийного начальника будут готовиться для генсеков, членов и кандидатов в члены ЦК секретарей ЦК различного рода записки, доклады, проекты относительно «древней и новой России» во всех ее отношениях. Иначе говоря, это коренное наше качество: политическая мысль, апеллирующая к Власти и только к Ней, и Власть, снисходительно разрешающая это. Но только, чтобы интимно, «сов. секретно», эксклюзивно. Чтобы ни в коем случае общество об этом не знало. Чтобы все было сплошной эзотерикой. И ни-ни, чтобы напечатать. «Записку» Карамзина, кстати, и не печатали...

Так явилось на свет произведение, которое каждому русскому, собирающемуся во власть, пишущему или говорящему о власти, следует знать назубок (а это ведь уже большинство русских людей; рассуждение по поводу власти есть чуть ли не характернейшее национальное качество; и в этом смысле,

быть может, искомая ныне верхними чиновниками и их интеллектуальной службой «Русская идея» и есть «Идея Власти» (ее формула), адекватная потребностям сегодняшнего времени). Государственные деятели и политики Запада проходят свой «кликбез», изучая «Государя» Макиавелли, нашим, повторю, было бы полезно обратиться к «Записке»: это и автореферат «Истории государства Российского» (а знать историю действительно полезно), и наставление власти, как ей «обустраивать» (а не разрушать) Россию.

И еще в одном отношении «Записка» оказалась новаторской и символической. Впервые в нашей истории представитель общества выразит более консервативные позиции, чем те, что занимает Власть. Карамзин твердо отстаивает идею незыблемости господствующего порядка, открыто критикует легкомысленные (по его мнению) и противоречащие русской органике либерализацию и «модернизацию». В **таком** контексте «Записка» стала предшественницей многих позднейших «предупреждений» Власти. Если сравнивать ее с подобными документами современной эпохи, то ее, видимо, следует поместить где-то между «Не могу поступиться принципами» и «Как нам обустроить Россию». Первая наследует яростную, горячую принципиальность «Записки», вторая – мудрое и неспешное охранительство.

В марте 1811 г. Екатерина Павловна представляет Карамзина императору. Тот благосклонно выслушивает главы из «Истории государства Российского» и рассуждает с автором о самодержавии. Мнения их расходятся: мыслитель твердо отстаивает идею незыблемости господствующего порядка, самодержец склоняется к необходимости его либерализации и модернизации. Ночью, перед отъездом из Твери (где и произошла эта встреча), Александр знакомится с карамзинской «Запиской о древней и новой России». Прощается он с Николаем Михайловичем холодно...

А ведь Карамзин утверждает: единственно возможный для России политический строй – самодержавие (оно есть «палладиум России»). Само самодержавие понимается как «надклассовая», надсословная сила, обеспечивающая движение русского общества вперед (движение вперед для Карамзина заключается по преимуществу в нравственном совершенствовании народа). В ходе исторического процесса самодержавие становится все более мягким и «разумным», оно постепенно переходит от «самовластия» к своеобразному варианту просвещенного абсолютизма. Своеобразие это состоит в патриархальном («отеческом») типе правления. Монарх руководствуется не юридическим законом, а действует по «единой совести», воля самодержца – «живой закон».

Кроме того, в «Записке» содержатся и такие классические принципы (точнее, здесь они звучат впервые, «классикой» станут позднее) русского охранительного государственничества: «Требуем более мудрости охранительной, нежели творческой», «Всякая новость в государственном порядке есть зло, к которому надо прибегать только в необходимости», «Для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу».

Яркими красками рисуются «идеальный тип» самодержавного правления и образ русского властителя – строгого и доброго отца, мудрого и осторожного водителя своих детей (народа), крепкого в православной вере и отстаивании заветов старины. Впервые под русским пером рождается *русский* Государь, рождается портрет вечной Русской Власти, Власти-Констан-

ты. Лишь следование за ней, лишь сохранение ее, лишь борьба со всем тем, что представляет для нее угрозу, обеспечивает русскому народу социальную безопасность и процветание. Властная Норма создана. Отныне она будет разрабатываться русской мыслью – Уваровым, славянофилами, Кавелиным, Катковым, Леонтьевым, евразийцами, Ильиным и др. Отныне все участники русской политической игры будут соизмерять себя, свои действия, свои планы и программы с *этой* Нормой. Даже не читая Карамзина, даже не зная о существовании какой-то там его «Записки»! Вот она – креативная сила русской мысли; сила, выражающая и отражающая органическую стихию, нутро, первоинстинкт («основной инстинкт») Русской Системы, т.е. того, во что оформились и перманентно (на протяжении веков) оформляются русская история и ее субъекты (тем самым, кстати, теряя свою субъектность).

Но если бы «Записка» ограничивалась только этим! Создавая идеальное самодержавие, Карамзин резко критикует самодержавие реальное. И самодержцев тоже. По сути дела, он *противопоставляет* наличному, историческому самодержавию – идеальное. Зачем? Наверное, Николай Михайлович шел на это с определенным умыслом – с *умыслом назидания, поучения*. Как не вспомнить здесь вновь, что именно в годы работы над «Запиской» Карамзин примеривается к роли «советника царей», затем придут роли светского духовника членов императорской фамилии и даже некоего светского старца. Эти странные роли (особенно последняя) вовсе не странны в той культуре, которая окончательно сложилась в России на рубеже XVIII–XIX вв. Одной из ее особенностей было то, что в «общей диспозиции» церкви отводилось очень скромное место. И многие функции «алтаря» взяли на себя другие институты. Одним из таких институтов стала литература/мысль (я намеренно объединяю их, поскольку одно мертвое связано с другим и питаются они общими соками) – «церковь» русской интеллигенции. Правда, в эпоху Карамзина «церковью» литература/мысль еще не была, в этом качестве она только созидалась. Расцвет же ее придется на вторую половину столетия. Но Карамзин приложил немало сил для ее строительства. Более того, он первый великий «старец» этой, им же творимой, «церкви». Он первый русский литератор и мыслитель, присвоивший себе право поучать власть и общество. Вслед за ним явились другие «старцы», другие «учителя»: Гоголь, Достоевский, Толстой. В советское время – Горький, сегодня – Солженицын.

Но лишь назиданием и поучением объяснить противопоставление исторического самодержавия идеальному нельзя. Здесь все и тоньше, и сложнее. И противопоставление это связано с *определенными качествами* мировоззрения Карамзина. Так, заметим, самодержавие для него есть институт сакральный, но самодержцев он критикует, как «обычных политиков». Карамзинская критика практически всех русских императоров есть типично *политическая* (по своей сути) критика. Она характерна для европейской культуры Нового времени²⁸, но ее совершенно невозможно представить в рамках той культуры, которая и выработала идею сакральной власти (в нашем случае – самодержавия). Следовательно, налицо сочетание блоков идей, принадлежащих принципиально различным типам культур – «традиционной» и современной (культуры просвещения).

Все это далеко не случайно. Дело в том, что певец русских традиций, русской архаики и русского охранительства был одновременно главной фигурой русского Просвещения (которая, по Канту, есть выход человека из состояния

несовершеннолетия). Он – первый русский независимый и автономный (от Власти) социальный индивид, социальная личность. Карамзин – первая среди русских социально субстанциальная личность²⁹. Человек, заговоривший с Богом, властью, обществом, женщиной и самим собой на частном языке, который и стал русским литературным языком – и остается (несмотря на все модификации) им и сегодня. Отсюда это, казалось бы, странное сочетание архаико-традиционалистского и современного (в смысле modern). Отсюда это сочетание несочетаемого. Отсюда весь карамзинский миф – выражение архаичного современным способом. Досовременный по содержанию и современный по форме. Это и фундаментальное противоречие, и фундаментальное качество нашей культуры. Причем по сей день!

Посмотрите на всенародно избранного (тип легитимности и форма власти соответствуют требованиям Modernity) (бывшего) президента Бориса Ельцина. С балкона резиденции патриарха в Троице-Сергиевой лавре он как-то возвестил *orbi et urbi* о том, что является президентом «от Бога». То есть Богом поставленный. Первый глава демократической России очень быстро усвоил себе манеры «царя Бориса». И стиль его правления – царский. Вот она, карамзинщина! (А на язык и на ум приходят и карамазовщина, и кармазиновщина Достоевского; разумеется, не просто так все это; и не звуковое здесь созвучие, а содержательное хотя и глубинное; к Николаю Михайловичу не относящееся). Но это лишь пример из великого множества явлений и событий, подтверждающих описанное выше качество русской культуры и тем самым актуальность Карамзина.

И еще о Карамзине. Он первым сформулировал то, что надобно знать всякому русскому политику. «Гражданские учреждения должны быть сообразаемы с характером народа: что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле³⁰. Конечно, сегодня это звучит совершенно тривиально. Звучит-то безусловно, но руководством к действию за два столетия не стало! Значит, не так уж тривиальна эта мысль Карамзина. Что касается за ней следующей, то ей и вовсе полагается быть «судьбоносной». Но ее забыли – напрочь. Надеюсь, не навсегда... «Законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств... Русское право также имеет свои начала, как и Римское; определите их, и вы дадите нам систему законов»³¹.

Это – пророческие слова. Это – задача, которую Россия еще не решила, но решить обязана. Иначе *своего* государства и общества ей никогда не построить. И пока мы не «определим» «начала» русского права, у нас не будет эффективной и адекватной «системы законов». Сделав же это, мы покончим с господствующим заблуждением относительно якобы неправовой по сути природы России. Это заблуждение губительно для отечественной истории, поскольку, с одной стороны, несет в наши души правовой нигилизм, а с другой – открывает возможность для любого иного регулятора социальных отношений. Будь то деспотия или чуждые русской культуре заимствованные юридические нормы. Все это лишь **заменители**, уродующие народный организм...

* * *

Михаил Михайлович Сперанский – и об этом надо сказать, как говорил Карл Шмитт, со всей сюрреалистической открытостью и откровенностью – есть отец-основатель всей современной русской политико-правовой традиции. И вместе с тем это, наверное, самый недооцененный отечест-

венный мыслитель. Более того, его не поняли, не захотели понять и Толстой, и Достоевский, и Герцен, и Чернышевский, и отчасти Ключевский. А ведь это почти все «наше все»! К счастью, и здесь Пушкин стоит особняком. Он называл Сперанского «Гением Блага» и всячески ухаживал за ним в свете.

Значение Сперанского становится очевидным после простого перечисления того, что он завещал нам. Того, чего русские до него не имели: правовое государство, разделение властей, конституционную схему организации власти, систему министерств, кодификацию законов, теорию элит, социальное христианство, просвещенную бюрократию. А также «по мелочи» – Царскосельский лицей, Училище правоведения, Киевский университет, систему управления Сибирью, ряд кодексов, регулировавших хозяйственную деятельность страны в XIX в., новое церковное образование. Помимо того, был крупнейшим государственным деятелем, богословом, преподавателем.

В 1809 г. он напишет «Введение к Уложению государственных законов». Наряду с карамзинской «Запиской о древней и новой России» я бы включил эту работу в список экзаменационных для кандидатов на занятие государственной должности. И если в «Записке» была создана русская Властная Норма и заложены основы господствующей у нас поныне психологии восприятия Русской Власти, то «Введение» стало конституционным текстом, Конституционной Константой России XIX–XX вв.³² Для сведения современников: «уложение государственных законов» есть практически синоним термина «конституция». В ту эпоху и ранее наши предки предпочитали говорить «уложение».

Подчеркну: здесь креативность русской мысли достигает апогея. Судите сами.

Первая русская конституция, октроированная Николаем II в апреле 1906 г., и так называемая ельцинская конституция 1993 г., подобно отечественной литературе, вышедшей из «Шинели», вышли, из властно-организационной схемы, предложенной Михаилом Михайловичем во «Введении». Нет, конечно, это не копии оригинала, однако их генетическая преемственность несомненна. При жизни самого Сперанского реализовалась лишь одна деталь его плана: был создан Государственный совет – законосовещательный орган при императоре, институция, члены которой составляли круг влиятельнейших сановников.

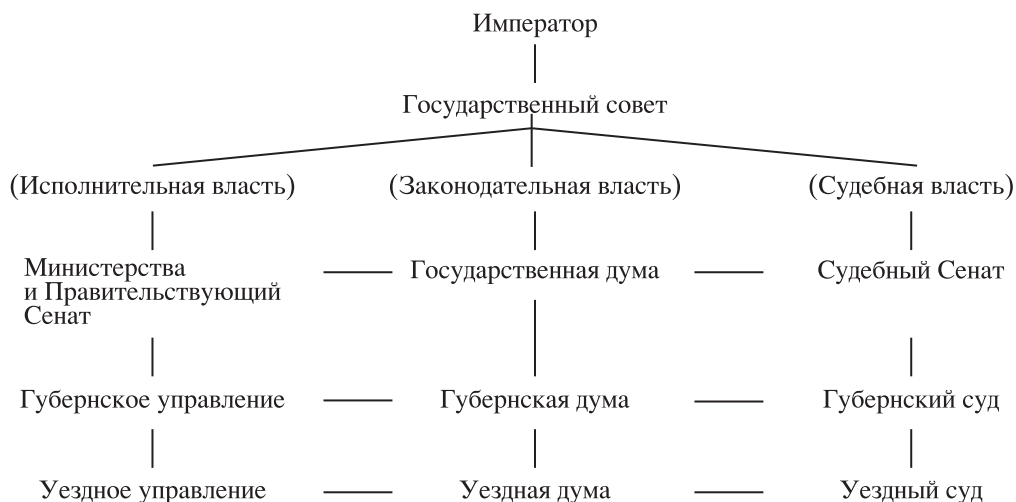
В эпоху «великих реформ» Александра II (ему в середине 30-х Сперанский читал лекции по правоведению и «политическим наукам») через введение системы земского уездного и губернского самоуправления и создание независимого (от власти) суда план был осуществлен на среднем и нижнем уровнях. То есть новый конституционно-правовой дом строили, как и полагается, с низа, с фундамента.

Несколько огрубляя и модернизируя (с целью опустить детали и не запутаться в частности), можно составить представление о схеме Сперанского (см. схему).

В 1906 г. дом достроили, был завершён верхний уровень. Государственный совет фактически превратился в первую палату парламента (одна половина его членов отныне избиралась, другая назначалась царем); Дума стала второй. Правительство сохраняло ответственность перед императором.

Схема государственного управления М.М. Сперанского

В 1993 г., проведя антикоммунистическую и антисоветскую революцию, Россия вновь избирает себе – по крайней мере, в ключевых моментах и на верхнем уровне – схему Сперанского. Разумеется, в соответствии с реалиями конца века. Власть президента огромна, он не «вписан» в разделение властей, а располагается над ними (в *этом* смысле – *римейк* царской власти); правительство ответственно перед президентом; Госсовет преобразился в Совет Федерации, который вместе с Думой (ограниченной, как и ранее, в реальном влиянии на политический процесс) составляют двухпалатный парламент.

Так, на протяжении почти двух столетий (за исключением социалистического периода, но об этом еще скажем) Россия живет фактически с одним конституционным текстом (сначала в теории, затем на практике), который, повторим, следует признать Конституционной Константой. А заодно – прекратить безграмотно-бессмысленные заявления о том, что Конституция-93 сделана под г-на Ельцина, а за образец взяты французские порядки. Это оскорбительно для русской истории, которая (воспользуемся метафорой Ленина) выстрадала (плоха ли она, хороша) *эту* Конституцию. Кстати, это не отменяет возможного исторического факта: (якобы) придворные юристы стремились уложить Россию под президента. Нет, это не они – «здесь дышат почва и судьба»; здесь «разряд ядра, не властного не рваться»; здесь «история орет».

И далее, мимоходом, бегло, поскольку тема разработана недостаточно. Но если это условие будет выполнено, последствия окажутся грандиозными. Николай Николаевич Алексеев, известный в качестве крупнейшего евразийского государствоведа и правоведа (на самом деле значение алексеевских идей выходит далеко за пределы этого политико-идеологического направления), в работе «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)», написанной в середине 1920-х, утверждал: «В самых общих формах при снятии монархического принципа из системы Сперанского и выходит то, что действует ныне в России в виде системы Советов»³³. Естественно, что Н.Н. Алексеев представляет и некоторые –

вполне, кстати, убедительные – доказательства этого своего тезиса. Действительно, под *определённым* углом зрения советская власть в ранней форме (до Конституции 1936 г.) напоминает организацию власти, предложенную Сперанским во «Введении». Повторю: тема требует серьезной разработки. Но и сегодня уже видно – Алексеев нащупал золотую жилу, попал в «десятку».

Это рушит все устоявшиеся воззрения на политическую историю страны! Это возводит Сперанского на высочайший пьедестал. Это опровергает мнение Ленина, что Советы суть продукт творчества народных масс, абсолютно народная форма самоорганизации и самоуправления... Да нет, не опровергает. По-своему Ленин, безусловно, прав. Трудящие люди Иваново-Вознесенска и Шуи, пролетарии Питера и полуграмотные бронштейны-носари слыхом не слыхивали о проектах Сперанского. Это – тоже «почва и судьба», тоже рев истории, ее инстинкты и повадки. Однако каков Михаил Михайлович! И это учуял, «запланировал», «напридумывал»! Вот и не верь в «пророчески-мистическую» силу русского слова, русской мысли...

Теперь несколько слов о Сперанском как теоретике элитизма. Современная политическая наука (political science) сводит политический процесс к конкуренции и взаимодействию элитных групп. Лишь элиты признаются действенными политическими «актерами». Конечно, в первой половине прошлого века political science еще не существовала. Но в разных странах мира творили мыслители, которые закладывали (как это выяснилось впоследствии) ее основы. У нас это – Сперанский. Он обнаруживал в России пять элитных образований, которые, по его мнению, держали будущее России в своих руках. Сохранение монархии он связывал с необходимостью регулирования и контроля над взаимоотношениями элит, с необходимостью иметь институт, находящийся «над схваткой». Но сейчас я хочу коснуться другой части элитистской концепции Сперанского.

Михаил Михайлович мечтал о создании в России наследственной политической элиты, аристократического политического класса наподобие того, что в Великобритании заседает в палате лордов и носит название «establishment». Именно как орган этого класса и планировался им Государственный совет империи. Зачем? Ну конечно, ему глубоко импонировала самая стабильная из политий – английская. Однако и не в этом только было дело. 5 апреля 1797 г. в истории России произошло в высшей степени важное событие. В этот день Павел I издал Акт о престолонаследии. Тем самым Россия превратилась из наследственной монархии по завещанию в наследственную монархию по закону. Этот Акт вносил в отечественную государственность реальные конституционные начала; он же избавлял страну от потрясений, преследовавших ее весь XVIII в. (да фактически и раньше, от момента становления Русской Власти, от Ивана IV). Он отменил несчастное и неудачное правило наследования престола, введенное его великим прадедом. И одновременно достроил здание примогенитуры (власть переходит от отца к старшему сыну; при отсутствии сыновей – к братьям по старшинству и т.д.).

Павел совершил главное для нормального функционирования власти – узаконил эффективный и логичный механизм ее трансляции от одного лица к другому. Как только это было сделано, Россия вступила в эпоху стабильности. Сперанский мог планировать дальнейшее развитие русской систе-

мы лишь опираясь на *этот* фундамент. Его конституция включает в себя павловский Акт. В *этом* контексте «введение» наследственной политической элиты (в основе которой и частная собственность, т.е. абсолютное, от Власти независимое, обладание неким имуществом, некоей субстанцией; и здесь трансляция – по закону – носит «объективный» характер) было вполне оправданным. И если бы Россия избрала этот путь, не исключено, что «великих потрясений» в ее судьбе было бы несколько меньше. Исторический союз наследственного монарха по закону с наследственными по закону членами Госсовета: союз, опирающийся на закон, охраняющий закон, принимающий закон и законом гарантированный, – чем не преграда всем этим стихиям и демонам разрушения, всем этим пугачевым и ульяновым?

Не удалось... Что же, Сперанскому удалось многое другое – и в первую очередь, заложить основы современного русского политико-правового мышления. А нам неплохо бы на ус намотать: проблемы трансляции власти и трансляции имущества суть центральные для устойчивого бытования общества. Михаил Михайлович помнил об этом постоянно.

* * *

Между смертями двух «отцов-основателей» – Карамзина и Сперанского, между 1826 и 1839 гг. в интеллектуальной жизни России произошли существенные изменения. Сначала явились декабристы (точнее те, кого так стали называть впоследствии, всё сформулировали и выступили раньше, но общеизвестными их идеи стали именно в этот период), затем идеология «официальной» народности и – Чаадаев. С декабризмом в Россию пришла Революция. И стала целью, способом, формой жизни нескольких поколений русских образованных людей. Одновременно это была последняя попытка нашей аристократии ограничить Власть. Последний гвардейский переворот и первое революционное выступление в одном лице – вот что такое декабризм.

И то и другое, заметим, оказалось неудачным! Власть благодаря Павлу I и Сперанскому настолько окрепла, что даже в неблагоприятных обстоятельствах отстояла самое себя. А «золотой век» дворянства, дворянократия, окончился. Для победы же Революции было еще рано. Однако вот что интересно. В рамках этого движения было выдвинуто два принципиально различных проекта (революция-проект; проект фундаментального социального изменения, т.е. реформы) обустройства России. И полярный характер эти проекты имели не только по линии декабризма. Они вобрали в себя тогда еще лишь пробивавшиеся в русской мысли тенденции. Но их витальность и креативность и в начальной стадии были столь интенсивны, что сохранились – реализуясь попеременно – вплоть до наших дней.

Павел Пестель, вождь «Южного общества», создает модель республиканского, централистского, унитарного, русифицированного, культурно- и административно-политически однородного и нивелированного государства. С господством полиции, в том числе и тайной. При этом крепостное состояние отменяется и половина всех земель отдается во владение волостному обществу. Иначе говоря, крестьяне освобождаются с землей, но она не становится их частной собственностью. Мир получает ее как «общественную землю». Таким образом, рождается следующая политико-организационная схема: «якобинская», жесткая диктатура с социальными и экономическими гарантиями для большей части населения. Схема, не «предполагающая» по-

литическую свободу и перевод крестьянства в состояние частных собственников.

Идеолог «Северного общества» Никита Муравьев строит в России федеративное государство с четко проведенным принципом разделения властей, с правительством, ответственным перед законодательной властью. Сохраняется, но резко ограничивается монархия, гарантируется политическая свобода. Крепостное право ликвидируется, и крестьяне получают в собственность землю – на каждый двор по две десятины (что для выживания в русских условиях ничтожно мало). У политико-организационной схемы Никиты Муравьева либеральные очертания: федеративное устройство с гарантиями политической свободы (в том числе и через разделение властей) и частной собственности крестьян на землю, но без социальных и экономических гарантий для большей части населения.

Различия между Пестелем и Муравьевым в самом сжатом виде можно сформулировать следующим образом: с одной стороны, рабство с гарантиями, с другой – свобода без гарантий. Таковы две тенденции русской мысли, идущие от декабризма. Таковы два главных социальных проекта Русской Революции. В целом они сохранились не только до ее «победы», но и, как оказалось – до конца XX столетия. Ельцинская Россия 1990-х годов, безусловно, социально воспроизвела муравьевский вариант. Что поразительно, поскольку, наступив на грабли «гарантийного деспотизма», мы, ни на минуту не задумавшись, бросились на другие грабли – «безгарантийной свободы». И не попытались даже уравнение «рабство с гарантиями против свободы без гарантий» преобразовать в «свободу с гарантиями против деспотизма без гарантий». По-прежнему уравнение редуцировали до одной составляющей; вторая – аннигилировалась.

Что же касается проекта Муравьева, то он был «альтернативным» не только пестелевскому, но и плану Сперанского. Уже отмечалось: Михаил Михайлович был создателем русского Конституционного Текста, Конституционной Константы. Однако параллельно с этим в русской интеллектуально-политической традиции существует – причем тоже постоянно – другой текст (другая константа). Он еще ни разу не воплотился, но всегда присутствует в качестве альтернативы – альтернативы, горячо желаемой значительной частью общества. В период думской монархии (1906–1917 гг.) борьба за реализацию этого конституционного проекта сведется к лозунгу: требуем «ответственного министерства». Иными словами, речь идет о парламентской форме правления, базирующейся на принципе ответственности правительства перед законодательной властью.

Именно в этом отличие Муравьева от Сперанского. У последнего, как мы помним, правительство несет ответственность перед императором (в конституции 1906 г. тоже, 1993 г. – перед президентом, «выборным монархом»). Никита Муравьев первым в России убедительно сформулировал принцип парламентского правления, хотя, конечно, его оригинальность как мыслителя типически русская: заемная (в данном случае североамериканская) модель пересаживается на нашу почву, затем начинается процесс подгонки; если мыслитель настоящий, а не фиговый, «заемность» подгоняется под русскость; в противном случае наоборот.

Но декабристы стали отрицанием (во многом) не только Сперанского, на идеях которого выросли. Другой учитель, не менее великий – Карам-

зин, – был тоже отвергнут. Всем известно **это**, классическое: декабризм есть критика «Истории государства Российского» вооруженной рукой. Данное выражение **столь** классично и столь часто подвергалось всевозможным комментариям, что освобождает меня от поиска каких-то новых коннотаций. Скажу лишь: идейно различие между Карамзиным и декабристами установил тот же Никита Муравьев. Карамзин, по мнению декабриста, полагал, что «история народа принадлежит царю». Муравьев утверждал, что «история принадлежит народам».

Таким образом, он отвергает один из основополагающих мифов русской мысли – карамзинский миф о России, миф, сводящий историю России к истории русской Власти, Самодержавию. Никита Муравьев обнаруживает в русской истории ростки гражданского общества, одним из первых теоретиков и сторонников которого он и стал у нас (по *этой* линии его ярчайшими и серьезными «наследниками» были в целом чуждые муравьевскому духу славянофилы).

В этом контексте и следует рассматривать политико-организационную схему Муравьева. Она соответствует реальности гражданского полисубъектного общества. Она не Властечетрична и не «предполагает» в качестве фундамента социальный консенсус по поводу Власти. Она «рассчитана» на эволюцию русской цивилизации в сторону антропоцентричности. Говоря несколько иначе, муравьевский проект подобен западным конституциям, главный субъект которых, напомним, гражданин, гражданское общество, нация.

У нас же главный субъект Конституции – Власть, порождающая, «октроирующая» самую конституцию (1906, 1993 гг.). Таким образом, Власть дарует обществу Основной закон при условии и на условиях признания ее главным субъектом этого Закона. Ну а такое признание возможно лишь на основе *общего* для всего социума (в лице его ведущих акторов) понимания природы и механизма функционирования Власти. Повторю: конституции Николая II и Бориса Ельцина *par excellence* таковы.

Это – принципиальное различие между двумя властными моделями. Отечественная публика полагает (и полагала), что конкурируют «президентская» и «парламентские» республики, а на самом деле – два различных типа общества с соответствующими им политико-организационными структурами. Западное гражданское общество в зависимости от национальной или историко-ситуативной (как во Франции) специфики с большим или меньшим успехом (но успехом!) отливается и в президентскую, и в парламентскую модели. В России под псевдонимами «президентский» и «парламентский» типы правления прячутся два различных типа общества. Точнее – две властные схемы, корреспондирующие тому или иному варианту социума: «президентский» – традиционно Властечетричному, «парламентский» – возможному (в обозримом будущем – основания для этого *сегодня* есть; но страстно желаемому издавна) полисубъектному, антропоцентричному, гражданскому обществу. (Конечно, это не означает принципиальной невозможности для русского полисубъектного общества избрать себе президентскую форму правления; я лишь подчеркиваю *историческую* связность в России двух властных моделей с двумя вариантами социального развития.)

Вот что такое по сути проект Сперанского и проект Муравьева. При этом я не хочу сказать, что конституционный план Сперанского «отвергает» граж-

данское общество: вовсе нет. Более того, сам Михаил Михайлович был крупным теоретиком и безусловным сторонником *этого* типа социума. Но его конституционный план (так исторически сложилось) как-то очень органично «вписался» во Властечентричность и стал даже ее правовым оформлением. Хотя сам план этим не исчерпывается. Это русская жизнь **так** приспособила к себе и под себя идеи Сперанского.

Конечно, «президентская» республика (или ранее русская монархия) есть юридическая форма отцовской власти и отражение гетерономистской формы сознания (согласно терминологии Канта «гетерономия» – подчинение извне приходящим нормам). «Парламентская» республика (или ранее лозунг «ответственного министерства» в условиях сохранения и – одновременно – ограничения монархии) **должна** соответствовать гражданскому обществу (обществу «совершеннолетних», не нуждающихся в патерналистской власти, власти отца-опекуна) и автономистской форме сознания («самопорождающей» нормы – также по Канту). Но я не случайно выделил глагол «должна». Прежде мы обязаны точно знать, что русское общество таково, что оно готово взять на себя ношу громадной ответственности.

* * *

И еще немного об эпохе 1826–1839 гг. В начале 1830-х приходит граф Сергей Семенович Уваров с триадой «Православие. Самодержавие. Народность». По заказу императора рождается первая официальная идеология, первая государственная идеология. **Обязательная для всех**. Это как раз то, что совсем недавно пытались сформулировать по распоряжению первого президента России. Правда, пользовались эвфемизмом – «Русская идея». Больно уж термин «идеология» скомпрометирован. Что в «официальной народности» было совершенно внове русскому уму той эпохи? Негативное отношение к Западу. Более чем вековой период подражательства и заимствований закончился. Россия, по крайней мере отчасти, возвращалась к традиционному для нее восприятию Запада – отрицательному, критическому. А в русском сознании прочно утверждалась дихотомия «мы – они», «Россия» – «Европа».

Вообще-то, враждебное отношение к Европе не бог весть какое новшество. Оно красной нитью проходит через историю последних столетий допетровской Руси. Но это уваровское, антизападничество обретает иные черты. Отныне процесс *самоопределения* России, русского и русских будет обязательно включать в себя и некое представление о Европе – как правило, негативное, причем даже у западников (но это особая тема), и сопоставление себя с Европой, и заимствования у нее, и выработку оружия для борьбы с этой «гниющей блудницей» и одновременно «страной святых чудес».

Неудивительно в *этом* контексте, что идейный наследник Сергея Уварова (в определенном, разумеется, смысле – весьма ограниченном) скажет: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия... Европа так же точно была отечеством нашим, как и Россия». И еще: «...Русский... получил способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец». Это устами своего любимого персонажа Версилова («Подросток») говорит ярчайший антизападник Федор Достоевский. Теперь, вот уже два века, русское сознание может быть *противуевропейским* или *проевропейским*, однако не *внеевропейским*.

Внешне, это, конечно, парадоксально; «самобытник» Уваров утверждает – пусть через «враждебное слово отрицанья» – нашу связность с Европой, наши какие-то с ней счеты, нашу с ней обреченность на общность (еще раз: пусть даже «единство и борьбу противоположностей», но ведь – и *единство!*). И здесь, как мне кажется, к месту и ко времени сказать несколько слов в защиту графа Уварова. Его оценка Пушкиным хорошо известна. Великий историк и едко-злой мемуарист С.М. Соловьев в своих «Записках» дал формулу уваровской исторической репутации. По выражению Сергея Михайловича, Уваров внушил императору мысль, что он, Николай, является творцом «какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т.е. слова: православие, самодержавие и народность; православие – будучи безбожником... самодержавие – будучи либералом, народность – не прочитав за свою жизнь ни одной русской книги... Люди порядочные, к нему близкие... с горем признавались, что не было никакой низости, которой он не в состоянии сделать, что он был кругом замаран нечистыми поступками».

Да, наверное, все так и было. Но вот что гораздо важнее. Вся (в целом) русская культура классического и золотого XIX столетия была православием безбожников, самодержавием либералов и народностью людей, не читавших русских книг. Уваров лишь картинно-показательный образец персонификаторов этой культуры, да еще и человек, произнесший заветные слова. Утонченный и искушенный западник, стоявший у истоков русского самобытничества.

Эту характеристику Уварова и им отчасти порожденной русской культуры (хотя многие с этим не согласятся) можно дополнить еще одним, «зеркальным» измерением: атеизм православных, либерализм самодержавников, русские книги, выросшие из чтения европейской литературы. Вот он, наш XIX век! Вот он, граф Сергей Семенович! И заметим, эта культура в своих первоначальных интуициях и конечных выводах совсем не умерла в России, «которую мы потеряли». Это ведь и сегодняшнее русское самоощущение и мировосприятие...

Но уваровская «система» – это и русский ответ Французской революции. Каждому элементу их триады *со-ответствовал элемент нашей триады*. «Православие. Самодержавие. Народность» versus «Свобода. Равенство. Братство». А еще Уваров учил: самодержавие не есть только и просто историческая форма русской власти. Это – Константа нашей истории; это – вечная Русская Власть. Другой не было и не будет. То же можно сказать о Православии. Впервые прозвучало: русский = православный; если не православный, то не русский. В «народности» были заложены и антизападничество, и редукция высоких и сложных форм культуры к «элементарным», «простонародным».

Как это все живуче! Как близко нашему времени! Да и всем пришедшим после уваровского открытия. Власть каждый раз возвращается на круги своя в качестве самодержавной. А уж какие силы выставались против этой Субстанции. Даже институт выборов ей не помешал. И убежден – в обозримом будущем в Кремль по-прежнему будут приходиться самодержцы. Поначалу-то, конечно, самодержцами они могут не быть, но затем русские условия заставят их пойти по исторической колее... И православие даже после истребления *почти всех* священников потихонечку встает на ноги. И все увереннее наставляет: если русский – значит православный. А начальник со свечой в

храме – это такая же примета времени, как мобильный телефон, рассказы о заграничных поездках и убегание от налоговых служб; это – примета удачи, обязательный ее аксессуар.

Что же касается народности, то она переживает ныне чуть ли не эпоху «акмэ». Это просто товарищи патриотически настроенные писатели не поняли, не догадались. Они думали: народность – «бабы в сарафанах, мужики с балалайками и замученный евреями Есенин», о котором Анна Ахматова сказала «Очень плохо, очень однообразно, и напомнило мне нэповскую квартиру: еще висят иконы, но уже тесно, и кто-то пьет и изливает свои чувства в присутствии посторонних... Все время – пьяная последняя правда, все переливается через край, хотя и переливаться-то, собственно, нечему». Замечу, это не оценка поэта поэтом, это человек высокой культуры о «народно-простонародном» есенинском мифе... Так вот народность как редукция высоких форм к низким и есть знамение нашего времени. Заготовленная на Западе специально для «пролов» (сытых и физиологически опрятных) «маскультура» очень хорошо пошла здесь, на просторах бывшего СССР, бывшей Российской империи. Нам, выросшим на русско-советской народности (ее позднекоммунистический ярчайший выразитель – Алла Пугачева, которая, по словам моего покойного учителя профессора Николая Никаноровича Разумовича, принесла на эстраду свежую струю советской торговли), как ни полюбить было всю эту латино-северо-американскую сарафан-балалайщину, всех этих просто-санта-барбаро-марий...

Приходится признать: Уварову удалось редкостное. В трех словах передать, выразить важнейшие, конститутивные стороны русской психеи. Эта триада наряду с «Москвой – Третьим Римом» и коммунизмом принадлежит к важнейшим идеологиям русской истории. Но третьеримская и коммунистическая теории суть универалистские, не русские по происхождению, по истокам. Они усвоены и переработаны под себя русскими, но не порождены ими. Это в конечном счете универалистские схемы – в контекст которых *вписывается* Россия. Уваров же говорит *только* о России. Учительный старец Филофей и «старик» Ильич создают, так сказать, *про-русские* схемы, про-Русь-Россию в рамках мирового процесса. Уваровская – же не прорусская: но единственно русская формула самоопределения России. Это уникальное партикуляристское русское уравнение: Россия = Православие + Самодержавие + Народность.

В сравнении с ним ленинское «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» с ходу проигрывает. Ни слова о России; к тому же оно какое-то инженерно-безличностное, унылое. «Москва – Третий Рим», напротив, по красоте, эстетике, поэзии, вполне сопоставимо: особенно эти: «падоша», «не быти», «аки тать в нощи» и т.п. Но это все-таки «всеобщая история», как, впрочем, и коммунизм. Нет в них той домашности, той самодостаточности, того органического чувства, которое испытывает всякий русский, возвращающийся из мировой истории к себе, в свою. Это то, что переживал Пьер Безухов, оставляя блестящий Петербург и вступая в «белокаменную». «В Москве, как только он въехал в свой огромный дом с засохшими и засыхающими княжнами, с громадной дворней, как только он увидел, проехав по городу, эту Иверскую часовню с бесчисленными огнями свеч перед золотыми ризами, эту кремлевскую площадь с незаезженным снегом, этих извозчиков и лачужки Сивцева Вражка, увидел стариков москов-

ских, ничего не желающих и, никуда не спеша, доживающих свой век, увидал старушек московских барынь, московские балы и московский Английский Клуб, он почувствовал себя дома, в тихом пристанище. Ему стало в Москве покойно, тепло, привычно и грязно, как в старом халате».

Или Александр Блок: «Три раза преклонится долу, / Семь осенить себя крестом, / Тайком к заплеванному полу / Горячим прикоснуться лбом. / Кладя в тарелку грошик медный, / Три, да еще семь раз подряд / Поцеловать столетний, бедный / И зацелованный оклад». Ведь и в уваровской «системе», отразившей всю эту двойственность русской культуры (о которой уже говорилось), звучит блоковское: «Да, и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне».

Это толстовско-блоковское чувство всегда было и остается поныне коренным свойством русской культуры. Особой силы оно достигло в поэзии Б. Пастернака. «Из кухни вид. Оконце узкое / За занавескою в оборках, / И ходики, и утро русское / На русских городских задворках».

Иными словами, Филофею и Ленину не Россия мила, а участь, ей выпавшая. А Уварову мила и *эта, такая Россия*. Вот почему, нравится это нам или нет, его триада **всегда** будет греть русское сердце. И нам как минимум стоит это знать и не сбрасывать со счета, с исторического счета...

В 1836 г. напечатано первое «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева. И в развитии русской мысли начинается новая эпоха зрелости. По сути дела, основные темы уже сформулированы: философия истории, и русской в особенности, избранничества России, противоположности Западу, исторической отсталости, определяющей роли религиозного начала для любой культуры, исторической самокритики или критики исторического опыта и некоторые другие. Это было мощное завершение пушкинского периода русского развития и одновременно начало «сороковых годов». Времени славянофилов и западников.

* * *

Невероятную с точки зрения классического либерализма модель политического обустройства России предложил один из классиков отечественного либерализма К.Д. Кавелин. Следует подчеркнуть: этот мыслитель действительно был по своим убеждениям либералом, но – либералом типически русским. То есть с большой склонностью к социализму (Чичерин и Милюков здесь скорее исключения), с подозрением (вплоть до отрицания) к частной собственности, с отказом от разделения властей, конституции и т.д. Однако здесь не место развивать эту тему; Кавелин – в контексте данной работы – интересует нас как предшественник русской политической науки, как важное действующее лицо русской предполитологии.

Каким же видит он тот строй жизни, который ограничен и поэтому единственно возможен для России? «Позвольте мне... напомнить вам одно очень умное слово Ю.Ф. Самарина. Он где-то сказал: “В идеале русском представляется самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая народным мнением”. Мне кажется, что это вполне верно. Тут выражено органическое единство власти и народа, а так как народ, без сомнения, по самому существу своему самодержавен, то единая с ним власть *eo ipso* (тем самым. – Ю.П.) должна быть самодержавной»³⁴. Это, так сказать, общая формула. Но име-

ется и расшифровка того, что есть «самодержавный народ» и как реально воплощается «органическое единство власти и народа» (кстати заметим, политическую формулу западник Кавелин практически заимствует у славянофила Самарина; вот вам и раскол русской мысли на западничество и славянофильство! Вот вам русское либеральное западничество!).

Сначала о «самодержавном народе». Это такой народ, который «убережен судьбою от принципов римских (т.е. в первую очередь от института частной собственности; вообще от правовых принципов. – Ю.П.), уже и теперь не знает сословных разделений»; народ – «как нельзя более веротерпимый и стремящийся к осуществлению своего исторического идеала не в грубой конституционной борьбе большинства с меньшинством, но в общинном единогласии под эгидой самодержавной власти»³⁵. Причем Кавелин уверен, что «семидесятимиллионный крестьянский мир не пойдет ни за дворянством, ни за буржуазией»³⁶.

Далее: о том, в какой властной форме осуществится «органическое единство» самодержавия и народа-крестьянина. «Царь есть единственный и самый верный оплот крестьянства против аристократических или мещанских (читай: буржуазных. – Ю.П.) конституций; он и в будущем лучшая гарантия против возникновения всяких привилегированных правящих классов. И нет сомнения, что всею массой своей, дружно и уверенно Россия может идти только за самодержавным, т.е. свободным (!!! – Ю.П.) царем, не зависящим ни от бояр, ни от плутократии. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как – *самодержавная республика*»³⁷.

Этот «небывалый» политический строй – самодержавная республика (!!!) – и должен будет провести *социалистические* преобразования в России. (Как бы хотелось, чтобы этот текст увидели современные отечественные либералы; в наивности своей они и не подозревают, что русский либерализм родился как социал-либерализм и одно из важнейших измерений – социалистическое; кстати, и западный либерализм вот уже несколько десятилетий во многом социал-либерализм; могу напомнить известные слова классика европейского либерализма XX в. Ральфа Дарендорфа: «в своих лучших проявлениях наше столетие было социал-демократическим и мы – либералы – тоже социал-демократы»). В общем же Кавелину видится такая страна: «Я начинаю с крестьянской общины, вполне автономной во всех делах, до ее одной касающихся; затем союзы общин уездные и губернские или областные со своими выборными представительствами: а целое завершится общим земским собором под председательством самодержавного, наследственного царя. Для того наследственного, чтобы не было борьбы партий и смуты при его избрании, для того самодержавного, чтобы он мог быть всегда царем *всех*, а не того случайного большинства, благодаря которому он бы царствовал»³⁸.

Таково политическое кредо Кавелина. Еще раз подчеркнем: в нем нет места традиционным либеральным идеям и ценностям. Напротив, всему этому объявляется война не на жизнь, а на смерть. Кстати, для Кавелина характерно онтологическое неприятие интеллигенции («Если верховная власть и действует иногда как бы в согласии с интеллигенцией, так это с ее стороны только временная ошибка, со стороны интеллигенции – это злой расчет»³⁹). Единственные же позитивы его *либеральной* программы, как мы видим, – социалистически-общинный уклад, пронизывающий Русь по всей социальной

горизонтали, и самодержавие – организующий принцип властной вертикали. При этом, повторим, социалистически-общинный народ «самодержавен», а самодержавие – «народно». И эти предикаты не случайны. Здесь устанавливается *внутренняя, сущностная* (а не внешняя, формальная, юридическая) связь царя с народом и народа с царем. Это даже не связь в привычном смысле этого слова, а некая диффузия друг в друга. Это не мужское и женское начала, но мужско-женское или женско-мужское. Это – *социальный андрогин*. Для понимания такого организма не подходит веберовская социология с ее типами господства и рациональности. Перед нами – скажем это с некоторой иронией – воплощенное *всеединство*.

Поразительным образом – но об этом в скобках, кратко, мимоходом – совершенно неожиданно эти идеи Кавелина оказались близкими, родственными идеям другого русского гения – Константина Леонтьева. Внешне это полностью чуждые друг другу люди. Трудно представить себе мыслителей более несхожих. Общее у них только имя... И тем не менее оба (эти «полюса») – в конечном счете – думали об одном. Лидер русского либерализма и лидер русской (жесткой, «без страха и упрека») реакции думали об одном и, определим это герценовским словом, «**одинако**». Это одно: как самодержавный тип власти сохранить и соединить с общинно-социалистическим народом, вообще с социализмом (да и убрать с дороги то, что мешает этому). Безусловно, у каждого были свои побудительные мотивы, резоны, целеполагания, характеры и темпераменты. Для нас же – сейчас – важно то общее, что их связывало, поверх, казалось бы, непреодолимых барьеров, и то, что важно для формирования русской науки о политике.

За полтора года до смерти (умер осенью 1891 г.) бедный, больной, несчастный, ослепительный и великий Константин Леонтьев, не очень-то и веря, но с последней (а на что еще? – могу подтвердить я более чем через сто лет) надеждой, напишет: «Иногда я думаю (не говорю, мечтаю, потому что мне, вкусам моим, это *чуждо*, а *невольно* думаю, объективно и беспристрастно предчувствую), что какой-нибудь русский царь – быть может и недалекого будущего, – станет во главе социалистического движения (как св. Константин стал во главе религиозного...) и *организует* его так, как Константин способствовал организации христианства, вступивши первый на путь Вселенских Соборов».

А еще раньше в по-ницшевски гениальном «Среднем европейце» (чего только стоит (полное название – «Средний европеец, как идеал и орудие всемирного разрушения»)!) он желал России «заразиться... несокрушимой в духе своем китайской государственностью и могучим мистическим настроением Индии». Затем соединить их в нечто цельное и «подчинить им европейский социализм». И все, честно говоря, исполнилось. Не беда, что вместо православного царя явился Председатель Совнаркома («Председатель Совнаркома, Наркомпросса, Мининдела»!). Не беда, что в «Третьем Риме» прошли не Вселенские соборы, а конгрессы Коминтерна. И европейский социализм мы подчинили себе. И китайским несокрушимым духом заразились: «Сталин и Мао слушают нас», «Русский, китаец – братья навек», «Эта местность мне знакома, как окраина Китая». И могучее мистическое настроение Индии не минуло нас. Иностраный отдел ОГПУ через художника и мыслителя Рериха, через эмиссаров Коминтерна соединил советский социализм с этим

древним духовным источником. *По сути* исполнилось все. Все, о чем мечтал Константин Леонтьев.

Впрочем, как и Константин Кавелин. Безусловно, властный строй СССР можно квалифицировать как «самодержавную республику». Безусловно, система советов («союзы общин уездные, губернские или областные со своими выборными представительствами» – внизу и «общий земский собор», пленум ЦК плюс Верховный Совет – во главе) была народна, а сам советский народ – самодержавен. То есть без всяких там «римских принципов» социалистичен. Вот только власть генсека не была наследственной. Этот-то «пустячок» и пустил под откос «наш паровоз», который «летит вперед» (конечно, не одно лишь это...).

Но никогда еще в русской истории власть не была столь народной, а народ – столь властен. Над формулой такого всеединства, такой близости (а ведь как развел их Петр I) бились лучшие умы XIX столетия. Ленин и большевики оказались возможными именно в этой атмосфере. И ленинский марксизм в этом не противоречит кавелинско-леонтьевской формуле (на самом-то деле соавторов была тьма-тьмушая, многие поработали...). Он и укладывается в нее, и модернизирует, и адаптирует, и развивает.

* * *

Очень важный шаг в развитии русской государственной идеи был сделан критическими, свободомыслящими марксистами-ревизионистами. После первой революции они составят ядро сборника «Вехи» и прославят себя в качестве виднейших мыслителей-идеалистов, после второй революции окажутся в эмиграции и мир узнает о существовании великой русской религиозной философии. Но в период 1890–1906 гг. эти молодые люди – П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.И. Изгоев, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский – были видными марксистами, участвовали в социал-демократическом движении. Правда, их марксизм был крайне своеобразным; такими же стали и интеллектуальные плоды **этого** марксизма: скажем прямо, ошеломительно неожиданными и имеющими самые серьезные последствия.

Итак, что же за новый государственный проект был выдвинут в начале века «странными» отечественными марксистами? Обратимся к мнению А.С. Изгоева, проницательного политического мыслителя и либерального общественного деятеля. «Русский марксизм (т.е. ревизионизм. – Ю.П.), – пишет он, – был несомненно *отцом русского демократического конституционализма* (курсив мой. – Ю.П.). Внешним образом это выразилось в том, что значительная часть марксистов отдала свои силы теоретической и практической пропаганде конституционных идей в России. Внутренне это сказало-сь тем, что *только марксизму удалось теоретически обосновать необходимость для России конституционного строя* (курсив мой. – Ю.П.), и это обоснование было так блестяще, так оправдывалось событиями жизни, что очень скоро от старых народнических анти-конституционных иллюзий не осталось и следа. Эти иллюзии потом возродились – такова ирония судьбы – в лагере «твердо-каменных» социал-демократов из интеллигенции. Марксисты доказали, что конституции требуется ход экономического развития, что *переход к правовому строю от феодально-самодержавного обуславливается переходом от натурального, преимущественно земледельческого, быта*

к современному меновому индустриальному денежному хозяйству (курсив мой. – Ю.П.). Жизнь блестяще оправдала их теорию»⁴¹.

Но одно дело – теоретическое обоснование – пусть и блестящее – необходимости перехода к конституционному строю, демократическому правовому государству, а другое – практическое осуществление этих идей. Где тот исторический субъект, который сможет взяться и решить эту задачу? Поэтому-то «неортодоксальные марксисты не делали себе кумира из пролетариата, а добросовестно искали те социальные силы, которые способны были... перевести Россию в разряд правовых государств»⁴²... В этих поисках неортодоксальные марксисты и пришли к интеллигенции»⁴³. Дворянство было отвергнуто как разрушающийся и реакционный класс, буржуазия как еще слабое, малоразвитое и малокультурное сословие, к тому же никогда и нигде непосредственно, прямо не управляющее государством. И получалось, что «силой для конституционной реформы», «опорой конституционного строя» могут быть «только интеллигенция, лица свободных профессий, педагоги, так называемый «третий элемент», земский и городской, всякого рода технические работники, близко стоящие к населению...»⁴⁴

Таким образом, необходимый исторический субъект был найден. Однако интеллигенция, по убеждению Изгоева, была тоже не совсем готова к великой роли – 1905 год убедительно показал это. Следовательно, интеллигенции предстояло «переродиться и возродиться». «Из антигосударственной, антипатриотической – интеллигенция должна стать творческой, созидательно-государственной, по своим идеям, силой, не теряя в то же время своего духа, не сквернясь холопством, в котором морально и умственно погибло наше нынешнее служебное сословие. Из антирелигиозной, фантастически атеистичной – интеллигенция должна превратиться в группу людей действительно культурных. Она должна научиться ценить силу и значение для жизни подлинных религиозных идей, разделяемых сотнями миллионов, но в то же время не унижаться до лицемерного ханжества, убивающего человеческий дух. Из духовно-высокомерной и нетерпимой она должна сделаться истинно гуманной, отвергающей всякий террор, как физический, так и моральный. Из замкнутой в себе узкой группы теоретиков-фантазеров интеллигенция должна превратиться в широкое, открытое национальное общество умственно развитых людей, смотрящих на жизнь открытыми глазами...»⁴⁵

Понятно, что эта программа-максимум для интеллигенции звучала как-то нереалистично, уж слишком многое в себе должна была она изменить. Но Изгоев знал, о чем говорил и «что ныне лежит на весах». «Скажут, что поставленная задача не разрешима, что она утопична. На это могу дать только один ответ: разрешение его необходимо. Если не удастся создать в России государственную интеллигенцию сознательными усилиями, она в ней народится как результат целого ряда катастроф, если только за это время не погибнет и не расчленится само государство. Пока мы живы, наша задача предупреждать эти катастрофы и готовить людей, способных к творческой работе»⁴⁶.

В сущности, на эту тему шесть бывших ревизионистов и «примкнувший к ним» М.О. Гершензон и написали «Вехи». А тот скандал, который разразился вокруг «отважной семерки» («клевета», «пасквиль», «рenegатство»; да ленинская злоба, да милюковская тупость), лишь свидетельствовал об оправданности их опасений. Не понял «третий элемент», либерал-социал-де-

мократ, что «резкость и сконцентрированность... нападков на интеллигенцию тем и вызвана, что они (авторы «Вех». – Ю.П.) слишком ясно видят огромную роль, предстоящую русской интеллигенции, и сознают, как много надо сделать, чтобы она стала достойна это роли...»⁴⁷

Но в чем все-таки принципиальная новизна государственной идеи, разработанной ревизионистами? И почему ревизионизм готовил русскую интеллигенцию к восприятию государственной идеи?

Выше уже говорилось о природе той государственности, которая возникла у нас в результате преобразований Петра I. Так вот к концу XIX столетия творческая потенция *этого* властного организма начинает затухать. Нарушается и равновесие между ее «консервативной» и «прогрессивной» компонентами. Этот организм постепенно перестает соответствовать тому типу социальности, который формируется в России в ходе «великих реформ». Ослабевают и витальность основной привластной силы – либерально-консервативной просвещенной бюрократии, пережившей свой звездный час в эпоху Александра II. На повестке дня встает вопрос о необходимости выработки новой властной формулы, новой властной идеи для России. Необходимыми условиями для решения этой задачи были трезвый анализ природы петровского самодержавия, отказ от утопических проектов его «подмораживания» или полной замены чем-то совершенно иным, из него как бы не вырастающим, нахождение той социальной силы, того исторического субъекта, который мог взяться за реализацию этой новой идеи.

Эта проблема и была решена группой молодых ревизионистов в период 1890–1905 гг. России была предложена *государственная* формула – демократическое, конституционное, правовое *государство*. Эта формула соответствовала тому типу социальной, экономической, политико-правовой, социо-психологической эволюции, которую переживала страна в конце прошлого – начале нынешнего столетий. Был найден и исторический преемник просвещенной бюрократии – интеллигенция. Но интеллигенции еще предстояло возвыситься до уровня стоявших перед ней грандиозных задач. Ей предстоял труд внутреннего «перерождения» и тяжелейшая работа по организации всех творческих сил русского общества – нарождающейся в городе буржуазии, поднимающегося в деревне самостоятельного хозяина, «остатков» (впрочем, не таких уж и малых) просвещенной бюрократии. Позднее к этим силам мог присоединиться и рабочий класс, окультуренный и ведомый динамичной и конструктивной социал-демократией. Так складывался исторический блок, которому было вполне по плечу строительство в России общества «совершеннолетних».

И еще об одном очень важном элементе русской государственной идеи. Предложенная формула имела не только демократическое, конституционное и правовое измерения, но и – *социальное*. Эта тематика была блестяще разработана Б.А. Кистяковским. Он полагал, что правовое государство со временем станет «социалистическим правовым государством». По его мнению, «правовой строй нельзя противопоставлять социалистическому строю. Напротив, более углубленное понимание обоих приводит к выводу, что они тесно друг с другом связаны, и социалистический строй есть только более последовательно проведенный правовой строй. С другой стороны, осуществление социалистического строя возможно только тогда, когда все его учреждения получают вполне правовую формулировку». Термин «социалисти-

ческое правовое государство» не должен отпугивать современного читателя. Это понятие принадлежит своей эпохе. На языке сегодняшнего дня оно звучит так – «социальное правовое государство». Его мы можем обнаружить, например, в Конституции ФРГ. А смысл заключается в том, что демократические принципы распространяются не только на политико-правовую сферу жизнедеятельности общества, но и на социально-экономическую. Подразумевается необходимость дополнения демократии политической демократией социальной и экономической. Право же выступает основным инструментом реализации демократических принципов.

Следует сказать, что впервые эти идеи появляются (почти одновременно) у классика немецкого либерализма Фр. Наумана, с чьим именем связано зарождение социального либерализма, у теоретиков германской социал-демократии начала XX в. в учении об этическом социализме⁴⁸ и у русских ревизионистов. Кистяковский же обосновывал необходимость соединения принципов социализма и правового государства также и с точки зрения хозяйственной эффективности. Для капитализма его времени были характерны кризисы и анархия производства. Покончить с ними, считал он, можно лишь с помощью социалистических механизмов, которые упорядочат процесс производства и сделают более справедливым механизм распределения материальных благ.

Но, повторяю, не надо «пугаться» слова «социализм». У ревизионистов он означает наиболее справедливый и высший тип социальной политики (кстати, сам Кистяковский впоследствии отказался от термина «социалистический строй» в пользу термина «социально-справедливый строй»).

Так русская политическая мысль в виде марксистского ревизионизма сделала принципиально новый выбор. Говоря языком Канта, – выбор в пользу *автономии*, автономистского типа сознания, выбор в пользу правового государства. И хотя идея Rechtsstaat не была внове русскому сознанию (Сперанский, Муравьев, Чичерин, Соловьев и др.), именно в рамках ревизионистского марксизма она получила *практическое* обоснование. То есть доказательство возможности построения у нас, на Руси, *такого* типа власти. Великая заслуга этих мыслителей состоит в том, что им удалось – в высшей степени убедительно – связать *желательность* правового государства с потребностями и логикой социально-экономического развития России.

* * *

Как известно, события 1905 г. привели к существенному изменению государственного строя России. И вместе с тем они стимулировали разработку новых подходов к теме «государство». Так, к примеру, в марте 1908 г. П.Б. Струве напишет: «...Русская революция научила меня живо ощущать и понимать что такое **государство**»⁴⁹. Действительно, сразу же после ее затухания он приступает к написанию «Книги размышлений о государстве и революции». И хотя она оказалась незавершенной, из этих набросков вырастает замысел «Вех». Некоторые фрагменты автор публикует самостоятельно, в виде отдельных статей. Их появление встречено обществом бурей непонимания, несогласия, негодования. Особый шум вызывают две работы – «Великая Россия» и «Отрывки о государстве».

Сначала (в январе 1908 г.) появляется «Великая Россия». В ней Петр Бернгардович формулирует несколько *принципиальных* и *неожиданных* (для рус-

ского общества) положений. Первое. «Можно как угодно разлагать государство на атомы и собирать его из атомов, можно объявить его «отношением» или системой «отношений». Это не уничтожает того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которой есть свой верховный закон бытия»⁵⁰. Второе. Этот закон гласит следующее: «Всякое здоровое и сильное, т.е. не только юридически «самодержавное» или «суверенное», но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным значит обладать непременно «внешней» мощью»⁵¹. Третье. Не внешняя политика является продолжением и следствием внутренней, а наоборот. Внутренняя политика должна исходить и «подчиняться» императивам внешней. «Оселком и мерилom всей т.н. «внутренней» политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует т.н. внешнему могуществу государства?»⁵². Четвертое. «...Государство есть «организм», который во имя **культуры** подчиняет народную **жизнь** началу **дисциплины**... Дисциплина, в свою очередь, есть основное условие государственной мощи»⁵³. Пятое. «Дух государственной дисциплины был чужд русской революции»⁵⁴. Но и русской реакции тоже. Шестое. «Как носители власти до сих пор смешивают у нас себя с государством – так большинство тех, кто боролся и борется с ними, смешивали и смешивают государство с носителями власти»⁵⁵. Иными словами, в России и реакционеры, и революционеры путают «государство» с конкретными физическими лицами, в *данный* момент отправляющими властные функции.

Заключает этот теоретический этюд следующий пассаж: «Государство должно быть революционно, когда и поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть революционно, когда и поскольку это подрывает его могущество. Это «закон», который властвует одинаково и над династиями и над демократиями. Он низвергает монархов и правительства; и он же убивает революции. Понять это, значит понять государство в его истинном существе, заглянув ему в лицо, которое, как лик Петра Великого... «прекрасно» и «ужасно»»⁵⁶.

Через несколько месяцев (в мае 1908 г.) публикуются «Отрывки о государстве», в которых Струве развивает тему: «Государство есть существо мистическое», – заявляет бывший социал-демократ и (de facto) бывший кадет⁵⁷. Мистичность же государства «обнаруживается в том, что индивид иногда только с покорностью, иногда же с радостью и даже с восторгом приносит себя в жертву могуществу этого отвлеченного существа. Ницше говорил о холоде государства. Наоборот, следует удивляться тому, как это далекое существо способно испускать из себя такое множество горячих, притягивающих лучей и так ими согревать и наполнять человеческую жизнь. В этом именно и состоит мистичность государства, что, далекое индивиду, оно заставляет жить в себе и собою. Говоря это, я имею в виду не те технические приспособления государства, как упорядоченного общежития, которые служат индивиду, а сверхиндивидуальную и сверхразумную сущность государства, которой индивид служит, ради и во имя которой он умирает. Мистичность заключается именно в этой полнейшей реальности сверхразумного»⁵⁸.

Струве утверждает, что сверхразумная природа государства выражается и выражает себя в его стремлении к могуществу, «мощи во вне». С этим стремлением связано «империалистическое» измерение государства, госу-

дарственный империализм – «забота о внешней мощи государства». Но оно обладает и другим измерением – «либеральным» («забота о справедливости во внутренних отношениях»). Таким образом, империализм и либерализм суть конститутивные элементы государственности вообще.

В «Отрывках о государстве» делается также важное наблюдение по поводу природы власти: «Жизнь государства состоит, между прочим, во властвовании одних над другими. Давно замечено, что власть и властвование устанавливают между людьми такую связь, которая нерациональна и сверхразумна, что власть есть своего рода очарование или гипноз»⁵⁹.

Таким образом, по Струве, мистическим (сверхразумным, нерациональным) характером обладает не только государственное, но и властное. Однако и более того – все то, что связано с государством и властью, а именно: нация, культура, язык. Или, иначе говоря, мистичен весь этот круг явлений: государство – власть – культура – нация – язык. В подтверждение этой своей мысли Струве с сочувствием цитирует Вильгельма Гумбольдта: «Мне всегда казалось, что тот способ, каким в языке буквы соединяются в слоги и слоги в слова, и каким эти слова в речи спрягаются между собою, сообразно своей длине и своему тону, что этот способ определяет или указывает умственные и в значительной мере моральные и политические судьбы нации». Для самого же Петра Бернгардовича мистичность государства лучше всего подтверждается историей Североамериканских штатов. «Идеи... могут создать государственность... Так, идея свободы, перенесенная пуританами в леса Северной Америки, создала там новую государственность»⁶⁰.

Надо сказать, что в этих статьях 1908 г., написанных еще по горячим следам первой революции, представлен (разумеется, *in puse*) тот подход к государству (к «государству» вообще, а не только русскому государству), который в окончательном виде будет сформирован на Западе в межвоенный (20–30-е годы XX в.) период. Таким образом, Струве в очередной (но не в последний!) раз оправдывает свою репутацию первопроходца. Что же касается русской мысли вообще, в целом, то этот интеллектуальный прорыв подтверждает мой тезис: в эти годы она становится *современной* (*modern*). Как, кстати, современной становилась и Россия...

Что же касается нового подхода к государству в межвоенный период, то прежде всего он связан с именем Карла Шмитта. «Бывают странные сближения». И это, наверное, тоже может вызвать некоторое удивление. Хотя, думаю, лишь в первый момент. Если вчитаться в тексты обоих авторов, очень быстро убеждаешься в сродстве их мысли. Но не по каким-то конкретным, практическим вопросам, а по существу. А существо это таково.

Современная западная мысль, тип сознания и наука (способ рационального понимания мира и человека) родились во многом как результат спора схоластов, спора двух школ – номиналистов и реалистов. Возобладала номиналистическая линия. Затем явились Декарт, Паскаль, Ньютон, Гоббс, другие; началось «расколдовывание» действительности. Пришло Просвещение с призывом к *Homo sapiens* выходить из состояния несовершеннолетия и т.д. Что касается русской культуры и русской мысли, то их участие в этом интеллектуальном процессе в целом оказалось скромным. Более того, есть ощущение, что русский человек как будто и не знает о сути этого спора. То есть мы как бы люди «до спора номиналистов и реалистов». И еще более того, «наше все», наши гордость и совесть, к примеру, последний герой и

титан отечественной мысли А.Ф. Лосев прямо заявлял: русская философия до и вне всех этих западных интеллектуальных революций. Она – до-логическая, до-рациональная – до-, до-, до-. В «Диалектике мифа», тем не менее, А.Ф. Лосев говорит о необходимости проведения «чистки понятий» (кстати, в это же время разворачиваются партийные чистки). Это, безусловно, свидетельство того, что зловерные номиналисты проникли и в нашу обитель.

Но это – с одной стороны. С другой – в XX столетии в сфере естественных наук произошла революция. Эйнштейн, квантовая физика, Гейзенберг и т.д. – все это символы этой революции (читателю-гуманитарию содержание ее объяснили в книге «Порядок из хаоса» Илья Пригожин и Изабелла Стенгерс). Науки же социальные и науки о человеке по-настоящему в революционную фазу вошли намного позже, скажем, во второй половине века. Хотя, конечно, и Мартин Хайдеггер, и Карл Шмитт, и другие вовсю развивались в этом фарватере уже в 20-е годы, да и раньше.

Развивались куда? Революция в чем? Отвечая очень общо: поиск нового соотношения между номинализмом и реализмом. При сохранении номиналистического подхода определенная реабилитация реалистического. Или – релятивизация номинализма посредством «реализации». В науках политической и государственведческой во главе авангарда шел Карл Шмитт.

В России же складывалась ситуация не просто неудачная, но, так сказать, дважды неудачная: «проспали» эпоху номинализма и, понятно, оказались вне игры в ходе новой революции сознания – однако не все. Петр Струве и его соратники по ревизионистскому марксизму оказались людьми вполне современными и открытыми этим *качественным* переменам.

Внешне воззрения Струве на государство представляют собой какую-то странную смесь социал-демократических, социал-реформистских и вполне позитивистских идей с «мистицизмом», апологией силы и т.п. Он одновременно либерал, социалист, консерватор, империалист, мистик и т.д. и т.п. Как же это понять? С помощью этих, таких, подобных определений понять невозможно. А вот в *ином, новом* контексте – вполне.

Струве утверждает первичность внешней политики по отношению ко внутренней. И казалось бы, ставит привычное нам понимание с ног на голову. Но для современного исследователя, прошедшего школу «мир-системного» анализа (И. Валлерстайн), это не кажется чем-то экстравагантным. Ибо, конечно, внутренняя политика всякого государства обусловлена жизнедеятельностью феномена «мир-система» (мир как система, мировая система). Просто Петр Бернгардович еще не имел адекватного научного языка и потому был вынужден новое выражать в старых терминах.

Или идея Струве о том, что государство покоится на двух китах, – «либерализме» и «империализме». В конце 20-х годов XX в. К. Шмитт в «Учении о конституции» убедительно покажет и докажет, что государство обладает двумя измерениями: либерально-правовым и властно-политическим. По сути он воспроизведет идею Струве (в целом, в общем, с некоторыми иными коннотациями).

Теперь о «мистике» государства и власти. В современной физике фундаментальным является понятие «энергия», в политической науке – понятие «власть». Причем сами политологи говорят об энергичности власти, об определенной схожести природ энергии и власти. Точно так же наука XX столетия подтверждает связь между строем языка того или иного наро-

да и властно-политической организацией этого народа. Приведенная выше мысль В. Гумбольдта, столь понравившаяся Струве, была подхвачена и научно доказана в наши дни. Речь идет об известной гипотезе Сепира-Уорфа (гипотеза лингвистической относительности). Смысл ее заключается в том, что структура социальной и политической жизни человеческого коллектива определяется типом языка. Им диктуется нормативное мышление и поведение (в том числе и государственно-политическое).

В *таком* контексте нет ничего странного, когда Струве говорит о мистике государства и власти. Нам лишь следует поместить его «мистику» в поле той науки, которая занята проблемами бессознательного, подсознания, обратимости и необратимости времени, порядка из хаоса, энтропии и т.д. Это мистика той же пробы, что звучит в словах К. Шмитта: «Сегодня каждый физик знает (раньше это было ясно лишь теоретикам познания высокого уровня), что наблюдаемый объект меняется в процессе наблюдения над ним»⁶¹. Мистика Струве сродни мистике К.Г. Юнга и квантовой физики. Скажем, известному уравнению Шредингера, которое «описывает не какой-то особый уровень реальности. В его основе лежит скорее предположение о существовании макроскопического мира, которому принадлежим мы сами»⁶². Мистическое государство-существо, государство-личность тоже своего рода феномен «макроскопического мира».

Квантовая механика покончила с «замкнутыми» физическими теориями позитивистского XIX в. Но и идеи Струве о мистике государства и власти, о первичности внешней политики, безусловно, ломают «замкнутые» концепции социального и политического, порожденные тем столетием.

С пониманием государства как особого «существа», особой «личности» связана и мысль Струве о том, что носители государственной власти не могут быть смешиваемы с самим государством. Это – нормальное номиналистическое положение, не вполне усвоенное русской культурой. Но для *modern political science* эта идея играет ключевую роль.

Следовательно, воззрения Струве на государство не только не «странны», но и совершенно современны. При этом, повторим, они обгоняли его эпоху, выдвигали русскую государствоведческую мысль на самые передовые позиции.

Но главное все-таки в другом. Для Петра Бернгардовича «государство» есть антитеза «революции». В *известном* смысле «Государство и революция» Струве (не важно, что он так и не закончил книгу с таким названием, – по существу большинство его работ об этом) подобна «Войне и миру» Толстого. «Война» для Льва Николаевича – это отрицание «мира» и «мира». В то же время она связана с ними неразрывно (по негативу).

У Струве социальное состояние «государство» прямо противоположно социальному состоянию «революция». Напомню: «Государство есть «организм», который во имя культуры подчиняет народную жизнь началу дисциплины». И еще: «Дух государственной дисциплины был чужд русской революции». Иными словами, государство является не просто состоянием, прямо противоположным революции, но и путем, средством, способом ее обуздания и подчинения культуре и дисциплине. По-своему Струве здесь близок Гоббсу и всей великой европейской традиции, идущей от него. И – полярен Ленину, у которого государство (коммунистическое) – воплощение революции, способ осуществления революции, результат революции и т.п.

При этом ленинское государство предполагает – в ходе своей самореализации – отмирание и западного nation-state, и русского государства.

В эмиграции Струве продолжил свои исследования «государства» – и специфически русского, и специфически европейского. Он пишет работу «Никита Муравьев и Павел Пестель. «Российская» (имперская) и «русская» (национал-центристская) идеи в политических проектах декабристов» (Муравьев – теоретик «российской», Пестель – «русской»). Он подчеркивает: «В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собой связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различие между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было *в одно и то же время и образованием национального государства, и созданием Империи* (курсив мой. – Ю.П.)»⁶³.

Итак, Струве фиксирует фундаментальное различие между двумя типами власти: «национально-сплоченное, национально-целостное государство» и Империя, под властными крыльями которой объединяются «разнородные в национально-этническом смысле территории». В России оба этих, противоположных, властных типа складывались одновременно, параллельно. «При Петре, – продолжает мыслитель, – национальная консолидация вчерне... почти закончилась и начался процесс построения Империи. Имперский характер образования русского государства даже в московский период имел свое яркое словесное выражение в том, что слово “государство” прилагалось не только ко всему государственному целому, но и к отдельным его частям (например, к Новгороду Великому, к Казани) и после их окончательной инкорпорации в московское государство»⁶⁴. И поясняет: «Самый яркий и законченный тип образования единого национального государства представляет в истории великих европейских народов создание французского государства. К этому типу приближается процесс образования московского государства, поскольку оно, это образование, держалось в пределах территорий, освоенных великорусским племенем, и состояло в присоединении к Москве двинских областей, Новгорода, Вятки, Пскова, Твери, Рязани. Тут чисто русские государства, и притом государства великорусские, объединились в некое единое политическое целое, с единым национальным составом. Тут не было еще Империи. На имперский путь Москва встала, когда она стала присоединять татарские государства»⁶⁵. А также («несмотря на племенное родство») Малороссию, существенную часть Польши, Грузию, Финляндию, Бессарабию и т.д.

Далее Струве говорит о специфике Российской империи: «Различие между целостно-национальным государством и многоплеменной и многокультурной империей во всяком случае имеется налицо, при наличии известных реальных бытовых условий, какие бы юридические формы ни принимало государственное устройство данного государства. Империя *может быть*, но отнюдь не всегда является, федерацией в точном государственно-правовом смысле. По определению Н.М. Коркунова, “федерация есть соединение нескольких государств для совместного осуществления союзною властью

общих им задач государственной жизни”. Историческая Россия никогда не была федерацией в этом смысле, даже если считать, что в разные исторические моменты Малороссия, Финляндия, Царство Польское с коренным ядром государства вступали в отношения или находились в отношениях какой-то “унии”.

Империя в том смысле, в каком я говорю сейчас о России, с момента присоединения Казанского царства и кончая установлением русского верховенства над Хивой и Бухарой в 1873 г., есть *понятие историко-социологическое*. Трудно и сейчас определить юридическую природу Британской империи, но не может подлежать сомнению, что Великобритания уже давно с историко-социологической точки зрения представляла империю. Такой же империей уже со второй половины XVI в. являлось и Российское государство.

Рядом с процессом сложения огромной, многоплеменной и многокультурной Российской империи происходил и процесс скрепления и сплочения этой империи цементом преобладающей национальности, русской, давно уже переросшей племенные рамки, великорусского племени»⁶⁶.

Скажем сразу: в этих рассуждениях Струве много архаичного. Нынешняя наука довольно далеко ушла от подобного понимания темы государства (правда, не наша наука, а западная...). Тем не менее попробуем увидеть, обнаружить в этой позиции, в этом способе осмысления то, что не только не устарело, но и является принципиально важным для дня сегодняшнего.

Струве связывает «государство» с «национальным». И это правильный ход. Ведь в *political science* термины «state» и «nation-state» практически синонимы. Правда, у Петра Бернгардовича основная и даже преимущественная коннотация «nation» – этнически-территориальная, у современных исследователей она – второстепенная, хотя и важная. У них «nation» в первую очередь – «общество», «гражданское общество», этнос, организованный в *civil society*, «полисубъектный социум». В принципе, если судить и по этой работе, и по всему творчеству в целом, Струве шел к такому пониманию и в значительной степени достиг его. Но не до конца. Весь вопрос в том, почему не до конца. Не сумел, не смог или... Или что-то «субстанциальное» не пустило, остановило?

Уверен: именно «субстанциальное». Он, подобно ряду других русских мыслителей и ученых, далеко не случайно не усвоил себе на все сто процентов *modern-науку*. Струве был современником Леона Дюги, сформулировавшего концепцию *nation-state*. Вне всякого сомнения, имя и идеи этого великого французского государствоведа и конституционалиста были ему известны; наверняка, Петр Бернгардович читал его работы. Как, впрочем, многих иных западных классиков XX столетия.

Имя этому «субстанциальному» – Россия. «Русский материал» сопротивляется (сопромат) *modern-науке*. Русский гений всегда немного (больше – меньше) несовременен, архаичен, провинциален. (С западной точки зрения, с точки зрения *Modernity*.) И в этом залог, *непременное условие* адекватности русской психеи, русской энтелехии. Нет, нет, это не очередная попытка «пославянофильствовать», не очередной опыт «самобытничества». Это лишь – констатация...

Конечно же, Струве не мог встать на позицию Леона Дюги. В России XVI–XVII столетий он обнаружил два по содержанию и смыслу противоположных друг другу процесса властеобразования. *Nation-state* возник в Европе

в XVI–XVII–XVIII вв. Как результат, следствие, продукт разложения феодализма (в том числе и Священной Римской империи германских народов) и Великой капиталистической революции. Затем в XIX столетии некоторые «национальные государства» становятся колониальными империями. При этом они не только не перестают быть «nation-state», но и совершенствуются в этом. После отпадения колоний эти страны по-прежнему сохраняются как «национальные государства».

У нас в те же самые исторические эпохи каждый шаг власти в сторону «национально-целостного государства» был одновременно движением по направлению к империи, имперскому устройству. Струве говорит о двух процессах, «тесно между собой связанных и в то же время в известной мере и известном смысле расходящихся». На самом деле это был один процесс. Но чтобы понять генезис Русской Власти как один процесс, необходимо пользоваться совершенно определенной методологией исторического познания. Петр Бернгардович ее не имел и иметь не мог. Не приспели еще тогда сроки. Его величайшая заслуга состоит в том, что он указал на *принципиальное* отличие формирования Русской Власти от «nation-state».

* * *

Что же сказать в заключение этого краткого очерка идей русских мыслителей XIX – первой трети XX столетия... Вслед за дебютной стадией пришли не менее великолепные миттельшпиль и эндшпиль, которые еще не изучены и не поняты нами. Кто, к примеру, знает конституционный проект Михаила Сперанского, для кого актуальны и животворны идеи Николая Карамзина, Павла Пестеля, Никиты Муравьева, Сергея Уварова, Петра Чаадаева, Юрия Самарина? Кто держит в уме концепцию «самодержавной республики» Константина Кавелина или теорию эволюции русской общины Александра Изгоева? Кто анализировал новаторские воззрения на государство Петра Струве (и вообще русских легальных марксистов-ревизионистов) или попытку сформулировать русскую доктрину права (помните завет Карамзина), предпринятую в эмиграции Николаем Алексеевым? Да и всю его политико-правовую доктрину, да и все его воззрения на русскую политику в прошлом и настоящем? Кто усвоил основы «МЫ-миросозерцания» Семена Франка и модель перехода России от коммунизма к иному состоянию, предложенную Иваном Ильиным?..

Русская мысль лежит перед нами большой непрочитанной книгой. Ее страницы испещрены знаками, которые начертаны «кровью былей» (Пастернак, «Высокая болезнь»), кровью мировой культуры и кровью русской истории. Мы, начисто проигравшие XX век, нуждаемся в этом витальном кровотоке. Это не просто одна из последних надежд, это обретение того прошлого-настоящего, которое путем наших усилий сможет стать основой нашего настоящего-будущего.

Советская посткоммунистическая Россия

Весной 2011 г. Совет по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ выступил с инициативой проведения в стране десталинизации и десоветизации. Предложенные меры и комментарии к ним авторов проекта были крайне осторожными, ограниченными и рассчитанными

ми на неопределенно длительный срок. Однако в обществе, в его подавляющей части, от крайних неосталинистов до людей, называющих себя социал-демократами и вроде бы не совсем чуждых либеральным идеям, поднялась волна благородной ярости и священной ненависти к кучке немолодых окловластных интеллигентов, верноподданно выступающих за медведевскую модернизацию. Некоторые медийно-публичные персонажи зашлись в такой истерике, как будто весьма робкие призывы к весьма ограниченному демон-тажу сталинистской системы на самом деле означали бы проведение опера-ции по концу света. И это через двадцать лет после антикоммунистической и антисоветской революции, активное участие в которой принимали в том числе и трибуны, идеологи, ныне грудью вставшие на защиту Советской Родины от зловещих танковых колонн М. Федотова и С. Караганова...

А теперь представим себе Москву 1937 года. Двадцать лет спустя по-сле свержения самодержавия и большевистской революции. Политбюро ЦК ВКП(б) учреждает Комиссию при Центральном Комитете, Верховном Совете СССР и Совнаркоме по преодолению последствий трехсотлетнего режима Романовых и помещичье-буржуазного произвола. Комиссия, в свою очередь, выдвигает следующие инициативы: создать в ЦК рабочую груп-пу по «десамодержавизации». В первую очередь работа должна коснуться исторической памяти. Предлагается пересмотреть различные памятные даты и праздновать День чекиста 20 декабря, поскольку именно в этот день в 1917 г. была создана ВЧК. Соответственно отказаться от празднования даты 7 июня (в этот день Петр I учредил в России полицию). Далее, на-чать работу по рассекречиванию архивов дома Романовых, создать сносные условия жизни жертвам преступлений царского режима, построить в СССР (Москва, Ленинград) два мемориальных комплекса жертвам репрессий со стороны старого порядка. Кроме того, запретить руководящим партийным и советским работникам восхваления династии Романовых и самодержавно-крепостнического строя.

При этом руководство Комиссии (тов. Н.И. Бухарин и К.Б. Радек) под-черкивает, что ни в коем случае речь не может идти о закрытии хотя бы од-ного храма и разрушении многочисленных памятников (в СССР) Николаю I, Александру II, Александру III, Николаю II и другим российским историче-ским деятелям.

Однако эти предложения Комиссии были встречены шквалом негодо-вания, который прошел по бескрайней советской земле и за ее пределами. Возмущение трудящихся СССР и всего мира было беспрецедентным. От-поведь этим «врагам России» дали тов. Ежов, Ворошилов, Вышинский, Бе-рия. Они заявили, что как бы ни старались наймиты англо-французского, германского, итальянского, японского, польского, латвийского, румынского и аргентинского империализма, они не позволят вытравить из памяти со-ветского народа победу в Отечественной войне 1812 года, подвиг русской армии в Освободительной балканской компании 1877–1878 годов, создание Периодической таблицы Д.И. Менделеева, изобретение А.С. Поповым ра-дио и бессмертные опыты И. Павлова над собаками, героическую индустри-ализацию С.Ю. Витте, «великие реформы» 60-х годов XIX в., деятельность П.А. Столыпина, русскую литературу и русские сезоны в Париже.

Надо отметить, что даже заклятый враг рабоче-крестьянского Советско-го Союза «иудушка Троцкий» из своей «зловонной мексиканской берлоги»

выразил возмущение инициативами Бухарина–Радека. А Общевоисковой российский союз в Париже (организация матерых белогвардейцев) заочно приговорила этот тандем к смертной казни...

Эту тридцать седьмого года историю я воображал себе утром 8 мая 2011 года в электричке «Москва – Гагарин» (кстати, один из самых пафосно-драматических доводов против десоветизации: у нас хотят отнять подвиг Юрия Гагарина. Мне почему-то подумалось: нет, Федотов и Караганов точно этого не хотят, а вот я бы был не против «разменять» космос на приличные электрички, на возможность безпроблемно попасть к хорошему стоматологу, учиться в классической гимназии, написать свои двенадцать книжек не на кухне, а в собственном кабинете, увидеть Париж в двенадцать лет...). Народу в вагон набилось немислимо. Мне повезло, я сидел у окна и от нечего делать вот такое придумывал... И вдруг неподалеку от меня начался стихийный митинг против десоветизации. Его «закоперщиками» стали мужик средних лет с пачкой газет «Правда», «Советская Россия», «Завтра» и т.п., проявлявший совершенно великолепную ловкость, пробираясь сквозь сверхплотную массу тел, и пожилая женщина, крашенная в ярко-медный тон, утконося и с двумя смешными бородавками на кончике носа и кончике подбородка. Они в унисон, как-то не перебивая, а дополняя друг друга, кричали, что мол завтра великий праздник, фашистов разбили, а есть некоторые, одетые с иголки, ботинки блестят, знамо где покупали, которые хотят лишить нас Победы. А это – наш советский праздник, мы здесь все люди советские, Сталин никого зря не сажал. А женщина еще в паузу добавила: мне мать говорила, что он ни одного хорошего человека не убил, ни одного. Что убивал и сажал, тут же дополнила она, время такое было. Везде, все убивали, все сажали. И вдруг, поразив меня в самое сердце (вот уж не ожидал услышать): а Робеспьер их сколько людей казнил. То-то! И весь вагон (почти весь, я наблюдал) зашумел, заголосил. Правильно говорят. Нападают на нас, последнего хотят лишить, мы советские люди... Минут через пятнадцать успокоилось, многие вышли в Голицино, Тучкове. Пришли контролеры, женщина-трибун была без билета, после долгих препирательств ее увели, затем деловито и дисциплинированно вагон покинула группа белобрысых ребят лет восемнадцати, одетая в черную униформу, с черными пилотками и черными рюкзаками, нарукавными шевронами напоминающими нацистскую свастику... Должен сказать, что подавляющее большинство людей в вагоне были одеты добротнo-современно, женщины с недавними стрижками, все с мобильными телефонами, большинство, судя по разговорам и повадкам, ехали на собственные дачи...

Василий Васильевич Розанов, непревзойденно в нашей культуре чувствовавший «русскую энтелехию», так приветствовал большевистскую революцию: «Ты победил, проклятый хохол». Идеи (образы) Гоголя живут и побеждают, слегка расшифруем мы. Да, это была победа, метафизически выражаясь, свинских рож, придуманных Николай Васильевичем. Прошло почти сто лет с момента этого розановского восклицания, и вот я, один из многочисленных поздних его учеников, твержу: «Ты победил, проклятый грузин». Ты слепил и вырастил советского человека. И он, плодясь, воспроизводит себе подобных. Это – твоя Россия. И в вагоне электрички «Москва – Гагарин», и во властных кабинетах, и в городских много- и немногoэтажках, и в офисах нефте-газового воря, везде и всюду.

- ¹ *Bunney P.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 3.
- ² *Schmitt C.* Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. В., 1991. S. 19.
- ³ *Ibid.* S. 19.
- ⁴ *Ibid.* S. 39.
- ⁵ «Желание власти, которое прекращается лишь со смертью» (англ.). – Известные слова Гоббса из «Левиафана».
- ⁶ *Schmitt C.* *Op. cit.* S. 6.
- ⁷ *Манн Т.* Собр. соч. в 10-ти т. М., 1961. Т. 10. С. 317.
- ⁸ *Duverger M.* *Echec au roi.* P., 1978. P. 10.
- ⁹ *Спекторский Е.* Что такое конституция. М., 1917. С. 15–16.
- ¹⁰ *Duverger M.* *Institutiones politiques et droit constitutionnel.* P., 1960. P. 21.
- ¹¹ *Burdeu G.* *L'Etat.* P., 1970. P. 15.
- ¹² *Ibid.* P. 10.
- ¹³ *Ibid.* P. 12.
- ¹⁴ *Harding A.* *The Origins of the Concept of the State // History of Political Thought.* Exeter, Spring. 1994. Vol. XV, N 1. P. 70.
- ¹⁵ *Schmitt C.* *Op. cit.* S. 185.
- ¹⁶ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 10–11.
- ¹⁷ *Алексеев Н.Н.* Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках. Женева, 1958. С. 14.
- ¹⁸ *Леонтович В.В.* История либерализма в России: 1762–1914. Париж, 1980. С. 539.
- ¹⁹ Там же. С. 301.
- ²⁰ «Собственность – кража» (фр.).
- ²¹ *Толстой Л.Н.* Собр. соч. в 22-х т. М., 1985. Т. 21. С. 259–260.
- ²² *Шахматов М.* Государство правды: (Опыт по истории государственных идеалов в России) // *Евразийский временник.* Берлин, 1925. Кн. 4. С. 270.
- ²³ Там же. С. 291–305.
- ²⁴ Об этом см., например: *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура пореформенной России. М., 1994. С. 109–137.
- ²⁵ Впервые А.И. Фурсов и я писали об этом в «Русской Системе».
- ²⁶ О выборе царей Земским собором (1598, 1613) русские люди уже забыли. Да и сама природа тех, земских, выборов была иная. Отчасти, кстати, схожая с выборами президента СССР на Съезде народных депутатов.
- ²⁷ Особое место в ряду правителей-отцов занимает Сталин. И не только потому, что исторически завершает их череду. Он вновь принимается за убийство детей. И своих, и вообще «детей».
- ²⁸ Отчасти, как «предвестие», ее можно обнаружить и у Аристотеля.
- ²⁹ Конечно, у него были предтечи: Ломоносов, Радищев, некоторые другие исторические персонажи. В определенном смысле даже Петр I и Аввакум.
- ³⁰ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
- ³¹ Там же. С. 91.
- ³² То, что работа Сперанского явилась на свет двумя годами ранее произведения Карамзина, с исторической точки зрения большой роли не играет.
- ³³ *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 350.
- ³⁴ *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 439.
- ³⁵ Там же. С. 436.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 440.
- ³⁹ Там же. С. 439.
- ⁴⁰ См.: *Александров А.* Памяти К.Н. Леонтьева. Сергиев Посад, 1915. С. 195.
- ⁴¹ *Изгоев А.С.* Интеллигенция и «вехи» // *Русское общество и революция.* М., 1910. С. 4–5.
- ⁴² Там же. С. 7.
- ⁴³ Там же.

- ⁴⁴ Там же. С. 8.
- ⁴⁵ Там же. С. 10–11.
- ⁴⁶ Там же. С. 11.
- ⁴⁷ Там же. С. 9.
- ⁴⁸ *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. М., 1916. С. 92.
- ⁴⁹ *Струве П.Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911. С. 410.
- ⁵⁰ Там же. С. 74.
- ⁵¹ Там же. С. 74–75.
- ⁵² Там же. С. 75–76.
- ⁵³ Там же. С. 80.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 80–81.
- ⁵⁶ Там же. С. 95–96.
- ⁵⁷ Там же. С. 98.
- ⁵⁸ Там же. С. 98–99.
- ⁵⁹ Там же. С. 100.
- ⁶⁰ Цит. по: *Струве П.Б.* Указ. соч. С. 102–103.
- ⁶¹ *Schmitt С.* Op. cit. S. 56.
- ⁶² *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986. С. 204.
- ⁶³ *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 248.
- ⁶⁴ Там же. С. 249.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. С. 250.

ИМПЕРИЯ, ГОСУДАРСТВО И НАЦИЯ В РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

(по мотивам идей В.А. Тишкова)

Одно из распространенных объяснений революции 1917 года: Российская империя пала под ударами национально-освободительных движений угнетавшихся свободолюбивых народов, разделив тем самым неизбежную судьбу всех империалистических диктатур. Эта идея питается из нескольких источников. Прежде всего, из наследия В.И. Ленина, из его определения России как «тюрьмы народов» и его теоретической установки на право наций на самоопределение, восходящей корнями к австро-марксизму с его представлениями о нации как этнической общности. «При самодержавии в тяжких условиях находились все трудящиеся, но особенно невыносимым было положение трудящихся нерусских национальностей, или, как их тогда презрительно называли, “инородцев”, – читаем в классическом советском труде под редакцией И.В. Сталина. – Экономическая эксплуатация в отношении их усугублялась жесточайшим национальным угнетением. Даже те жалкие права, которыми пользовались трудящиеся русские, безгранично урезывались для угнетенных национальностей. Политическое бесправие, административный произвол и культурный гнет несло самодержавие порабощенным народностям.... Тучи прожорливых чиновников, как саранча, поедали последние крохи у трудящихся угнетенных национальностей»¹. И далее в том же духе. Эту позицию вполне разделяла российская либеральная мысль. Проклятьем страны она считала (словами известного историка, правоведа и масона Максима Ковалевского) «тот самый союз национализма с самодержавием, который считается величайшей преградой и на пути к свободе России»². С тезисом о «тюрьме народов» всегда соглашалась западная общественность.

И она стала центральной для национальных идеологий и историографий тех государств, которые возникли на территории бывшей Российской империи. Новые правящие элиты отрунули общую историю, представили ее в изолированном от России виде. Первыми это сделали Польша и Финляндия, где собственные истории давно рассматриваются как самостоятельные континуумы. То же произошло и в новых независимых государствах, где историографии концентрируются на собственном этносе, на территории недавно обретенного государства, проецируя их в прошлое. Для них империя – только тягостный контекст, в котором просыпалась, героически зрела и боролась за свою независимость поднимавшаяся нация. При этом логика центральных властей не интересна для исследования, поскольку известна априори: она не могла якобы диктоваться ничем иным, кроме стремления сделать жизнь нерусских подданных как можно более невыносимой.

Такая точка зрения весьма распространена и в современной России, где большевистский этнонационализм все еще весьма силен. Наше прошлое часто рассматривается как история «последней лоскутной империи», которая сводилась к завоеваниям, колонизации и угнетению, с добавлением детерминистских ноток об обреченности империй. Поэтому большая часть ли-

тературы о национализме и государственности в дореволюционной России сводится к изучению либо национально-освободительных движений, либо крайней реакции шовинистического толка. В лучшем случае, авторы скажут несколько добрых слов о терпимости и патернализме власти по отношению к нерусским народам.

С другой стороны, правая российская мысль неизменно превозносила Российскую империю как высший образец терпимости и патернализма. «В этой “тюрьме народов” министрами были и поляки (гр. Чарторийский), и грек (Каподистрия), и армяне (Лорис-Меликов), и на Бакинской нефти делали деньги порабощенные Манташевы и Гукасовы, а не порабитители Ивановы и Петровы, – утверждал Иван Солоневич. – В те времена, когда за скальп индейца в Техасе платили по пять долларов (детские скальпы оплачивались в два доллара), русское тюремное правительство из кожи лезло вон, чтобы охранить тунгусов и якутов от скупщиков, водки, сифилиса, падения цен на пушнину и от периодических кризисов в кедровом и пушном промысле... Вообще, если вы хотите сравнить быт тюрьмы и быт свободы, то сравните историю Финляндии с историей Ирландии. Сейчас обо всем этом люди предпочитают не вспоминать. Ибо каждое воспоминание о русской государственной традиции автоматически обрушивает всю сумму наук. Если вы признаете, что в самых тяжелых исторических условиях, которые когда-либо стояли на путях государственного строительства, была выработана самая человеческая государственность во всемирной истории, то тогда вашу философскую лавочку вам придется закрывать»³. В этой части идеологического спектра весьма распространено мнение об органичности имперской формы для существования России⁴.

Вместе с тем, только начинается научное прояснение таких важнейших для судеб Российской империи вопросов, как структурирование пространства государства, сложная система отношений между центром и окраинами, имперской властью и локальными сообществами, асимметрия административно-правовых систем, ресурсы устойчивости государства, его способность обеспечивать стабильность в этнически и культурно разнородном обществе, государственный гражданский национализм с его постулатами народного суверенитета, российская идентичность, сам феномен российского народа, составными частями которого веками являлись самые разные национальности. Далеко не прояснен вопрос и о природе Российской империи: чего в ней было больше – от империи или от национального государства.

Вовсе не претендуя даже на подход к исчерпывающим ответам на эти исключительно сложные и спорные вопросы, попробую вкратце разобраться, была ли Россия классической империей, а если да, то какой; существуют ли какие-либо основания говорить о ней как о нации-государстве; и были ли национально-освободительные движения причиной революции и крушения?

Исчерпывающих ответов не может быть уже потому, что не существует общепризнанных определений «империи» или «нации». Но как бы мы их ни определяли, мир начала XX в. состоял почти полностью из империй и колоний, исключение из крупных стран составляли, возможно, лишь Соединенные Штаты, которые только заканчивали зачистку и освоение американского континента и переходили к экспансии в Западном полушарии, молодые республики Южной Америки и далеко не суверенный и поделенный на сферы влияния Китай. Глобальные империи – Британскую, Французскую,

Испанскую, Португальскую, Бельгийскую – отличало наличие «большой воды» между метрополией и периферией, чего у России не наблюдалось. Как и государства Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов, она принадлежала к числу континентальных империй, представлявших собой сложную макро-систему с весьма непростыми пограничными, этническими и религиозными противоречиями между ними. Все выступали покровителями отдельных конфессий, причем не только на своей территории, но и на сопредельных. Романовы были защитниками православных, Турция – мусульман, Австро-Венгрия в союзе с Ватиканом – католиков, Германия – протестантов. Каждая из континентальных империй предлагала собственную панэтническую идеологию: панславизм, пантюркизм и пангерманизм, которые имели тенденцию усиливать и подзуживать друг друга. Это не только оказывало влияние на отношения между этим государствами, но и создавало внутри каждого из них этнорелигиозные меньшинства, ориентированные на внешние силы и потому подозреваемые в нелояльности.

При этом у России имелось немало особенностей, выделявших ее и из ряда континентальных империй. Первое и главное: *она не была этнической империей*, в чем ее как раз чаще всего и обвиняли. Как справедливо подчеркивает эту мысль чикагский профессор Р. Суни, «ни Российская империя, ни Советский Союз не были этническими “русскими империями”, в которых метрополия полностью бы совпадала с господствующей русской национальностью. Место господствующей национальности занимал институт господства – дворянства в одном случае, коммунистической партийной элиты – в другом. Данный институт господства был многонациональным, и хотя в российском дворянстве... преобладали русские, он управлял в имперской манере русскими и нерусскими народами»⁵. В чем Суни не прав: в российском дворянстве в действительности русские роды составляли меньшинство, остальных представляли знатные фамилии из присоединенных территорий – татарские, литовские, польские, остзейские, немецкие и украинские.

Подтверждение неэтнического характера Российской империи находим у ведущего современного исследователя дореволюционного национализма Алексея Миллера: «Правящая династия дольше, чем в большинстве европейских государств, сопротивлялась “национализации”, господствующее положение в империи занимало полиэтническое дворянство, а русский крестьянин долгое время мог быть, и был в действительности, крепостным у нерусского, не православного – и даже нехристианского – дворянина. Нация “не правила” и не имела системы политического представительства»⁶. Историк Владимир Булдаков с возмущением пишет, что «Российская империя ухитрилась являть миру феномен “внутреннего колониализма” в форме закрепощения сословий»⁷.

В России в меньшей степени, чем в других колониальных империях, действовал принцип территориальной этничности, который, кстати, будет положен в основу национально-государственного деления уже в Советском Союзе. «От империи Габсбургов Россию отличала существенно менее сильная феодальная традиция в структурировании пространства империи, – подчеркивает Миллер. – Здесь не было прагматической санкции, четко фиксировавшей границы “коронных земель” и права их местных дворянских сеймов. Лишь Царство Польское, Финляндия и, до некоторой степени, Остзейский

край имели в определенные периоды сравнимый с габсбургскими коронными землями (Land'ами) статус»⁸.

Известный российский правовед Николай Коркунов в конце XIX в. обращал внимание еще на одну специфическую особенность нашей страны: «Колонии приобретались для экономической их эксплуатации. Присоединение русских окраин не было делом экономического расчета. Россия постепенно овладела своими окраинами и на западе, и на востоке в силу чисто политических побуждений, как необходимым условием обеспечения своего могущества и независимости»⁹. Действительно, российская экспансия диктовалась, по большей части, соображениями геополитики и национальной безопасности, а не экономики. Окраинные территории не служили источником обогащения, а многие и не могли быть в принципе, коль скоро большая часть империи была либо совершенно нерентабельна даже для проживания в силу климатических условий, либо сильно отставала в развитии от центра, который выступал источником инвестиций, а не наоборот.

В отличие, скажем, от Османской империи, которую все справедливо считали обреченным «больным человеком», Российская империя, несмотря на трудности, несмотря на очевидное унижение в российско-японской войне, находилась на подъеме, увеличивала свою военную и экономическую мощь, и никто не предсказывал ее распада в какой-либо обозримой перспективе.

Наконец, Россия была страной, которая, по моему глубокому убеждению, вступала, как и другие крупные европейские страны, на путь формирования нации-государства.

«Расширение политического пространства и появление гражданства социального пришлось на период, захвативший все начало XX века, – пишет видный знаток вопроса Майкл Манн. – Именно в это время и большей частью в Европе зародились первые настоящие нации-государства»¹⁰. В российском сознании, да и во многих государственно-правовых документах понятие нации все еще имеет отчетливую этническую окраску – один язык, одна религия, одна психология и т.д. К современным теориям национальной политики и к современному миру подобная трактовка не имеет никакого отношения. Обратимся к их определению, которое предлагает директор Института этнологии и антропологии РАН академик Валерий Тишков: «Понятие “нация”..., по сути, подразумевает народ в смысле государственного территориального сообщества. Связь понятий *нация* и *государство* отражена в сложной категории “нация-государство” (nation-state). Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных наций и считающих себя государствами-нациями»¹¹. При этом полиэтничный состав населения вовсе не служит непреодолимым препятствием для формирования гражданской нации и создания нации-государства.

Считается общепризнанным, что в начале XX века Великобритания, Франция, Германия и даже Испания, уже были нациями-государствами, хотя все они при этом оставались глобальными империями, имели крайне неоднородное в этноконфессиональном плане население и внутренние колонии. Не следует забывать Северную Ирландию и Шотландию в составе Великобритании, Бретань и Корсику в составе Франции, лоскутную империю, созданную Бисмарком, Кастилию, Каталонию и Страну Басков в Испании. Многоэтничность и поликонфессиональность – абсолютная норма для сов-

ременных национальных государств. По многообразию этнических, религиозных и расовых групп многие страны оставляют далеко позади и дореволюционную, и тем более современную Россию с ее 135 народами. Вот как, по данным ООН, выглядит количество этнических групп в некоторых странах современного мира: Китай – 205, Камерун – 279, Индия – 407, Нигерия – 470, Индонезия – 712, Папуа–Новая Гвинея – 817¹². Все они являются безусловными нациями-государствами. Почему же нашу страну никогда не относили к этой категории? А ведь основания для этого есть.

Еще в XIX в. система управления окраинами строилась с учетом местных традиций и особенностей, в первую очередь национально-культурных и религиозных. Это отражалось и в разнообразии учреждений и должностных лиц, это управление осуществлявших, и в особом административно-территориальном делении – наместничества, генерал-губернаторства, области, округа, магалы и т.д. Однако, чем дальше, тем более очевидной становилась тенденция к постепенному втягиванию окраин в общероссийскую систему управления, выравниванию различий в управленческих моделях. «После Великих реформ Россия, – пишет Тишков, – становилась все более современным (“национальным”) государством в смысле административной, правовой, культурной унификации всех частей империи и интеграции общества по вертикали через сословные, религиозные и регионально-этнические барьеры, которые имелись среди населения»¹³. За этим скрывалась не только и не столько злая воля «колонизаторов из тюрьмы народов», сколько объективная потребность развития индустриального общества, связанная с необходимостью развивать максимально широкое и единое экономическое пространство, стягиваемое бурно развивавшейся транспортной инфраструктурой.

Имело значение и желание предотвратить распространение сепаратистских настроений. На практике это означало стремление царского правительства рационализировать систему госуправления, создать единое административно-правовое и культурно-языковое пространство, а значит – и гражданскую нацию. Однако любые практические шаги к унификации системы регионального управления вызывали бурю негативных эмоций. И, напротив, националистические тенденции по окраинам страны с восторгом поддерживались либеральной и социалистической интеллигенцией, причем как в регионах, так и в столицах.

Формулировалась ли задача создания нации-государства, гражданской нации концептуально на уровне государственной политики? Скорее, нет. «Самодержавие просто пыталось “воспитывать” народы (начиная с православных и делая это довольно грубо) соответственно собственным удобствам управления по ходу освоения новых территорий, – описывает логику власти Булдаков. – Самодержавие исходило из восприятия народов и территорий как пластичной этногеографической среды, и потому старалось действовать осторожно. Разумеется, это не имело ничего общего с гуманизацией межэтнических отношений, – на жесткую политику сил не находилось»¹⁴. Конечно, не все так просто. В умах управленческой элиты, безусловно, существовал образ России как страны, где лояльность окраин обеспечивают не только власть и сила, но и цивилизационное притяжение. Однако российский политический класс не предложил убедительной и привлекательной концепции русскости, не сводимой ни к этническому, ни к имперскому государству.

К началу XX столетия доминирующей в российских интеллектуальных и политических кругах по-прежнему оставалась идея национального единства, национальной государственности империи, основоположником которой выступал известный публицист Михаил Катков. По этой теории Россия могла существовать только как государство, где обеспечено преобладание титульной нации, поддерживается единство правового поля, властных институтов и государственного языка. При этом другие народы могли сохранять свою культурную, языковую и религиозную автономию в пределах, не угрожающих целостности страны¹⁵. К подобному мнению склонялись и приверженцы охранительной «теории официальной народности», и вполне либеральные идеологи равноправия в рамках «этнически единого национального государства».

Следует заметить, что споры о критериях «русскости» – язык? православие? кровь? – вплоть до революции носили весьма острый характер. Приверженцы отождествления понятий «русский» и «великорусский» находились в очевидном меньшинстве, доминировала идея общерусской нации, объединяющей всех восточных славян. В классическом исследовании известного этнолога и географа Александра Риттиха «Славянский мир» говорилось, что Россия «в смысле славянства представляет сплошное тело, заключающее в Европейской России, без Кавказа и Финляндии, 82% славян, из которых на долю одних русских приходится 75%. Последние делятся на три наречия: великорусское – 49%, белорусское – 5% и малорусское – 20%»¹⁶. Причисление к русским также украинцев и белорусов было тогда общепринятым не только в России, но и за ее пределами. В «Народоведении» немецкого автора Ф. Ратцеля говорилось, как о само собой разумеющемся, о трех ветвях единого народа, которые «вообще можно назвать северно-, южно- и западно-русскими»¹⁷.

Представление о православии как сути русскости было чревато проблемами с интеграцией сектантов, старообрядцев, белорусов-католиков, с созданием полноценной армии. Вспомните сцену присяги в «Поединке» Куприна: сначала батюшка приводит к присяге православных, потом ксендз – поляков, за неимением пастора штабс-капитан Дитц – лютеран, мулла – мусульман, затем язычнику-марийцу на шпаге подносят хлеб, и он клянется солнцем и луной в верности царю.

Единства в понимании русскости даже в официальных трактовках не существовало, и в этом заключался один из основных факторов слабости российского национализма.

Однако нельзя не подчеркнуть, что в России существовало пусть немногочисленное, но достаточно влиятельное интеллектуальное течение, еще в начале XX в. сформулировавшее концепцию политической полиэтнической российской нации, которая и должна была в будущем в идеале охватить всю империю. Эту идею гражданской нации активно проповедовали Петр Струве и его сторонники. «Нация – это духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью культуры, духовного содержания, завещанного прошлым, живого в настоящем и в нем творимого для будущего»¹⁸. Главный акцент при этом делался на расширение политического участия, воспитание гражданской лояльности империи. В теориях Струве и его школы перекрещивались либерализм, национализм и империализм, что являлось тогда нормой, причем не только в России, но и везде в Европе.

Но не мешала ли формированию гражданской нации реально шедшая русификация? Полагаю, непримиримого противоречия тут не было. Как подчеркивает историк Борис Миронов, «правительство было вынуждено проводить модернизацию под знаком русификации, которая в тех условиях означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а, прежде всего, систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию»¹⁹. Встает вопрос и о степени русификации, которая неизменно инкриминировалась царскому режиму.

«Более или менее жесткие ограничения сферы применения языка в администрации, образовании, печати, публичной сфере касались в разное время, особенно во второй половине XIX века, всех языков, распространенных на западных окраинах империи, включая не только Царство Польское и Западный край, но и остзейские губернии»²⁰, – подтверждает Миллер. По его обоснованному мнению, реальное ограничение применения «развитых» языков – немецкого, польского, а также татарского – сопровождалось реальным их вытеснением из тех сфер, где они ранее имели сильные позиции. Это было связано, с одной стороны, с опасениями, как бы материально и культурно сильная группа на окраине не реализовала собственный ассимиляционный проект в отношении более слабых соседей. А с другой стороны, являлось частью сложного соревнования с соседними континентальными империями, одни из которых – Германия и Австро-Венгрия – проявляли прямой интерес к национальной ситуации в Западном крае, а другая – Турция – претендовала на роль альтернативного центра притяжения мусульман и тюркских народов.

Что же касается «развивающихся» и эмансипирующихся языков – литовского и латышского, эстонского и белорусского, украинского и идиш, – то речь шла не о вытеснении, а о создании препятствий для освоения ими новых функций в образовании, администрации и публичной сфере. Особым способом регламентации языковой сферы являлось изменение привычного алфавита. Так, литовский и латышский перевели с латиницы на кириллицу; в выборе алфавита для казахского, чувашского и ряда других языков кириллицу предпочли арабской графике; для татар арабское написание не запрещали, но параллельно для крещеных татар был разработан кириллический алфавит, и т.д. Ограничивалась публикация книг на украинском и белорусском языках, что отражало стремление предотвратить эмансипацию этих «наречий русского языка». Но, скажем, никаких ограничений на издание литовских и латышских книг на кириллице никогда не возникало²¹. В этом, как и в подавляющем большинстве других случаев, речь шла не об ассимиляции, а о стремлении обеспечить аккультурацию и лояльность центральной власти.

Если посмотреть на статистику издательской деятельности, то обнаружим, что в 1913 г. общий тираж изданных в России книг на русском языке составил 98,8 млн экземпляров, на других языках – 20 млн, из них: на польском – 4,8 млн, латышском – 3,8 млн, арабском – 2,3 млн, немецком и идиш – по 1,5 млн, иврите – 867 тыс., эстонском – 1,1 млн, татарском – 1 млн, украинском – 725 тыс., литовском – 669 тыс., белорусском – 33 тыс. В том же году выходило 2167 периодических изданий на русском языке и 748 – на иных языках. В общем количестве газет и журналов разных жанров насчитывалось 303 – на польском, 81 – на немецком, 73 – на латышском, 60 – на иврите и идиш, 55 – на эстонском, 34 – на грузинском, 30 – на армянском,

28 – на литовском, 23 – на татарском, 17 – на украинском, 6 – на азербайджанском, по 3 – на белорусском и румынском²².

Но в целом в предреволюционные десятилетия позиции русского языка как официального укреплялись, русская культура пронизывала и иноязычную элитную среду. Происходило это далеко не только в результате насильственной аккультурации, но и через создание позитивной мотивации. Как и в любой империи, овладение доминирующим языком открывало качественно более высокие возможности для социальной мобильности, образования и карьеры. «Во многих районах империи вестернизация шла из России и через русские институты, и модернизационные стратегии локальных сообществ могли предполагать частичную, инструментальную русификацию, – подчеркивает Миллер. – Так, мусульманская интеллигенция... в конце XIX – начале XX века могла ратовать за усвоение русского языка именно как инструмента, во-первых, облегчающего доступ к западноевропейской мысли и образованности, откуда можно было черпать идеи и ресурсы для собственных националистических проектов, а во-вторых, дающего возможность более эффективно отстаивать интересы локального сообщества в отношениях с властями империи и перед общественным мнением»²³. Русский был языком образованной элиты. В этом смысле, как и английский в современном мире, его не требовалось навязывать.

Валерий Тишков обнаруживает, что «в элитной среде гражданский национализм был доминирующей идеей, и он превосходил другие формы национализма – от почвенного русского (в узкоэтническом смысле) до периферийного этнонационализма... Более того, немецко-балтийская элита была одним из катализаторов формирования российского национализма как соединения государственных и этнических элементов в составе основополагающей общности, и она поддерживала понятие российской нации». Академик также обращает внимание на наличие отчетливой общей идентичности, понимаемой как разделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним. «В исторических анналах обнаруживаются достаточно сильные проявления российской идентичности (гораздо сильнее, чем этнические формулы и призывы) среди нерусских народов, даже среди населения Финляндии и Польши, не говоря уже о Поволжье и Кавказе. При этом следует помнить, что в то время сами по себе слова “русский” (в широком смысле, а не как великороссы) и “российский” были взаимозаменяемыми... Поэтому более легитимными были такие понятия, как “русская Польша”, не говоря уже об Украине и Белоруссии, которые считались русскими регионами, как и их население»²⁴.

Так чем же была Россия – империей или национальным государством? По моему убеждению, и тем, и другим. В этой позиции я не одинок. Так оценивал нашу страну Петр Струве: «С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различия между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства, и созданием Империи»²⁵. Взгляд на дореволюционную Россию не просто как на империю, но как на централизованное государство с феде-

ралистскими и культурно-автономистскими элементами, нашел свое место и в западной историографии. Ее представители вслед за гарвардским профессором-эмигрантом Михаилом Карповичем не защищали «империю как таковую; скорее они пытались написать историю России в большей или меньшей степени как историю национального государства, или, по крайней мере, национального государства, находящегося в стадии формирования»²⁶. Валерий Тишков, подтверждает: «Россия накануне революции была как империей, так и национальным государством на основе многонациональной нации»²⁷.

Первая мировая война показала относительную слабость внутренних государственных скреп, особенно в условиях, когда австро-германская коалиция предпринимала небезуспешные попытки разыгрывать карту национальной самобытности и прав на самоопределение населявших ее народов. «В ходе мировой войны великие державы стали использовать поддержку национального сепаратизма в лагере соперника без ограничений, характерных для предшествующего периода, когда они больше были озабочены сохранением определенной солидарности между империями в борьбе с национальными движениями»²⁸. Особенно успешно это удавалось делать Центральным державам на западных окраинах Российской империи, ощутивших на себе не только мощь пропагандистских машин противника, но и все тяготы войны. Брожение наблюдалось и в других регионах – в Закавказье и даже в Средней Азии.

Центральная власть активно противодействовала агитации неприятеля и центробежным тенденциям, создавая специальные органы (в частности Особый политический отдел МИД), экспериментировала с реформами системы управления окраинами, пробуя самые различные рецепты, порой противоположные и взаимоисключающие. Но, даже учитывая обострение национального вопроса в годы войны, можно ли говорить, что национально-освободительные движения разорвали Империю изнутри и вызвали революцию? Ответ найдем, проанализировав ситуацию в различных национальных регионах и с различными этническими группами.

О напряжении, волнениях, сепаратистских настроениях на окраинах страны в Петрограде было хорошо известно. Департамент полиции докладывал 30 октября 1916 г.: «Боязнь немецкого засилия объясняют эстонцы свое недоверие правительству, что, будто, заставляет их искать сближения с немцами, значение которых в Прибалтийском крае, по мнению эстонцев, и после войны будет прежнее, почему останется и экономическая зависимость крестьян от немецких помещиков.

Армяне недовольны центральным правительством за то, что, по их мнению, оно готовится отклонить автономию Армении.

По-прежнему отрицательно отношение к русской власти в Финляндии, которая, однако, не возлагает уже надежд, как ранее, на русские оппозиционные партии (кроме финляндских социал-демократов, рассчитывающих на помощь российского пролетариата), а надеется более на “давление” из-за границы.

Наконец, настроение туземного населения Туркестанского края представляется также значительно повышенным и нервным, долженствующим вылиться... даже в формы открытого выступления против русского владыче-

ства в крае»²⁹. Однако Департаментом полиции все эти проблемы справедливо воспринимались как «частные» причины недовольства населения в сравнении с общими для страны экономическими затруднениями и набравшим силу политическим кризисом.

Действительно, силы национального освобождения были далеко не главным фактором Крушения России. «Как это ни покажется неожиданным, но расписанные в исторических текстах буквально по минутам “национальные движения” в империи Романовых были маргинальной формой культурных и социально-политических манифестаций, крайне редко облекаемые в риторике национализма, а тем более в его сепаратистской форме, – подчеркивает академик Тишков. – ...Историческая драма состояла в том, что правящий центр оказался слабым, и верх одержали силы радикального передела и социальной революции, которые взяли в союзники быстро народившиеся периферийные национализмы этносепаратистского характера»³⁰. Толчком к дезинтеграции страны были не национальные движения, а события в центре власти. Эти движения стали не причиной, а следствием Февральской революции 1917 года.

¹ История гражданской войны в СССР. Т. 1: Подготовка Великой пролетарской революции. М., 1937. С. 40, 44.

² Ковалевский М. Очерки по истории политических учреждений России. М., 2007. С. 237.

³ Солоневич И.Л. Великая фальшивка Февраля. М., 2007. С. 292–293.

⁴ См., например: Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М., 2005; Куренной В. Политический и аполитический национализм // Логос. 2007. № 1 (58); Нарочницкая Н.А. Русский мир. СПб., 2007. С. 23.

⁵ Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский подход в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 36–82.

⁶ Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 152.

⁷ Булдаков В. Quo Vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 34.

⁸ Миллер А. Указ. соч. С. 154–155.

⁹ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1899. Т. 1. С. 180.

¹⁰ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М., 2002. С. 384.

¹¹ Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 558.

¹² Видимые руки. Ответственность за социальное развитие: доклад исследовательского института по проблемам социального развития при ООН. М., 2001. С. 78–82.

¹³ Тишков В.А. Указ. соч. С. 574.

¹⁴ Булдаков В. Указ. соч. С. 37.

¹⁵ Административно-территориальное устройство России. История и современность / Под ред. Е.М. Смирнова. М., 2003. С. 170–171.

¹⁶ Риттих А.Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование. Варшава, 1885. С. 23.

¹⁷ Ратцель Ф. Народоведение: пер. с нем. СПб., 1903. Т. 2. С. 816.

¹⁸ Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 248.

¹⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 41.

²⁰ Миллер А. Империя Романовых и национализм. С. 82.

²¹ Там же. С. 82, 92–93, 67.

²² Россия накануне Первой мировой войны: статистико-документальный справочник. М., 2008. С. 354, 356–357, 369–370.

²³ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. С. 62.

²⁴ *Тишков В.А.* Указ. соч. С. 574–575.

²⁵ *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 248.

²⁶ *Фон Хаген М.* История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 24.

²⁷ *Тишков В.А.* Указ. соч. С. 576.

²⁸ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. С.181.

²⁹ Буржуазия накануне февральской революции. М.; Л., 1927. С. 137–138.

³⁰ *Тишков В.А.* Указ. соч. С. 576.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

На рубеже двух веков, отвечая на вызовы современности, Россия вступила на путь масштабных экономических, социальных и политических преобразований, существенно изменивших жизнь российского общества и превративших его в объект, сложный и отчасти таинственный даже для социологов – представителей науки, способной, познавая социальный мир опытным путем, видеть за неадекватной интерпретацией событий и явлений их действительную суть.

К числу проблем, активно дискутируемых сегодня научным сообществом, несомненно, относятся *практики становления в России гражданского общества*, формирование которого было объявлено руководством страны одной из приоритетных задач российских реформ.

Исходя из того, что сфера «гражданского» пронизывает все важнейшие области жизнедеятельности современного социума (политико-правовую, экономическую, социальную, экологическую и др.), его институты, идеологию, культуру, этнонациональные и конфессиональные отношения, свои точки соприкосновения с проблематикой гражданского общества находят представители практически всех общественных и гуманитарных дисциплин. Мультидисциплинарность исследований позволяет высветить множество граней и аспектов изучаемого явления, однако, обратной ее стороной становится *фрагментарность* получаемого знания, препятствующая созданию *целостной картины* состояния «гражданственности» общества в России, выявлению и оценке направления его трансформаций.

Не отрицая непреходящую актуальность данной проблематики как для стабильных демократий, так и для переходных обществ, прошедших сквозь горнило либерализации авторитарных и тоталитарных режимов, зададимся вопросами: какое гражданское общество существует в России в действительности, и существует ли оно вообще?

Дать однозначный ответ на них – дело непростое. Непростое хотя бы в силу той существующей сегодня и потрясающей воображение своими масштабами пестроты мнений наших (и не только наших) сограждан относительно критериев развитости гражданского общества. Если одни утверждают, что оно остается слабым, находится на очень низкой, фактически эмбриональной стадии своего формирования, ассимилируется или даже вообще не существует, а потому говорить о его существовании в стране «могут только люди с сильно развитым воображением»¹, то другие, включая лидеров реально действующих в России независимых общественных организаций, считают, что это не так: с их точки зрения, гражданское общество в России объективно наличествует и, более того, опирается на давние традиции².

Думается, что столь очевидное несовпадение или даже противоположность оценок происходящего объясняется целым рядом моделей развития, к числу которых относится, например, *различие «точек отсчета»*, т.е. *тех референтных моделей, с которыми сопоставляется нынешняя российская*

ситуация. Так, если в качестве подобной модели используется некий идеальный, сконструированный на основе западноевропейских и североамериканских представлений, тип гражданского общества как *объединения свободных, независимых индивидов, обладающих определенными правами и способных эти права защитить*, то выводы о наличии такого в современной России получаются скорее негативными. Если же сравнивать Россию начала XXI в. с советским обществом времен Л.И. Брежнева, то прогресс гражданского общества несомненен.

Вполне возможно, что истоки радикальных расхождений в оценках состояния российского гражданского общества кроются и в *национальных особенностях трактовки, и в весьма разноплановых и многообразных подходах к использованию данного понятия* российскими академическими кругами и официальной риторикой³. Отсутствие консенсуса в отношении того, что понимать под «гражданским обществом», широкая интерпретация содержания понятия и использование его как популистского лозунга в политической демагогии могут породить серьезные проблемы. И не только в части, касающейся эффективности практик формирования гражданского общества и развития его институтов. В этом случае есть веские основания ожидать, что призыву «Даешь гражданское общество!» грозит судьба другого слогана, крайне популярного в конце 1980 – начале 1990-х годов и связанного с попытками превращения России в «правовое государство», неумелая реализация которых привела к откровенному нарушению и дискредитации в российских условиях самой концепции государства этого типа. Подобно тому, как термин «перестройка» трансформировался в общественном сознании в «катастрофку»⁴, а лишенная смысла попытка осуществить построение «правового государства» и «рыночной экономики» путем рывка привела к разрушению и государства, и экономики, точно так же спешная, непродуманная и не учитывающая национальной специфики кампания по построению «гражданского общества» в России может иметь скорбные последствия.

Немаловажным фактором, предопределяющим восприятие складывающейся в стране ситуации с формированием и укреплением позиций гражданского общества, выступает *специфика российского контекста, в котором протекают указанные процессы*. Эта специфика обусловлена:

Во-первых, парадоксальными и абсолютно непродуктивными (а, по сути, выливающимися в инициирование государством разнообразных имитаций) попытками развития гражданского общества сверху, властными усилиями.

Во-вторых, практическим отсутствием независимых и неподконтрольных властному официозу СМИ, формирующих общественное мнение.

В-третьих, тем фактом, что права человека и гражданина по-прежнему остаются на периферии массового сознания и общественных практик, равно как и практической деятельности власти⁵.

В-четвертых, продолжающимся и ведущим к социальной атомизации и дезинтеграции социума *размыванием нормативно-ценностного комплекса социального доверия как фундамента любой социальности*⁶.

В-пятых, предпринимаемыми социальными архитекторами современности попытками неосмысленного внедрения и развития в стране западных моделей гражданского общества, которые, не будучи адаптированы к российской специфике, неизбежно вступают в противоречие с многовековыми традициями русского народа. Причем попытками, эпигонскими и по духу, и по

содержанию, начисто игнорирующими тот факт, что общественный строй – не пустая и мертвая оболочка, которую можно менять, как кому заблагорассудится: он неразрывно связан с жизнью народа, с природой и размерами страны, ее геополитическим положением, историческими судьбами, более того – с характером и духом народа, т.е. его религией, обычаями, уровнем правосознания или культурой в целом⁷.

И, наконец, в-шестых, *углублением социальных неравенств*, воспроизводимых в достаточно устойчивых формах, как отражение политической, культурно-нормативной, но, прежде всего, экономической структуры современного российского социума, и проявляющихся в разном качестве отдельных аспектов жизни россиян – практиках распределения собственности и доходов, социально-психологическом состоянии, здоровье, открывающихся возможностях, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, в восприятии людьми жизни в целом.

Следует особо отметить: тормозя развитие экономики и блокируя ее переход к инновационной стадии, опосредуя поляризацию общества, порождая апатию и пассивность определенных его слоев, подталкивая их к нелегитимным формам протеста и политическому экстремизму, разрушая нравственные устои общественного единения⁸, социальные неравенства создают климат конфронтационности и нетерпимости, препятствуют достижению национального согласия. В сложившихся условиях ослабевает, если не сказать разрушается, гражданская солидарность – глубинная основа самого понятия гражданства как сопричастности всех членов общества к общенациональным целям и государственной публичной политике. Единение общества затрудняется даже по тем вопросам и позициям, которые, казалось бы, касаются каждого гражданина. Пагубные последствия социального неравенства накладываются на быстро трансформирующееся российское общество, и без того разделенное по целому ряду идеологических и социальных показателей.

Социологам очевидно, что проблема построения гражданского общества в современной России коренится в области практической применимости той или иной модели государственного устройства к данным конкретным социальным условиям при определенных исторических обстоятельствах, включающих географические, климатические, пространственные, ментальные и прочие факторы. Здесь уместно будет заметить, что действенные политические и экономические формы создаются не логическим, но историческим путем: каждый народ приходит к ним самостоятельно в процессе собственного развития. И если этого нет, не поможет никакое принуждение, ибо народ все равно будет отторгать их от себя.

Душается, что в многонациональной России созидание гражданского общества возможно лишь на *наднациональной основе*, т.е. при условии превращения россиян в политическую нацию, внутри которой национальные различия имели бы исключительно конфессиональный и социокультурный характер⁶. Таким образом, *одной из базовых предпосылок становления полноценного гражданского общества в России оказывается формирование гражданской идентичности россиян*. Настаивая на этом, мы существенно расширяем наш дискурс, выводя его за рамки *традиционно* обсуждаемых практик укрепления российской гражданственности и проблем, связанных с их реализацией¹⁰. К слову сказать, подобный подход к решению актуальной

и острой для России проблемы становления гражданского общества вполне соответствует общемировым стандартам и тенденциям определения последнего как «социального пространства, благоприятствующего чувству солидарности между людьми и любви к своему сообществу»¹¹.

Проблема российской идентичности, формирования и укрепления российской нации как гражданского надэтнического политического сообщества оказалась в последние годы в центре научных и политических дискуссий¹². При этом отечественные традиции ее обсуждения, разворачиваются на двух уровнях – *теоретического анализа* и *концептуализации политических проектов*, направленных на конструирование национальной идентичности.

Вслед за психологами, усилиями которых данный термин и был введен в научный оборот в XX столетии, социологи отмечают, что эпоха *modernity* и порожденные ею социальные трансформации способствуют *ослаблению* одних (*примордиальных и этнокультурных*¹³) и *усилению* других (*социально-конструируемых*) идентичностей, к числу которых, несомненно, относится и принадлежность к государственному образованию – нации¹⁴.

Особое звучание проблема идентичности, динамика идентификационных процессов, приобретают в контексте глобализации. Представляя диалектический процесс всеобъемлющей интеграции и столь же масштабной дифференциации, глобализация, с одной стороны, *создает невиданные ранее возможности* для сближения культур, расширения коммуникативного пространства, обогащения образа жизни людей новыми знаниями, технологиями, идеями, а с другой – *порождает множество серьезных проблем и деструктивных тенденций*, одной из которых (наряду с культурным хаосом, утратой привычных жизненных ориентиров, формированием кризисного типа сознания) выступает кризис идентичности¹⁵.

Несмотря на всю дискуссионность вопроса о степени интеграции России в процессы глобализации, проблемы трансформации идентичности российского общества в условиях глобального мира (трансформации, потенциально способной дезорганизовать и дезориентировать социум) приобретают с течением времени все большую актуальность и значимость. Именно с ними, а точнее с их решением, связываются сегодня прогнозы дальнейшего развития страны, ее способность отвечать на многочисленные вызовы современного мира, осуществлять полноценную культурную, экономическую, социальную и политическую модернизацию. От того, какие образы идентичности будут доминировать в массовом сознании, что будут представлять собой важнейшие референтные группы самоидентификации, во многом зависят перспективы становления в России структур гражданского общества, эффективность функционирования политических институтов, характер механизмов представительства интересов и политического участия и, в конечном счете, социальный климат общества.

На глобальном уровне сохранение российской идентичности способствует успешному интегрированию России в мировое сообщество и ее позиционированию на международной арене. На личностном же – утверждению жизненных ориентиров, формированию чувства защищенности в рамках «своего» общества, подавлению тревоги и фрустрации на фоне фиксируемого социологами с начала 2009 г. увеличения доли российских граждан,

испытывающих чувство страха, ощущающих собственную беспомощность и невозможность повлиять на происходящее вокруг. И это не случайно, ибо только при условии прочной национальной солидарности, ощущения самоидентичности, имея возможность отнести себя к какой-то системе, направляющей его жизнь и придающей ей смысл, человек не рискует остаться в одиночестве перед натиском бури глобализации. В противном случае, утрачивая свои идентификационные качества, человек «теряет себя», поскольку идентичность есть основа онтологической безопасности и непрерывности его бытия. Человеку нужна идентичность как «для всякого плода», по мысли Ф.М. Достоевского, «нужна своя почва, свой климат, свое воспитание».

Активное изучение мировоззренческих аспектов общероссийской идентичности развернулось с начала 90-х годов XX в. Многочисленные исследования разных лет убедительно доказали, что ее формирование не было линейным процессом, но проходило в сложном противоречивом контексте культурно-цивилизационных взаимодействий, динамичных социально-экономических преобразований, распада многонационального государства, встраивания в новую систему отношений, освоения новых социальных смыслов и значений, переосмысления этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и отмирающих ценностей, изменяющейся структуры общества.

Отрадно осознавать, что идея «российской гражданской нации», категория гражданско-государственной (или национально-гражданской) идентичности, пришедшая на смену исторически сложившемуся в России пониманию нации как этнокультурной общности, уже не режет слух отечественных политиков. Немалая заслуга в этом принадлежит академику РАН В.А. Тишкову – автору многочисленных работ в области изучения наций, нациестроительства и национальной идентичности россиян.

Представление о России как об уникальной цивилизации, соединяющей в себе европейские и азиатские начала, одной из характеристик которой является мирное содружество множества национальностей и религий, понимание российского народа как исторического целого и гражданской нации высказывались неоднократно руководством государства. Эта формула была позитивно воспринята многими интеллектуалами и политиками как единственно возможная для России и полностью отвечающая накопленному мировым сообществом опыту существования крупных многоэтничных государств.

Современная идентичность населения России, по справедливому замечанию профессора Л.М. Дробижевой, представляет собой «...сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Естественно, все политические, социально-культурные, экономические трансформации общества находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в ней судят о направлениях в развитии социума, но и она сама, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии»¹⁶.

Что же представляет собой идентичность россиян как ресурс государства и общества? Каковы социальные основы формирования гражданской нации в России? Попытаемся ответить на эти вопросы, опираясь на результаты

ряда общероссийских исследований, осуществленных ИКСИ РАН и ИС РАН за последние 12 лет¹⁷.

Еще в ходе исследования 1998 г. были получены веские доказательства того, что после первой семилетки радикальных реформ *структура российского социума продолжала обеспечивать достаточно надежную трансляцию базовых жизненных ценностей, мотиваций и способов восприятия действительности*. Среди доминант массового сознания выделялись смысложизненные установки, имеющие глубокие социокультурные корни и характеризующие тип «среднего» россиянина как человека, готового к неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями и склонного к автономности. Свое призвание он видел не столько в приумножении благ, сколько в стремлении жить как хочется, получая от этого моральное удовлетворение.

В то же время на первый план выходил преимущественно «неэкономический» характер положительных качеств русских, объективно тормозящих вхождение России в рынок, но, вместе с тем, способствовавших менее болезненному восприятию ими реалий постиндустриальной цивилизации. Устоять и выжить в условиях радикальных изменений всего и вся, сопровождавшихся к тому же глубочайшим системным кризисом, русскому человеку помогали смелость, изобретательность, приспособляемость и терпеливость.

Жизненные ценности российских граждан, их представления о том, «что такое хорошо, а что такое плохо», являются смысловым и психоэмоциональным ядром национальной идентичности. Сравнительный анализ значимости для россиян различных сфер их жизни (семья, друзья, работа, свободное время, религия, политика) не выявлял (и не выявляет сегодня) каких-либо качественных особенностей, отличающих ситуацию в России от тех, что складываются в ряде других стран (Германия, США, Великобритания, Швеция). Самой значимой для россиян сферой их жизни выступает семья. Что же касается наиболее типичной для них идеальной модели жизни, то она может быть описана формулой *«любимая работа, счастливая семья, хорошие друзья, чистая совесть и уровень жизни не хуже, чем у других»*. Эта же модель предполагает хорошее образование, интересную и престижную работу, хорошие отношения между супругами и т.д.

Гораздо меньше распространены в России «достижительные» установки, такие ценности, как власть, известность, желание попасть в «статусный» круг или иметь собственный бизнес. Вместе с тем, десятилетняя динамика последних говорит о том, что со временем они набирают все большее число сторонников, тогда как такая базовая для подавляющего большинства россиян сфера их жизни, как работа утрачивает значение важной формы самореализации и способа общения, приобретая все более инструментальный характер (способ заработка).

Повторное обращение к данной проблематике произошло в середине 2000-х годов, когда пережившее дефолт российское общество вошло в полосу относительно устойчивого экономического и политического развития. Как трансформировался в этих условиях ценностный мир россиян, их мировоззренческие установки, мотивация поведения и жизненного выбора?

Первое, что вновь привлекло наше внимание – это плавность, с которой, несмотря на радикальный характер происходивших в стране перемен, изме-

нялись социокультурные стереотипы, определявшие общий склад сознания российских граждан.

Анализируя историческое самосознание россиян, мы вынуждены были признать: слегка пошатнувшись под натиском «разоблачений» первой половины 1990-х годов, советская парадигма оказалась на удивление устойчивой. Как следствие, *несмотря на существование вполне естественной поколенческой и региональной специфики в отношении к различным этапам и явлениям российской истории, подавляющее большинство россиян продолжало считать основными предметами общенациональной гордости события и достижения советской эпохи, не допуская возможностей для ценностного раскола российского общества.*

Значимые расхождения выявлялись, пожалуй, лишь в связи с историческим выбором общества, в котором россиянам хотелось бы жить в данный период времени. Повторное исследование продемонстрировало, с одной стороны, явное стремление молодежи и представителей средних (наиболее активных в экономическом плане) возрастных групп жить в нынешней России со всеми присущими ей проблемами и противоречиями, а с другой – очевидную ностальгию представителей старшего поколения по жизни в СССР, их желание оказаться в обществе «брежневского образца». К слову сказать, если в 1998 г. сторонники жизни «в брежневском обществе» доминировали над «современниками» в соотношении 46% на 25%, то в условиях пореформенной России (а именно в 2007 г.) в общенациональном сознании россиян произошел примечательный перелом: около 60% сделали выбор в пользу современного российского общества, и только 20% – в пользу общества брежневского типа.

В современной социологии принято использовать и такой интегральный показатель состояния социального самочувствия, как *самооценка гражданами своего положения в обществе*, иначе говоря, своего социального статуса. В этой связи необходимо отметить следующий, весьма показательный, результат: за время преодоления системного кризиса 1990-х годов в российском обществе произошло радикальное переосмысление социальных статусов. Доля россиян, довольных своим социальным положением, стала доминировать над долей недовольных им в соотношении 4 : 1. По всей видимости, мы имеем дело с весьма существенным обстоятельством, являющим собой не только важнейшую предпосылку социальной стабильности, но и значимое для людей условие комфортности их социально-психологического состояния в целом.

В настоящий период можно утверждать: *социальная структура российского общества, построенная на основе оценки самими гражданами своего места в нем, приближается к модели, характерной для стабильно развивающихся стран.* Социологический анализ показывает, что изменения в самоощущениях людьми своего места в обществе за последние 7–8 лет поистине колоссальны. И проявляются они, прежде всего, в значительном сокращении числа тех, кто ощущает себя «социальными аутсайдерами», и, одновременно, в росте рассматривающих себя в качестве представителей средних слоев. И это, безусловно, влияет на укрепление стабильности российского общества. Обнадёживает и то, что в последние годы коренной перелом в социальных самоощущениях произошел во всех без исключения возрастных группах населения.

Однако успокаиваться рано. Исследуя социальную структуру российского общества посредством использования индекса уровня жизни, учитывающего широкий спектр не только денежных, но и любых других доступных населению экономических ресурсов, а также возможности удовлетворения групп потребностей, связанных с различными видами внепроизводственной деятельности людей¹⁸, мы приходим к выводу, что большинство (59% населения на начало 2009 г.) россиян характеризуется сегодня тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности». Наиболее тревожными в этом контексте выступают проблемы бедных слоев населения. При этом особую обеспокоенность вызывает не столько численность бедных, сколько причины попадания в бедность, свидетельствующие как о неадекватности государственной социальной политики, так и о нездоровой ситуации на рынке труда.

Понимание особенностей и социальных основ формирования российской гражданской нации невозможно вне анализа тех социальных общностей, с которыми отождествляют себя наши сограждане. Результаты исследования идентификационных характеристик позволяют считать, что в пореформенной России концентрируется огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский социум.

По данным, ИС РАН роль россиянина, гражданина России является в настоящее время наиболее распространенной «Я-идентификацией» (почти 60% поддержки). Такая идентификация как «житель определенной местности» и даже «представитель конкретной национальности» от нее заметно отстают. Добавим к этому, что и в структуре «Мы-идентификации» чувство общности с россиянами с той или иной частотой испытывают свыше 80% населения страны. Приведенные данные свидетельствуют о достаточно высокой и нарастающей внутренней интегрированности российского общества и даже о возможности формирования в обозримой перспективе в России гражданской нации.

Еще в начале 90-х годов XX в., после краха великой державы – СССР, многие не понимали, в какой стране они живут. На вопрос «Что такое Россия?» – респонденты четкого ответа дать не могли. Сегодня «простые люди» его дают. Россию считают страной, которая имеет собственные цели развития, может их выражать и защищать, не заискивая перед Западом. С социолого-политологической точки зрения, это можно назвать «возрождением державности», новым обретением чувства гордости за свою страну.

Результаты наших исследований говорят и о том, что в пореформенной России сосуществуют традиционалистски настроенная часть общества и те сограждане, в сознании которых доминируют идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы, иначе говоря, носители модернистского сознания. Выделяется и та часть населения, которую следует охарактеризовать как носителей промежуточного типа сознания, сочетающего в себе элементы традиционализма и модернизма.

Анализ динамики национального самосознания позволяет сделать принципиально важный вывод: преодолев системный кризис 1990-х годов, кризис, опасный своей способностью поражать все без исключения ячейки и сферы общества, *Россия реформирующаяся превратилась в Россию*

пореформенную, где относительно сложившиеся и укрепляющиеся государственные, политические и общественные институты опираются на поддержку гражданского большинства, стабильные общественные унаследования. Не отрицая очевидных проблем, мы видим, что современная Россия «...уже не то полупарализованное полугосударство, каким была еще десять лет назад»¹⁹. Она самоопределяется, постепенно встает на ноги, обретает собственную субъектность, причем не только на внешнеполитической сцене, но и как страна с самостоятельной судьбой, собственными планами на будущее.

Вместе с тем, национальное самосознание россиян остается противоречивым. Слабость, недостаточная интенсивность общегражданской идентичности, во многом носящей пока что формальный характер, компенсируются в ряде случаев усилением роли этнических компонентов, включающихся в процесс формирования самосознания. Однако за стремлением испытать чувство общности с русскими стоят в большей степени социокультурные, нежели какие-либо иные, факторы.

Русский радикальный национализм остается уделом меньшинства, а доля его носителей в течение последнего десятилетия стабилизировалась на отметке в 11–15%. Еще меньше тех, кто идентифицирует себя с политическими организациями радикально националистической направленности.

И еще один момент. Общенациональное сознание пореформенной России характеризуется резким повышением удельного веса в нем массовых суждений и оценок внешнеполитической направленности.

Подобное явление имеет свое объяснение. К середине 90-х годов XX в. в массовом сознании россиян постепенно утвердилось мнение, согласно которому при всей своей привлекательности западный путь развития, опыт которого переносился когда-то на отечественную почву, для России не приемлем. Как следствие, культурно-историческая самобытность российского общества стала интерпретироваться в качестве непреходящей базовой ценности. В соответствии с новой парадигмой стало переосмысливаться и отношение между «Мы» и «Они», в том числе применительно к внешнеполитическим задачам государства.

Отметим, что Запад выступает в российском самосознании в различных образах, сменяющих друг друга в зависимости от конкретных условий. В качестве доминирующего субъекта международных отношений он представлен разного рода политическими, военно-политическими и экономическими структурами, наиболее проблемной из которых является в глазах россиян НАТО, отношение к которому в российском обществе продолжает оставаться устойчиво негативным в течение ряда лет.

Что думают россияне по поводу перспективы интеграции России с Евросоюзом? В 2002 г. количество «еврооптимистов», связывающих будущее России с ее вступлением в объединенную Европу, превышало количество «евроскептиков» в соотношении 42% на 30%. К началу 2009 г. картина полностью изменилась: противники объединения с Евросоюзом составляли около 50%, в то время как доля еврооптимистов упала до 30%.

Означают ли приведенные данные, что россияне в большинстве своем являются откровенными противниками сближения России и Европы. Нет, не означают. Даже при том, что психология и культура российского общества, а также конкретная внешнеполитическая ситуация накладывают на эту про-

блему целый ряд условий ограничительного характера. В отличие от какой-либо другой внешнеполитической ориентации подобный процесс не вносит в российское общество нежелательной психологической напряженности и не провоцирует в нем значительных духовных расколов. Образно выражаясь, осуществление разумной стратегии сближения с Европой не потребовало бы от россиян «переступить через самих себя». И это само по себе достаточно важно. В конечном счете «европейский путь» может быть без особого внутреннего сопротивления (хотя и с определенными оговорками) принят всеми основными социально-демографическими группами и слоями населения. При условии, что движение по данному пути не принесет россиянам очевидных и болезненных разочарований, что зависит уже не только от России, но и от ее партнеров.

* * *

Подводя итоги, заметим, что, с социологической точки зрения, у России есть все основания для формирования и укрепления российской нации как гражданского надэтнического политического сообщества.

Не стоит забывать, что нация являет собой «...не просто результат этнокультурной унификации и “длительного исторического формирования”, а результат целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты по утверждению среди населения представлений о народе как нации, общих ценностях, символах, устремлениях»²⁰. Такие общие представления существуют в странах и с более разобщенным населением, чем в России. В современной России наблюдается складывание реальной общности россиян на основе исторических и социальных ценностей, патриотизма, культуры и языка. И важно, чтобы усилия элиты общества были направлены на утверждение этой общности через многие механизмы и каналы, но прежде всего посредством обеспечения гражданского равноправия, системы воспитания и образования, государственного языка, культурного и масс-медийного производства.

¹ Факт существования в России гражданского общества ставится под сомнение не только в ряде серьезных публикаций (см., например: Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития: мат. научн. конф. Москва, Институт федерализма и гражданского общества. 7 дек. 2000 г. М., 2001. С. 11, 19, 20), но и в оценках и мнениях рядовых граждан. Так, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в начале 2008 г. лишь 25% опрошенных считали, что гражданское общество в России уже сложилось и существует. При этом наиболее часто респонденты объясняли существование «гражданского общества» тем, что «есть законы, и они соблюдаются» (3%); «есть право отстаивать свои права» (1%); «есть митинги и акции протеста» (1%); «есть партии, общественные организации» (1%) и т.п., что, разумеется, никоим образом не исчерпывает характеристик гражданского общества. См.: *Канунников А.А.* Гражданское общество в России: настоящее и будущее // Мир и политика. 2008, № 12.

² Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития. С. 132.

³ См., например: *Ольшанский Д.В.* Политико-психологический словарь. М.: Академический проект, 2002; *Дилигенский Г.Г.* Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4; *Кара-Мурза С.Г.* Истмат и проблема Восток – Запад. М., 2002 и др.

⁴ *Зиновьев А.А.* Катастрофка. Повесть о перестройке в Партграде. М., 2003.

⁵ *Патрушев С.В.* Результатом становления и критерием гражданского общества является гражданин // Горбачевские чтения. Вып. 5. Гражданское общество: настоящее и будущее.

1937–2007: память и ответственность. М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), 2007.

⁶ Речь в данном случае идет об *обобщенном, или социальном, доверии*, уровень которого снизился в период с 1989 по 2007 гг. с 54% (данные ВЦИОМ) до 18% (данные ФОМ). Иными словами, в середине относительно благополучного, с социальной точки зрения, 2007 г. лишь 18% россиян полагали, что большинству людей можно доверять, тогда как 78% считали, что в отношениях с людьми следует быть осторожными. Подробнее см.: Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Под ред. Л.И. Якобсона. М., 2008. С. 168–169.

⁷ Здесь уместно и должно вспомнить слова великого русского философа, писателя и публициста И.А. Иванова, писавшего, что государственный строй – это не «одежда», которую можно сменить в любой момент; это, скорее, органически свойственное ему «строение тела», его костяк, несущий мускулы, органы, кровообращение и кожу. Только политические верхогляды, считал философ, могут воображать, будто народам возможно «даровать» их государственное устройство, будто существует единая государственная форма, «лучшая для всех времен и народов», а посему нет ничего опаснее и нелепее стремления навязывать народу то, что не соответствует его историческому бытию. См.: *Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России*: в 2-х томах. М., 1992. Т. 1. С. 194.

⁸ *Красин Ю.А.* Социальное неравенство в политическом измерении [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/rus/gos/socialnoe_neravenstvo_v_politicheskom_izmerenii_2008-11-4-16-29.htm>.

⁹ *Гуторов В.А.* Современные концепции гражданского общества [Электронный ресурс] // Режим доступа: <<http://go.philosophy.pu.ru/bib/index.html>>.

¹⁰ *Зарщиков А.* Проблемы становления Гражданского общества в современной России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <<http://www.pareto-center.ru/smi-38.html>>.

¹¹ *Havel V., Klaus V., Pithart P.* Civil Society After Communism: Rival Visions // *Journal of Democracy*. January 1996. Vol. 7, No. 1. P. 18.

¹² См., например: *Арутюнян Ю.В.* Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4; *Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В.* Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М., 2010; *Дробижева Л.М.* Процессы гражданской интеграции в политическом российском обществе // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2; *Горшков М.К.* Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // *Вестник российской нации*. 2008. № 1; *Паун Э.А.* От Третьего Рима к гражданской нации // *Независимая газета*. 14 февр. 2006 г., № 30 (3710); *Российская идентичность в Москве и регионах* / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2009; *Россия на рубеже веков* / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2000; *Русская идентичность на постсоветском пространстве* / Под ред. С.Ю. Пантелеева. М., 2008; *Тишков В.А.* Нация и национальная идентичность в России // *Вестник российской нации*. 2008. № 1 и др.

¹³ К этой группе относятся прежде всего положение в аскриптивных группах (половозрастных, семейных, расовых), а также принадлежность к различным формам культурных групп (цивилизационной, этнокультурной, конфессиональной). Подробнее см.: *Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В.* Указ. соч. С. 10–11.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Мартынов В.Ф.* Альтернативное пространство глобализации // *Диалог культуры и перспективы социокультурной глобализации в современном обществе*: Сборник научных статей / Под ред. В.Ф. Мартынова. М., 2005. С. 5.

¹⁶ *Дробижева Л.М.* Указ. соч.

¹⁷ Здесь и далее мы будем обращаться к результатам исследований: «Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (Институт комплексных социальных исследований, 1998 г.); «Новая Россия: десять лет реформ» (Институт комплексных социальных исследований, 2001 г.); «Европа и Германия глазами россиян» (Институт комплексных социальных исследований, 2002 г.); «Богатые и бедные в современной России» (Институт комплексных социальных исследований РАН, 2003 г.); «Социальное неравенство в социологическом измерении» (Институт социологии РАН, 2006 г.); «Городской средний класс в современной России» (Институт социологии РАН, 2006 г.); «Российская идентичность в социологическом измерении» (Институт социологии РАН, 2007 г.); «Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся?» (Институт социоло-

гии РАН, 2008 г.); «Чего опасаются россияне» (Институт социологии РАН, 2009 г.); «Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов» (Институт социологии РАН, 2009 г.); «Готово ли российское общество к модернизации?» (Институт социологии РАН, 2010 г.).

¹⁸ Исходной гипотезой при построении индекса выступало предположение, что дифференциация российского населения проявляется не только в том, что у него есть, но и в том, чего у него нет. Тем самым, рассмотрение реального уровня жизни включает не только оценку уровня благосостояния, но и оценку уровня депривации – испытываемых лишений и ограничений в общепринятом наборе потребительских благ. Подробнее см.: Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2009.

¹⁹ *Медведев Д.* Россия, вперед! // Российская газета: Федеральный выпуск. 11 сентября 2009 г. № 4995 (171).

²⁰ *Тишков В.А.* Нация и национальная идентичность в России.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН¹

В последние годы проблема гражданской идентичности россиян оказалась в центре внимания научных и политических дискуссий. И это понятно, потому что с конституированием новых независимых государств прежде всего решался вопрос о смене гражданской идентичности населения союзных республик бывшего СССР. Вместо граждан СССР без тяжелых потерь и страданий начался процесс новой государственно-гражданской самоидентификации. Российская Федерация – Россия провозгласила себя, и это было признано мировым сообществом, воспреемницей СССР и Российской империи, проведя десоветизацию страны. Из чего, как бы само собой, вытекала необходимость возрождения понятия «россияне» как самоидентификации народов прошлой России. Этот шаг преследовал также далеко идущую цель – построение в стране политической нации по западноевропейскому образцу.

Отметим, что в старороссийской и советской науке понятие «нация» рассматривалось сугубо в историко-социально-культурологической, а не политической интерпретации. То есть иначе, чем в западноевропейской традиции, которая, начиная с периода крушения феодализма, под «нацией» подразумевает не этническую, а гражданскую солидарность, «народ» как источник власти. Попытки отдельных ученых не только советской, но и постсоветской России ввести в научный лексикон понятие «нация» как согражданство отторгались, прежде всего в республиках, и не получили формально-юридического признания ни в одном из нормативных правовых актов Российской Федерации. И это объяснимо. Советская национальная политика во главу угла ставила задачу формирования новых, социалистических наций и в основу государственного устройства заложила принцип этнической федерации. Впоследствии, опираясь на тезис, что национальный вопрос в СССР решен, была поставлена амбициозная стратегическая задача формирования новой исторической общности – «советского народа», как надэтнической, политической структуры. Данное положение было закреплено в решениях КПСС. По сути, это был западноевропейский взгляд на «нацию» как политическую общность. Однако, несмотря на показное единомыслие того времени этнонациональные элиты в СССР настороженно отнеслись к этим партийным новациям, усмотрев в них скрытую форму идеи «слияния наций», о которой в свое время говорил В.И. Ленин.

Дискуссии вокруг понятия «российская нация», особенно оживившиеся в связи с рядом публикаций академика РАН В.А. Тишкова, до времени не перерастали в политическую полемику и не становились объектом внимания высших органов государственной власти. И вот 5 февраля 2004 г. в Чебоксарах (Республика Чувашия) на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал следующее: «Мы имеем все основания говорить о россий-

ском народе, как о единой нации, и мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное и историческое единство»².

Вступив в должность в 2008 г., Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, выступая на церемонии открытия V Всемирного конгресса финно-угорских народов в Ханты-Мансийске, подчеркнул, что «само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды, на многовековом мирном опыте проживания в одном государстве более ста шестидесяти народов. Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости»³.

Казалось бы, точки над «и» расставлены. И все же, в отличие от прежних времен, когда слова руководителя государства автоматически становились аксиоматическими, вышесказанные сентенции большим отрядом ученых и, во многом, гражданским сообществом не были восприняты как безальтернативные. Даже, казалось бы, безупречное по форме и содержанию высказывание В.В. Путина о «советском народе» как большом достижении СССР в формировании политической нации вызвало настороженность, когда он спроецировал его на «российский народ». Многие сочли, что при путинской политике «жесткой руки» и «вертикали власти» идея «российской нации» станет новым форматом слияния наций.

На сегодня преобладают три точки зрения по вопросу российской нации. Первая: да, российская нация сформирована, развивается. В подтверждение этого приводятся впечатляющие выкладки социологических исследований и опросов, по результатам которых уровень российской идентичности граждан приближается к 70%. Вторая: идея российской нации – не что иное как новая попытка русификации, умаления национального-этнического, угроза федерализму. Третья: «российская нация» как политическая нация, согражданство, – это то, к чему должна стремиться Россия. Однако Россия никогда не была государством-нацией в силу своей политической отсталости от Европы и не является таковой сегодня, поскольку в ней не сформировано гражданское общество.

Не ставя перед собой задачи анализировать названные точки зрения (каждая из них имеет достаточно широкую литературу типа «pro et contra»), мы попытаемся в общих чертах дать свое видение этой проблемы.

Первое. Естественно, трудно отрицать, исходя из чисто формальных признаков, что Россия по меньшей мере со времен буржуазных реформ Александра II не может не быть названа государством-нацией в общепринятой европейской трактовке. Государством-нацией, безусловно, был и СССР, и таковой, конечно же, является современная Россия.

Второе. Эти государства-нации (Российская империя, СССР, Российская Федерация) имеют принципиальное отличие от государств-наций Западной Европы и США. Суть этих отличий состоит в том, что Россия исторически – это православно-исламская, славяно-тюрко-финно-угорская цивилизация, а Запад, и прежде всего США, – это преимущественно протестантско-индивидуалистическая цивилизация. В данном контексте Россия – это многообразие. Здесь невозможна унификация. Страны Запада формировали свою государственность в том числе и путем ассимиляции, как правило, насильственной. Россия же эволюционировала как многонациональное, многорели-

гиозное, многоцивилизационное государство путем адаптации, интеграции, сожительства многих племен и народов. Она не понимала и не принимала ассимиляторство, сохранив в своем лоне все языки и верования.

Выступая в Храме Христа Спасителя в связи с началом празднования 1020-летия крещения Руси, Д.А. Медведев особо подчеркнул, что «реализация такого исторического выбора позволила нашим предкам глубже осознать собственную идентичность, серьезно укрепить национальное самосознание. Он отметил при этом, что уже на стадии своего зарождения российская нация, как и сама государственность, стала складываться как полиэтническая и реально сформировалась на базе синтеза восточных и западных культур. Имея в своей основе православное ядро, она была изначально открыта для других верований и культур»⁴.

Повторимся: в СССР суть национального вопроса состояла в том, чтобы формировать и развивать социалистические нации. Накануне распада СССР отмечалось, что в его составе живут и процветают 53 социалистические нации (по числу республик, автономных областей и округов). Можно сколько угодно иронизировать по этому поводу, но в национальном самосознании народов СССР фактор нации – не как согражданства, не как политической общности, а как общности этнической – был, говоря философским языком, категорическим императивом.

Третье. Означают ли названные выше посылы, что в условиях такой глубокой этнической дифференциации невозможна интеграция народов России в форме политической нации? Сразу же ответим: конечно, нет, не означает.

Приоритетная роль в разработке теории нации как политического феномена отечественным научным сообществом справедливо отводится академику В.А. Тишкову. В своих трудах он дал глубокий анализ эволюции понятия «российский народ», «россияне» как политической нации, опираясь на исследования, в том числе и выдающихся российских историков Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского.

Размышляя о таких понятиях как «нация», «народ», эти историки опирались на западноевропейскую методологическую мысль, что «государство – это форма народа». Исходя из этого, они связали формирование российской политической нации с периодом, когда государство начало «восторжествование над родовыми отношениями». По мнению Соловьева, уже при Иване IV Россия готовилась вступить в смью европейских народов. Шло фактическое и во многом юридическое уравнивание народов и религий, активно развивалась совместная деятельность сословий в делах хозяйственных и политических, входили в жизнь Земские соборы⁵. Конечно, это были лишь зачатки политической нации, которые впоследствии были заглушены введением крепостного права.

По Ключевскому, благодаря реформам Александра II, все российское сообщество уравнивалось перед законом. «Теперь оно, – писал историк, – состоит из одинаково свободных граждан, на которых падают одинаковые общественные и государственные повинности... До реформы Россию можно было называть Русским государством только в условно преувеличенном смысле. Это не было государство русского народа... Россия и в XIX веке оставалась невольничьей страной; только верхние классы ее населения (дворянство, духовенство и городской состав) были полноправными в тогдашнем размере русского полноправия...»⁶ С реформами Александра II сельские по-

датные классы (около 90% всего населения Русской империи)... «вступили в правовой состав государства, получили звание правоспособных граждан». Примечательны в этой связи слова канцлера Нессельроде, который 40 лет управлял дипломатическим ведомством в России: «мы знаем только одного царя; нам нет дела до России»⁷.

Этот краткий исторический экскурс позволяет сделать и такой вывод: процесс формирования политической нации (это относится не только к России) не есть непрерывное поступательное движение от низшего к высшему. На этом пути бывают откаты и даже полное затухание движения. Как замечает О. Шпенглер, «название римляне во времена Ганнибала обозначало народ, а во времена Траяна – только население»⁸. История российской политической нации также пережила такие перепады.

По всем формальным признакам, и это закреплено в преамбуле Конституции Российской Федерации, многонациональный народ России – суть российский народ – является единственным источником государственной власти, а значит (мы считаем, что это вытекает из данной преамбулы), и «российской нацией». В то же время здесь важна не столько формальная, чисто юридическая сторона вопроса, выражаемая словами «многонациональный народ – источник власти», сколько факт чувствования и сопричастности к России индивидуумов и народов как к своему Отечеству. Важна их самооценка прочности этого единства. Ведь общество в целом понимает, что после распада СССР в новой России – Российской Федерации – не могла сразу же политическая нация «советский народ» трансформироваться в политическую нацию «российский народ» путем замены паспортов, тем более с учетом таких составляющих «политической нации», как государственный, социальный, общественно-политический строй, характер господствующей идеологии, классовые отношения, религия и т.п. В этом понимании, конечно же, «российская нация» царских времен, «советская нация» времен СССР и «российская нация» нашего времени, сохраняя в чем-то преемственность, суть разные ипостаси. Соглашаясь с тем, что «российская нация» сегодня – это объективная реальность, мы считаем, что она находится лишь в начале своего пути после «реинкарнации», в поисках новых средств общероссийской идентичности. И поэтому сегодня речь должна идти о консолидации, об углублении политического, духовного единства всех этносов, всех индивидуумов страны, для которых Российская Федерация, Россия является общим Отечеством. Такой подход мы считаем главенствующим в сплочении народов, образующих российскую нацию. В этом процессе важны также и приоритеты.

Представляется методологически неверными формулировки в социологических исследованиях и опросах, когда респондентов спрашивают: «Кем вы себя больше чувствуете: русским, татариним или россиянином, европейцем (человеком мира)?». Это затуманивает существо вопроса. Ведь даже стопроцентный ответ, скажем, что человек ощущает себя больше всего россиянином, дает ли он основания для умаления идентичности? И наоборот, умаляет ли уровень сплоченности российской нации более высокий процент этнической самоидентификации? Здесь мы подходим к главному, по нашему мнению, теоретико-методологическому требованию при оценках уровней российской идентичности и, следовательно, к проблеме консолидации российской нации. Суть этого требования видится в том, чтобы при изучении

степени сплоченности российской нации не следовать слепо принципу иерархии идентичностей.

Выдающийся русский философ Г.П. Федотов писал: «Наше национальное сознание должно быть достаточно сложным и гибким, чтобы учитывать многонациональную специфику государства. Для народов великороссийской ветви это сознание должно быть *одновременно* великорусским, русским и российским. В том случае, когда речь идет о малороссах, формула приобретает такой вид: малоросское, русское, российское. Учет единокровного сопутствует в этих формулах расширению национального сознания и его тяготению к заботе об общем для всех нас доме. Задача каждого русского состоит в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его «русскости») в сознание российское. Это значит воскресить в нем, в какой-то мере, духовный облик всех народов России». Иными словами, Г.П. Федотов выстраивал национальное сознание (идентичность) как «множественное и не взаимоисключающее, а как бы расширяющееся и включающее в себя все более высокие уровни вплоть до общероссийского»⁹.

Как говорили древние: «Я римлянин, и притом галл». Примечательны в этой связи и слова О. Шпенглера: «Отличие народа от населения, то, что выделяет народ из населения, заключается во внутреннем переживании понятия “Мы”. Чем глубже это чувство, тем сильнее жизненная сила объединения»¹⁰.

В то же время не может быть возвышенного чувства любви к России (российская идентичность) без возвышенной любви к родному очагу (этническая, региональная, родовая идентичности). Соглашаясь с мыслью Г.П. Федотова о важности «одновременности сознания великорусского, русского и российского» в воспитании личности приоритетным, на наш взгляд, должно быть все же воспитание любви к первой ипостаси (этничности). Именно здесь заложен могучий потенциал расширения этнического самосознания в сознание более широкое, «без ущерба» для первого. Как отмечал И. Ильин, любовь к прошлому, к своим предкам, к истории своего народа порождает в человеке здоровую гражданственность, чувство Родины. И лишь духовно и национально самоутвердившемуся человеку доступна та высота, с которой перед ним открывается всечеловечность¹¹. С большой страстью об этом сказал А.С. Пушкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, –
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества.

Мы разделяем в этой связи формулу, предложенную В.А. Тишковым: «Россия – это нация наций». Первое слово – «нация» – означает надэтническую (гражданскую) идентичность. Второе слово – «наций» – конституирует

этнонациональную (этническую) идентичность. Таким образом, конструкция «Россия – нация наций» не отменяет идентичности и целостности этнонаций (этносов), ни русской, ни татарской, ни чувашской, ни какой-либо другой. Да, в этой формуле прослеживается некая аналогия с «советским народом» в ее первой части. Но она не однополярна, потому что вторая ее часть говорит об этнонациях как важнейшей составляющей единой российской нации.

Введение в широкий не только научный, но и политический оборот понятия «российская нация» оказывает большое влияние на формирование общественного сознания и в то же время требует выверенных подходов к трактовкам, относящимся к этническим процессам в современной России.

Опасения перехлеста в сторону деэтнизации, ассимиляционных тенденций высказываются довольно настойчиво не только в республиках, но и от имени русского народа. Характерна в этом отношении, например, статья писателя и журналиста А. Самоварова «И заспорили славяне...» в газете «Завтра» (9 сентября, 2009 г., № 37). Автор ставит вопрос: «Какая может быть правильная иерархия ценностей в нынешней РФ?». И отвечает: «Только когда во главу угла ставятся интересы русского народа. А почему русского, а не многонационального российского? Да потому, что нет в реальности этого многонационального народа, и народ РСФСР образца 1991 г. был более единым, чем нынешний народ РФ после двадцати лет строительства многонационального государства. Нет такого субъекта как российский народ, не к кому обращаться. Татары сами по себе, башкиры сами по себе, чеченцы сами по себе, и даже каждый народ многонационального Дагестана сам по себе». То есть во главу угла он ставит проблему не российской, а русской нации.

В той же газете (23 сентября 2009 г., № 39) политолог С. Кургинян дал развернутую критику позиции Самоварова, как глубоко вредной, возрождающей «племенную рознь», и, естественно, губительной для сохранения целостности российского государства. Соглашаясь в основном с Кургиняном, (лозунги типа «Грузия для грузин», «Украина для украинцев» и т.д. уже настолько дискредитированы, что добавление к ним призыва «Россия для русских» вряд ли покажется более привлекательной), все же заметим, что в статье Самоварова затронута очень серьезная проблема – проблема «кризиса старой идентичности».

Нация – «советский народ» – распалась. Самым разделенным оказался русский народ (около 30 млн россиян, идентифицирующих себя с «русской нацией»), остались за пределами Российской Федерации, подвергаясь нередко дискриминации). На постсоветском пространстве создаются по сути новые нации, причем в большинстве в виде этнонаций. В порядке исключения назовем Казахстан, где принцип политической нации стал конституционным, и даже ранее именуемая «Ассамблея народов Казахстана», возглавляемая президентом страны, обрела имя: «Ассамблея народа Казахстана».

Все это, конечно, не могло не вызвать кризиса идентичности русского народа, русской этнонации. Настрой Самоварова – не исключение. Если ранее, с петровских времен и до образования СССР, понятия «русский» и «россиянин» воспринимались в качестве синонимов, то за 70 лет советского периода понятие «россиянин» исчезло из лексикона. Сегодня оно зачастую воспринимается настороженно не только в республиках, но и среди русских. Это нужно учитывать и, не отступая от намеченной цели по консолидации

«российской нации», действовать на всех уровнях, начиная со школьной скамьи, продуманно и с большим тактом.

В то же время мы видим, что после политических ориентировок относительно «российской нации», данных первыми лицами страны, начался соревновательный зуд во многих социологических службах. Даже самые авторитетные из них спешат сообщить: «Последние социологические замеры показывают, что российская гражданская идентичность стоит на первом месте по сравнению с другими формами идентичности, включая этнонациональную».

Как это расценивать? Если бы так было в действительности, то это тревожный сигнал: значит, граждане России утрачивают собственное «национальное самосознание», ведь национальная (этническая) идентичность занимает особое место. Как замечает академик РАН А.А. Гусейнов, «национальная идентичность... сродни ценностной оценке отношения к матери и отцу». Не может быть прочной российская идентичность, если утрачиваются глубинные корни «в отчем доме». Да и сама реальность говорит о другом. Например, социологические опросы, проведенные в ряде республик и городов России в 2000 г., дали следующие результаты. На вопрос «Должны ли, по вашему мнению, республики, входящие в Российскую Федерацию, иметь право выхода из нее?» положительные ответы респондентов расположились так: Мордовия – 28%; Ставрополь – 32%; Татарстан – 32%; Ассамблея народов России – 36%; Уфа – 38%; Волгодонск – 46%; Астрахань – 47%; Кабардино-Балкария – 58%; Ингушетия – 73%¹².

По данным опросов населения, проведенных Институтом социологии РАН в 2010–2011 гг., в России очень высока вероятность конфликтов на национальной почве, а 51% россиян выражают готовность надолго или навсегда покинуть родину¹³.

Мировой и отечественный опыт подсказывает, что политическая гражданская нация не может возникнуть вне базовой основы, каковой является зрелая, сформировавшаяся этнонация. А это значит, что и осознанная российская идентичность (российская политическая нация) не может быть ничем иным, как синтезом этнических идентичностей всех народов (этносов) России. И в развитии этого процесса в целях достижения «единства в многообразии» важны выверенные не только методологические, но и дидактические подходы. Суть этих подходов логично вытекает из того, чтобы всегда учитывалась жесткая и непротиворечивая взаимосвязь «нации» как категории политической и «нации» как категории социально-исторической (этнонации).

Нация (этнонация) и производные от нее понятия «межнациональные» и «межэтнические» отношения, «этнокультурная» и «этнонациональная» политика исторически всегда играли огромную роль в организации государства, в преодолении разделенности общества, формировании его единства, сплоченности, в развитии демократии, что в полной мере проявилось в эпоху становления капитализма.

По мере этногенеза нации, наряду с ее духовно-нравственными, психологическими ценностями, растет осознание «нации» как самое себя в качестве суверена, источника власти, носителя общественных интересов, т.е. субъекта политики. Так, обнаруживается двойственная природа этнонации (духовная и политическая), которая проявляла себя ситуативно и легитимизирует максимальное сближение этнической и гражданской (политической) иден-

тичности. И чем мощнее будет потенциал этнической идентичности, подкрепленный ее политической волей, тем прочнее будет осознаваться идентичность применительно к России, т.е. общероссийская, а значит, сплоченнее будет российская нация. При этом важно, чтобы «национальное (этническое) самосознание» как можно полнее отражало и общие интересы страны. Тогда этничность и гражданственность все больше будут входить в русло сближения и становиться равноправными элементами как национального (этнического), так и общественного сознания, что создаст благоприятные условия для формирования и укрепления гражданского общества, в котором права человека и права наций (этносов) будут гармонично взаимодействовать как неконфликтные элементы одной системы.

Отмечая эту взаимосвязь, уместно еще раз процитировать О. Шпенглера: «Физиологическое происхождение существует только для науки, а не для сознания (духа) народа, и что ни один народ не воспринимает с энтузиазмом идеал “чистой крови”»¹⁴.

Как и в национальном вопросе, в развитии национального (этнического) самосознания действуют две тенденции: тенденция к этнической идентичности и тенденции к общероссийской (гражданской) идентичности. Здесь важно соблюдение баланса и, конечно же, наличие общей, объединяющей все народы гуманистической идеи. В противном случае национальное (этническое) самосознание может замкнуться на узкопрагматических интересах, а то и повернуть в сторону агрессивного этнического национализма.

В последние годы значительно возросло влияние религии на общественное и национальное (этническое) сознание. Исторически длительное время идет соперничество (а в ряде случаев взаимосвязь) между идентичностью национальной (этнической) и идентичностью религиозной. Известно, что в царской России, например, идентичности этнической не было, а была идентичность по вероисповеданию. В Западной Европе национальные различия оказались сильнее религиозных, в то же время в мусульманском мире не угасают идеи как панисламизма, так и пантюркизма при ведущей роли религиозной идентичности.

По данным исследования, проведенного Социологическим центром РАГС при Президенте РФ, в 35 высших учебных заведениях страны религия как объединяющий фактор людей одной национальности в ряде случаев выходит на ведущее место. Наиболее ярко это было выражено у студентов, исповедующих ислам. Для них религия была названа главным элементом идентичности (выше, чем язык, история, культура, территория). Большую роль религии в самоидентификации отводят студенты, условно говоря, симпатизирующие буддизму, иудаизму, протестантизму.

В то же время, исследования показали, что этническая и религиозная самоидентификация для студентов русской национальности значительно менее важна, чем для студентов других национальностей и вероисповеданий¹⁵. Это – сигнал, свидетельствующий о серьезном кризисе идентичности у русских молодых людей, требующий, по мнению экспертов, радикальных перемен, прежде всего в школьном гуманитарном образовании и воспитании, особенно с учетом того, что у учащихся очень плохие знания об истории и культуре народов России, высокий уровень ксенофобии и интолерантности.

Нациестроительство – громадная проблема воспитания. В обществе, в молодежной среде много рвачества, недружелюбия. России нужна новая

культура этнических межличностных отношений. Когда речь идет о ценностном статусе тех или иных народов, надо исходить из того, что все они – одинаковы, равны. Равны, несмотря на реальные различия между ними. Одно признание этого создает благоприятный фон, адекватную атмосферу межнациональных, межэтнических контактов¹⁶.

* * *

Все эти часто трудноуловимые, но весьма существенные факторы надо обязательно учитывать в процессе формирования и укрепления единства российской нации. Задача эта по своему значению имеет масштаб общенациональной идеи. От ее решения зависит судьба государственности России. По своей внутренней структуре, содержанию и форме обновляющаяся российская нация не может просто повторить себя как российская нация периода Российской империи, как «советская нация» или как современное государство-нация Запада. Она не должна поддаться западноевропейским соблазнам, как «плавильного котла» этнической ассимиляции, так и «мультикультурализма», ведущего к формированию параллельных этнических сообществ. Ее высшая цель видится в том, чтобы новая российская нация вобрала в себя все лучшее из предшествующего тысячелетнего опыта России и СССР, зияющего на политике взаимообогащения и сохранения этнического многообразия, на диалоге культур и этнокультурной солидарности, межэтнической лояльности, на единстве политической воли всех народов России.

Мы представляем себе процесс консолидации и упрочения российской нации не как движение к государству-нации, а как движение, опирающееся на культурно-цивилизационное многообразие России, – к формированию новой сущности России как государства-цивилизации. Этот смысловой ориентир этнонационального развития России может стать мощным фактором сближения идентичностей, когда обе самоидентификации личности – этническая и политическая (россиянин) – будут не конкурирующими, а взаимодополняющими друг друга.

¹ В основу статьи положена публикация автора в журнале «Вестник российской нации» (2009. № 9).

² Официальный сайт Президента Российской Федерации. www.president.kremlin.ru

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Соловьев С.М. Собр. соч. Кн. IV. С. 373.

⁶ См.: Ключевский В.О. Собр. соч. Т. 5. С. 277; 433–434.

⁷ Там же. С. 349.

⁸ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. М., 1995. Т. 1. С. 810.

⁹ Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Судьба и грехи России: в 2-х т. СПб.; София, 1991. Т. 2. С. 181.

¹⁰ Шпенглер О. Указ. соч. С. 810.

¹¹ См.: Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 1. С. 168.

¹² См.: Иванов В.Н., Яровой О.А. Российский федерализм: становление и развитие. М., 2001, С. 137, 142, 145, 150, 152, 156, 161, 166, 170, 186, 197.

¹³ См.: Независимая газета, 23 июня 2011 г.

¹⁴ Шпенглер О. Указ. соч. С. 879.

¹⁵ См.: Студенчество в многонациональных мегаполисах и крупных городах России: этническое самосознание и межэтнические отношения. М., 2008. С. 11–12.

¹⁶ См.: Гусейнов А.А. Этика межнациональных контактов // Миграционные процессы и межэтнические отношения в Москве. М., 2007. С. 34.

КАТЕГОРИЯ «РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И ФЕНОМЕН ПОЛИЭТНИЧНОСТИ

В исследовательской литературе существуют различные мнения как о сущности цивилизации, так и о цивилизационной природе России. Хотя ряд авторитетных авторов отказывает цивилизационному подходу в познавательной ценности, считая его «научно несостоятельным и морально ущербным»¹, все же немало историков, культурологов, социологов и иных исследователей используют его, стремясь к постижению закономерностей исторического развития – в том числе развития России. Довольно распространен подход к данной проблеме в русле концепции локальных цивилизаций. Полагаю, что применение этой концепции в общем корректно, поскольку позволяет не только изучать особенности развития России, но и определять ее место в системе других аналогичных систем.

Основные параметры российской цивилизации обычно сводят к следующим позициям: а) промежуточное положение между Востоком и Западом, что обуславливает сочетание в ней черт восточных и западных; б) цивилизация состоит из русской «сердцевины» (Руси), вокруг которой накапливались заимствованные явления и институты; в) периодические цивилизационные рывки в сторону Запада; г) огромное евразийское пространство – малозаселенное на востоке, без естественных сухопутных границ в качестве причины и фактора бурной военной и политической истории России (как формулировал А. Тойнби, двойной «вызов» – со стороны Запада и Степи); д) образование авторитарного государства; е) нередкое пренебрежение юридическими регламентациями, отсутствие фетишизации закона (по словам Н.А. Бердяева, Россия – самая государственная и самая безгосударственная страна в мире); ж) поликонфессиональность; з) полиэтничность.

При всех различиях в подходах многие исследователи едины в признании чрезвычайной устойчивости некоторых основных цивилизационных характеристик России. Такая устойчивость нередко (и, очевидно, верно) интерпретируется как традиционность, приверженность установленным жизненным стереотипам, а сама российская цивилизация относится к числу по преимуществу традиционных – в противовес либеральным цивилизациям. Исходя из исторических аналогий и закономерностей, нетрудно прийти к заключению, что хранителем цивилизационных традиций выступало прежде всего крестьянство², а их нарушителями, инициаторами инноваций оказывались политические и интеллектуальные элиты.

Определенному консерватизму способствовало сочетание некоторых специфических признаков, которые находились в противоречивом взаимодействии друг с другом³. Специфика развития России видится, во-первых, в значительной, доминирующей роли государства как централизованной структуры, организующей социум, выстраивающей его в иерархическую систему, которая подчинена целям социального и политического регулирования всей жизни населения; во-вторых, в синтетической, многослойной культуре (включая религиозную сферу) как комбинации традиций и новаций, восточных и западных заимствований⁴, а также совокупности нравственных

норм и ценностей, не одинаковых для разных общественных страт и народов страны; в-третьих, в доминирующей роли русского народа во всех сферах жизни, несмотря на полиэтничность населения.

Рассмотрение цивилизации как сложной структуры позволяет предположить наличие в ней некоего ядра, центра притяжения инокультурных элементов и источника стабильности культурно-исторической системы. В случае с Россией совершенно очевидно, что таким ядром являются русские государственность и культура.

Многие авторы специально выделяют русско-славянскую или русскую цивилизацию, порой придавая ей не свойственный научной терминологии экстагический антураж (цивилизация «Святой Руси», «Невидимого града Китежа» и т.п.). Политический кризис на Балканах в 90-е годы XX в. обострил внимание к теме славянского братства и особенно русско-сербской солидарности, что сказалось и на предмете исследования. В то время активно разрабатывалась (или скорее пропагандировалась) концепция цивилизационного единства православных славян. В сочинениях авторов левопатриотического толка подчеркивалось духовное единство славяно-православного мира, а Сербия изображалась в виде «форпоста нашей цивилизации»⁵. Таким образом, чисто академическая, казалось бы, теория превратилась в фактор политической жизни.

Авторы, изучающие русскую, или русско-славянскую цивилизацию, кажется, определились с ее специфическими чертами⁶: а) кровное родство составляющих ее народов и близость их языков; б) геополитическое положение между Востоком и Западом; в) единение с природой; г) соборность и «соборные черты славянской ментальности»; д) общинное устройство жизни, народовластие; е) православие и при этом веротерпимость; ж) общее культурное наследие. Кроме того, ее отличия склонны видеть в нестяжательстве, трудолюбии, добролюбии, высокой духовности и прочих идеальных конструкциях.

Как видим, в самом названии объекта изучения заложены трудно стыкующиеся компоненты: цивилизация славянская, но не охватывает неправославных славян (поляков, хорватов и др.), православная, но не охватывает неславянские православные народы⁷ (греков, румын, чувашей и др.). В целом представляется, что разработчики данной концепции ставили цель изучения законов развития прежде всего русского «народа-богоносца», и на фоне этой задачи нелогичность их цивилизационной конструкции уже не имела значения как второстепенная проблема. В данном случае мы сталкиваемся с явлением, которое знакомо и другим национальным историографиям, – некое самолюбование носителей якобы высшей цивилизации. М. Лахбаби метко обозначил таковых как «нарцисствующих цивилизаторов»⁸. Характерно, что при тщательном препарировании особенностей развития и культуры русского народа адепты разбираемой концепции не устаивают сколько-нибудь пристальным вниманием прочие цивилизации, отчего подобные исследования превращаются в апологию всего русского, далекую от профессионального научного анализа.

Конечно, мы не вправе игнорировать ни славянское ядро, ни русский культурно-исторический фундамент российской цивилизации (ее «этнический стержень», по определению А.С. Сеньявского, или «несущую конструкцию», по выражению В.К. Трофимова⁹). Однако авторы, более глубоко

изучающие историю России, не могут не учитывать также полиэтничность и поликонфессиональность ее, поэтому порой под обозначением «русская цивилизация» у них скрывается в действительности многонациональный российский социум, вовсе не сводимый к русскому народу¹⁰. Впрочем, известно, что во многих языках все россияне называются русскими (безотносительно к действительной этнической принадлежности).

В самом деле, постигать развитие России без составляющих ее народов непродуктивно, и в литературе уже отмечались как опасность искажения общей картины цивилизационных признаков России при подобном подходе, так и методологические и исследовательские трудности, связанные с преодолением руссоцентризма¹¹. В.А. Тонких и Ю.Л. Ярецкий резонно, на наш взгляд, предлагают рассматривать российскую цивилизацию как «совокупность типов и форм жизнедеятельности различных этносов, населяющих Россию, объединенных единым жизненным пространством, историческим временем и устойчивыми социально-экономическими отношениями»¹². Поэтому другим заметным направлением в историографии является исследование сочетания в российской истории и культуре разнородных элементов – восточных и западных, оригинальных и заимствованных, традиционных и инновационных... Это направление совершенно необходимо для познания закономерностей развития нашей страны, поскольку позволяет составить представление о ее государственности и культуре как о сложных, развивающихся, синтетических явлениях.

Тезис о России как своего рода мосте между Европой и Азией, Западом и Востоком, как зоны «встречи» христианского, мусульманского и языческого миров находит выражение в определении ее как цивилизации пограничной (например, «днепровско-волжско-сибирской»¹³) или чаще евразийской. Развернутое обоснование последнего подхода сделала И.Б. Орлова. По ее мнению, под евразийской цивилизацией следует понимать культурно-историческую систему, которая сложилась в ходе более чем тысячелетнего опыта взаимодействия народов, населяющих «срединный континент», что располагается между Китаем, Тибетом и «западным полуостровом Европой». Люди, живущие на очерченном пространстве, обладают особой евразийской идентичностью, или «общеевразийским национализмом»¹⁴.

Евразийская концепция приобрела популярность среди российских гуманитариев в 90-е годы XX в. – одновременно с открытием ими для себя цивилизационного подхода¹⁵. С одной стороны, сказался тогдашний повышенный интерес к трудам русских эмигрантов, с другой – евразийство в новых условиях показалось одной из удобных теорий для объяснения исторической общности народов и государств на просторах распавшегося Советского Союза. Эта общность сложилась благодаря единой территории огромного государства, присутствия в нем почти всех основных конфессий, связующей роли русского языка, единой исторической судьбе (в том числе в советский период). Адепты неоевразийства утверждают, что необходимо построить евразийскую цивилизацию как «ожидаемый плод... сознания миллионов ностальгирующих по СССР людей»¹⁶. Безусловно, повлияло и осознание исторической общности всех жителей распавшегося Союза – бывшего советского народа.

Драматические повороты в судьбе страны с необходимостью порождали вывод о ряде принципиальных, переломных вех ее развития. Любой хоть не-

много знакомый с отечественной историей человек без труда сможет назвать несколько таких событий: принятие христианства, монгольское завоевание, петровские реформы, революция 1917 года... Именно с такими событиями в работах некоторых авторов и связываются этапы цивилизационного развития России. Причем, отмечается, что «балансирование» ее между Западом и Востоком смещалось то в одну, то в другую сторону. В науке о цивилизациях впервые сходную точку зрения сформулировал, очевидно, А. Тойнби, который считал, будто русские на протяжении примерно тысячелетия принадлежали к византийской цивилизации, а затем совершили два мощных рывка в сторону Запада – стараниями Петра I и большевиков¹⁷. Впрочем, надо отметить, что тезис о византийском компоненте развития России не нашел поддержки у последователей Тойнби. Как правило, речь ведут о компонентах западных и восточных.

Здесь следует упомянуть продуктивную гипотезу А.С. Ахиезера об инверсионном пути развития России, ее постоянном «метании» от западной ориентации к восточной и наоборот¹⁸. В таком случае получается, что, например, период X–XIII вв. был эпохой в основном европейской ориентации, на протяжении последующих трех столетий царил азиатский инверсионный процесс, а с конца XVII в. вновь возобладало равенство на европейские образцы. Распространяя такой подход на советский период, отдельные исследователи склонны видеть в нем своеобразное возвращение к восточной парадигме развития¹⁹. Очевидно, в подобной интерпретации есть рациональное зерно: полное огосударствление всех сфер жизни в СССР было в некоторой мере сопоставимо с устройством восточных деспотий.

Иногда для анализа исторического пути российской державы используется критерий степени модернизации ее экономики и внутренней жизни в целом. Вновь, уже в который раз, ожил спор о значении преобразований Петра I. В чем-то этот спор повторяет на новом витке «вечную» дискуссию, начатую в XIX в. западниками и славянофилами. Одни авторы видят в петровских реформах начало истинной модернизации (фактически вестернизации) всех областей жизни – процесса противоречивого, не одинакового для различных регионов, растянувшегося на два столетия и выразившегося в конце концов в радикальной ломке устоев российского бытия после 1917 г.²⁰ Другие считают, что к началу царствования Петра сложился уже настолько прочный собственный социально-культурный фундамент российской цивилизации, что преобразования по западным образцам были обречены на системное отторжение, поверхностное внедрение и, стало быть, на неудачу²¹.

Последнее мнение обретает многообразные формы, и радикальные отличия развития России от Европы и Америки по-разному трактуются приверженцами различных политических сил. Так, один из лидеров радикально-демократического «лагеря» Е.Т. Гайдар был убежден в том, что она уже с XVI в. «оказалась в положении перманентно догоняющей Запад цивилизации», и вел речь о «вечно догоняющей русской цивилизации»²². Подобный подход традиционен для западных интеллектуалов, смотрящих на Россию как пытающуюся вестернизироваться и приобщиться к европейско-американским стандартам, преодолеть колебания между своей греко-византийской сущностью и стремлением перестроиться по образцу западных соседей²³. Отсюда и историю цивилизационного развития страны иногда начинают с первых централизованных мер по ее европеизации, т.е. с реформ Петра I²⁴.

Конечно, несоответствие российских особенностей западным едва ли может служить серьезным основанием для отказа России в собственной цивилизационной модели. Да и «Запад» при ближайшем рассмотрении оказывается вовсе не столь однородным, чтобы служить цельным образцом для подражания и копирования.

Для представителя же левопатриотических сил Н.И. Рыжкова «ясно, что западная цивилизация не смогла поглотить, ассимилировать русскую цивилизацию... Воспринимая западные технологические достижения, наша страна, будь то Россия Петра I или Россия Сталина, никогда не вливалась в западноевропейскую цивилизацию, а наоборот, обретала новые возможности для проявления своей яркой самобытности»²⁵.

Таким образом, несоответствие западным историко-культурным стандартам в одном случае трактуется как потуги (тщетные?) дотянуться до этих стандартов, в другом – как показатель историко-культурной самостоятельности российской цивилизации, которая изначально вовсе не ориентирована на следование нормам и устоям Запада. Впрочем, надо заметить, что ни тот, ни другой цитированный автор не предпринимают глубокого анализа истории и культуры страны, но опираются на общеизвестный фактический материал, интерпретированный посредством соответствующих политических убеждений.

На основании разнородности составляющих компонентов российского населения и его культуры некоторые исследователи вообще отказывают нашей стране в цивилизационном своеобразии. Эта точка зрения зиждется на авторитете все того же Тойнби, который в середине XX в. постулировал убеждение, будто «Россия до сих пор не создала собственной оригинальной цивилизации»²⁶. Подобное заключение зависит от критериев, что понимать под цивилизацией: западные ли демократии как светоч для всего человечества, сферу ли распространения одной из мировых религий или нечто иное. Однако и те исследователи, которые не считают степень приближения к западным стандартам уровнем цивилизованности, порой тоже не расценивают Россию как особую цивилизацию – прежде всего из-за механического, с их точки зрения, сочетания сегментов других, устоявшихся цивилизаций – как правило, здесь упоминают восточнохристианскую (православную) и исламскую. Иными словами, в данном случае берется конфессиональный критерий – один из многих и далеко не универсальный для такого явления, как цивилизация.

Многообразие и поливариантность развития российского социума не всегда позволяют применять к нему четкие мыслительные конструкции, выработанные для сравнительно гомогенных обществ Европы и Азии. Отсюда проистекает определенный скептицизм некоторых авторов, которые вообще не видят целесообразности в применении категории «цивилизация» для изучения России. Они считают, что данное понятие в целом правомерно, но в научном смысле бессодержательно, и в «российском контексте» способно выполнять лишь чисто описательные функции²⁷. Может быть, такой скептицизм вызван в том числе не окончательной сформированностью науки о цивилизациях: как известно, даже само это фундаментальное понятие имеет несколько равноправных значений.

Обратимся теперь к такой черте российской цивилизации, как полиэтничность. Прежде всего отметим, что понятие многонационального (до

формирования наций – полиэтничного) государства раскрывается в двух значениях: во-первых, как государство с этнически смешанным населением, во-вторых, как совокупность территориально ограниченных этносов, входящих в его состав²⁸. Особенностью таких сложных и обширных образований, как Россия, была сложная структурированность, несимметричность в отношениях между имперским ядром и периферией.

Сформировавшаяся в социологии система взглядов на парадигму связей «центр (ядро) – периферия» позволяет описывать и анализировать в том числе и межэтническое взаимодействие. Тем более что в конкретных условиях Российской империи на окраинах сохранялись собственные центры и, соответственно, локальные периферии (Польша, Грузия, Финляндия, среднеазиатские протектораты и др.), весьма прочные и долговечные. Один из ведущих исследователей данной проблемы Э. Шилз, в частности, выделяет три типа центрально-периферийного взаимодействия: 1) центр воспринимается большинством населения в качестве источника руководящих указаний относительно поведения, стиля жизни и убеждений; 2) между центром и периферией простирается большое расстояние, и периферия находится за пределами радиуса действия центра; кроме того, в отдаленных регионах имеются относительно независимые центры; 3) между центром и периферией опять-таки существует большое расстояние, которое заполняется целой лестницей уровней власти, каждый из которых в известной мере самостоятелен, но признает главенствующую роль «большого центра»²⁹. Полагаю, что третий тип (промежуточная модель между первыми двумя, по Шилзу) наилучшим образом отражает характер связей между правительственными инстанциями и провинциями колоссальной Российской державы.

Разумеется, все, кто брался за рассмотрение особенностей развития России, признавали многонациональный состав (и связанную с ним поликонфессиональность) ее населения в качестве одной из ее специфических черт. Даже сторонники концепции «этнически чистой» русской цивилизации не обходили его вниманием. Однако зачастую авторы ограничиваются простой констатацией, иногда давая лишь небольшие пояснения: каким образом им видится влияние указанных факторов на облик российской цивилизации. Как правило, это сводится к общим фразам – «многонациональный суперэтнос на изначально полиэтничной основе», возникший в результате интеграции народов; «многообразие народов, отличающихся различными нормами жизни, не способными к механическому сращиванию»; «переплетение множества культур»; «совокупность типов и форм жизнедеятельности различных этносов..., объединенных единым жизненным пространством, историческим временем и устойчивыми социально-экономическими отношениями», и т.п.³⁰

Фактор полиэтничности неразрывно связан с особенностями исторического развития государства. Включенность в него нерусских компонентов вовсе не означало отсутствия цивилизационной цельности, непреодолимого раскола, например, между христианским и мусульманским «полюсами». Образулся сложный синтез культур, несводимый к какой-либо одной конфессии, хотя представители неправославных вероисповеданий действительно изначально принадлежали к иным локальным цивилизациям, да и во время пребывания в составе России продолжали сохранять свои духовные центры вне ее пределов. Такое различие между регионами и народами державы

требовало анализа причин ее вековой устойчивости, отсутствия глобальных межэтнических (т.е. в данном контексте межцивилизационных) конфликтов. Сам факт относительной социально-культурной стабильности в империи и Советском Союзе – за исключением, естественно, периодов революционных кризисов – не позволяет согласиться с пренебрежительным отношением к широкому межэтническому взаимодействию там как к легенде, пропагандистскому вымыслу³¹.

Напротив, «Россия выработала такой тип межнациональных отношений, который учитывал интересы инородческих этносов и способствовал многовековой, относительно мирной совместной жизни народов различных расовых, религиозно-конфессиональных и этнических ориентаций»³². При этом формировалась «многослойная» идентичность – очевидно, характерная в целом для империй: наряду с принадлежностью к своему этносу (а у некоторых народов еще и к клану, племени, патронимии, тейпу и т.д.), его представитель начинал осознавать себя еще и россиянином – жителем, подданным, наконец, гражданином общего Отечества. Причем, если до 1917 г. такое осознание еще во многом персонифицировалось в фигуре монарха, то позднее, как мне представляется, выработалась идея причастности именно к советскому «надэтническому» государству как общей Родине населяющих его народов.

Неизбежно встает вопрос о причинах и факторах этих сложных интеграционных процессов. Первое место здесь занимает организующая роль государства. Национальная политика в России была (и во многом является сейчас) этатистской – полностью подчиненной политическим соображениям, интересам имперской государственной машины. Обычная для империй идеология требовала в первую очередь преданности монарху, исполнения обязанностей перед ним вне зависимости от национальности и вероисповедания. В таких условиях принадлежность подданного к определенному этносу отходила на второй план, уступая место по значимости его социально-сословной и конфессиональной принадлежности.

Именно государство являлось той системой, которая инициировала включение все новых и новых элементов в российское сообщество народов. Как правило, присоединяемые к России подданные сначала сталкивались с деятельностью государственной машины в лице армии и пришлого провинциального чиновничества и лишь затем подвергались воздействию новых, привнесенных экономических и культурных явлений.

Попробуем выделить некоторые закономерности во взаимодействии власти и этнических групп. В контексте государственной истории данный вопрос предстает в виде анализа отношений Центра и периферийных регионов (в том числе национальных).

Разделение территории на административные единицы было присуще всей истории России, как и любого другого государства. За последние пятьсот лет российская политико-административная система прошла длительный и сложный путь развития. Параллельно шло налаживание системы связей с «инородческим» населением. Основными факторами, определявшими особенности этих процессов, являлись следующие: а) огромная территория с редконаселенными северными и восточными регионами; б) многонациональность населения и в том числе правящей элиты; в) постепенное накопление и сочетание собственных традиций и внешних заимствований;

г) использование в государственном управлении административных систем новоприсоединенных владений; д) доминирующая роль государства и государственной бюрократии (по сравнению с частной инициативой) в освоении новых территорий и в развитии экономики; е) абсолютное преобладание на всех уровнях управления русских чиновников («православных», по терминологии XVIII–XIX вв.).

Перечисленные характеристики в разной степени проявлялись и после 1917 г., хотя в советский период государственное строительство велось гораздо более целенаправленно, чем до революции, и к тому же сопровождалось изощренным идеологическим обоснованием, чего не было в прежние времена.

В целом для системы административно-территориального деления и управления в России можно определить некоторые фундаментальные принципы.

В отличие от СССР, где управление всей территорией было унифицированным, в Российской империи имелись значительные региональные различия в принципах и приемах управления. Главная причина этого разнообразия заключалась в постепенности формирования государственной территории и населения, а также в неодинаковых исторических обстоятельствах присоединения регионов. Таким образом, административная структура была объективно обусловлена самим ходом истории и развития страны. В определенной степени вся система управления представляла собой сочетание общеимперских и местных административных канонов. Например, деление на крупнейшие провинции сопровождалось сохранением традиционных «дорусских» подразделений на низшем уровне: округов, волостей, улусов и т.д.

Как правило, правительство стремилось без резкой ломки адаптировать дороссийские институты к целям управления. Это вызывалось, во-первых, нехваткой русских чиновников на громадном пространстве державы, во-вторых, стратегией на постепенное приспособление новых подданных к жизни в составе России. Полный слом национального государственного механизма происходил лишь после присоединения государства военным путем (татарские ханства, имамат Дагестана и Чечни). Но и в этом случае нижние звенья администрации (общинные, волостные и пр.) могли оставаться в том виде, в каком они существовали до прихода русских.

Время от времени правительство предпринимало радикальные преобразования провинциального деления и местного управления. Самые крупные из них – это областные реформы Петра I 1708 и 1719 гг. и губернская реформа Екатерины II 1775 г. Идея и терминология губернской системы порой копировали германо-шведские образцы³³, но на российской почве эта система в ряде элементов соответствовала допетровским структурам (некоторые звенья управления, слепо перенесенные из Европы на российскую почву, довольно быстро отмерли).

Наряду с сохранением существенных локальных различий, центральная власть в то же время пыталась постепенно унифицировать административную структуру регионов, и карта империи в результате данных мероприятий существенно перекраивалась. Во всех губерниях учреждалось единообразное штатное расписание чиновников с детальной проработкой их функций и обязанностей. Окраинные территории одна за другой утрачивали особый статус и превращались в обычные губернии с унифицированной системой

налогообложения, правовым режимом и т.д. Тем не менее к 1917 г. в России еще имелось несколько регионов со специфическим юридическим положением: области казачьих войск, протектораты, горные округа, Польша и Финляндия.

Указанные мероприятия проходили в русле объективной тенденции к выработке единого стандарта имперского подданства и управления и объяснялись именно ее действием, а вовсе не зловещим умыслом удушить этническую самобытность подданных народов – вопреки утверждениям националистически настроенных историков в странах бывшего СССР. Эта тенденция просматривается в России с начала XVII в. (введение воеводского управления после Смуты), действовала на протяжении последующих столетий и обрела законченное выражение в XX в.

В досоветское время территория России не делилась по национальному признаку. Причина заключалась в обычном для империй принципе равенства всех подданных перед престолом, вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Пожалуй, было бы и невозможно ввести невиданное для нашей страны регионально-этническое деление, поскольку это нарушило бы всю историческую логику складывания государственной территории. Формально в разное время сохранялись присоединенные «царства», а также азиатские протектораты; но, во-первых, все они были многонациональными, во-вторых, имели обозначения не по населявшим их народам, а по историческим областям и столицам (Польша, Бухара, Хива, Казань, Астрахань, Сибирь, Урянхай).

После Октябрьской революции одни народы бывшей империи стали «титularными» для союзных республик, вторые – для автономных республик, третьи – для автономных округов, а четвертые остались без «собственных» административных образований. При этом русские не попали ни в одну из перечисленных категорий. Различия в статусе национальных образований сыграли негативную роль и показали заложенную в них опасность только в 80–90-е годы XX в., когда Советский Союз вступил в стадию необратимого кризиса.

Одним из принципов государственной жизни являлось разграничение юрисдикции и, следовательно, компетенции между центральным правительством и региональными властями. Как правило, на всех подданных империи распространялись уголовные уложения. Административное же законодательство чаще всего формировалось местными властями, с учетом управленческих установлений (а иногда и патриархальных обычаев) местного населения. Соответственно и отдельные функции судопроизводства передоверялись местным этническим элитам.

Для отдельных территорий разрабатывались особые законодательные установления: решения Боргоского сейма 1809 г. для Финляндии, «Устав об управлении сибирских инородцев» 1822 г., «Правила по управлению калмыцким народом» 1825 г. и др. Особое место в имперской структуре занимали договоры о протекторате над Бухарским эмиратом 1867 г., Хивинским ханством 1873 г. и Урянхайским краем (Тувой) 1914 г.

Кроме того, все государство делилось на округа по ведомственному принципу – военные, жандармские, судебные, учебные, церковные (епархий). Здесь на местах уже действовали общеимперские нормы, и никаких

локальных вариаций не допускалось. Столь же унифицированными были статус и обязанности служащих окружных учреждений.

Важным элементом регионального управления являлось сотрудничество центрального правительства с местными национальными элитами. Включение народов и племен в число имперских подданных происходило как военными, так и мирными путями. Но в любом случае для новоприсоединенных земель избирались способы наименее болезненного вовлечения их в административную структуру империи. Правительство шло на сотрудничество с местными элитами (дворянством, земельными магнатами, князьями, родоплеменной верхушкой), оставляя им определенную долю власти при условии лояльности и исправного исполнения финансовых и управленческих обязательств.

Отношения с традиционной знатью народов на окраинах строились на совершенно иных принципах, нежели с губернским чиновничеством, которое получало должности по назначению, а оклады – из государственной казны. Здесь также сказывалась второстепенность для имперской власти этнической принадлежности подданных. Ликвидация местной аристократии практиковалась лишь в единичных случаях, на первых этапах создания многонациональной державы (завоевание татарских ханств в XVI в.). Абсолютно доминировало вовлечение элит в структуру управления, что достигалось: а) сохранением традиционных сословных прав и привилегий; б) включением в общий корпус российского дворянства; в) при переходе в православие – возможностью беспрепятственной карьеры на государственной и военной службе или при дворе.

На протяжении XVI–XIX вв. при управлении окраинами правительство почти никогда не заостряло вопроса о формальном статусе территорий. Считалось достаточным, чтобы данный регион значился в высшей государственной символике (царском титуле, затем гербе империи); включался в сферу компетенции внутри-, а не внешнеполитических центральных ведомств; входил в одну из крупных административных единиц – воеводство, губернию, наместничество и т.п.; на него распространялось действие общероссийского законодательства; его население выплачивало налоги в казну и выполняло прочие обязательные повинности (например, рекрутскую)³⁴.

Некоторые региональные особенности в административном устройстве и управлении, равно как и привилегии, дарованные местным элитам, воспринимались в качестве царских пожалований. Поэтому не могло возникнуть мысли о разработке каких-то самостоятельных, помимо правительства, законодательных актов, и тем более конституционных проектов. Разве что в западных провинциях местная интеллигенция и дворянство предпринимали подобные попытки, что вызывалось воспоминаниями об утраченной польской и литовской государственности. На восточных окраинах лишь в период революционного кризиса начала XX в. стали действовать общественные движения, которые занялись в том числе и разработкой основ национальной государственности.

Советское административно-территориальное устройство в целом радикально отличалось от имперского, но некоторые основополагающие принципы сохранялись в неприкосновенности, поскольку были присущи любой государственной системе (принцип деления территории, направление на места эмиссаров центральной власти, привлечение к управлению представителей

местного населения, в том числе разных национальностей и др.). Наиболее же существенным новшеством коммунистических властей была сознательная политика по формированию национальных управленческих элит.

Советский период в истории российской цивилизации занимает особое место. Объективная логика исследования побуждает авторов продолжать линию культурно-исторического развития России и на XX век, т.е. на время после Октября 1917 г. Постепенно политизированные интерпретации советского общества и Советского Союза как империи-монстра, «идеологически мотивированной сверхдержавы» (по С. Хантингтону) отходят в прошлое, уступая место более спокойному и объективному анализу. Правда, оценки советской эпохи пока только формируются в науке о цивилизациях, и, похоже, по степени дискуссионности эти оценки смогут в будущем встать в один ряд со спорами о значении петровских реформ. Так, если К. Вайцзеккер считает, что в России (как и в Китае) старая империя сумела в результате социалистической революции соединить социализм с традиционной структурой централизованной правительственной власти, то В. Кантор убежден в том, будто с отменой частной собственности большевики как бы отменили и принцип последовательного, преемственного развития российской цивилизации³⁵.

Действительно, невозможно отрицать, что многие жизненные устои империи подверглись сознательному уничтожению после революции. В результате индустриализации, урбанизации, массовых миграций (иногда принудительных, в том числе репрессивных) и утверждения атеизма, а также все более широкого распространения сферы применения русского языка и многого другого началось стирание межнациональных различий народов Советского Союза, особенно в среде городского населения. Унификация культуры и образа жизни, а также формальное уравнивание всех граждан перед законом без различия национальностей создали необходимые предпосылки для формирования единой цивилизационной общности – явления, которое до начала XX в. существовало в России лишь как нарастающая тенденция. Параллельно можно вести речь и о формировании так называемой гражданской нации – сообщества граждан государства без различия национальностей.

Особое значение при этом имела советская идеология и ее носительница Коммунистическая партия. Марксистско-ленинская идеология (в ее своеобразной, конъюнктурно-схоластической интерпретации) и партия соединяли страну в одно целое, предлагали общую советскую идентичность, маскируя исторические и культурные различия регионов.

Цивилизационная общность населения России XX в. получила наименование «советского народа». Напрасно некоторые критики «тоталитарного режима» считают это понятие фикцией, безжизненной идеологемой. Советский народ, безусловно, существовал, как отмечает В.А. Тишков, не только в гражданском обществе, но и в социально-культурном смысле, о чем говорят общие признаки ментальности и повседневной культуры на всем пространстве бывшего СССР³⁶. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в докладе на XXIV съезде незаслуженно приписал партии заслугу формирования этой «новой исторической общности»³⁷. На самом деле общность оказалась как раз далеко не новой, а сформированной и подготовленной предшествующим долгим развитием российской государственности и культуры.

Наряду с отмеченной выше преобладающей тенденцией к унификации, в России XVII–XX вв. действовала противоположная тенденция – центро-

бежная, выражавшаяся в сепаратизме отдельных регионов и национальных окраин. Во времена кризисов она усиливалась (начало XVII в., 1917 г.), а в конце XX в. проявилась в крайней форме – как дезинтеграция и распад союзного государства. Это второе направление развития как бы дремало или было подавлено на протяжении 20–70-х годов XX в., но не исчезло вовсе. Стремление к децентрализации продолжало подспудно существовать в массовом сознании (прежде всего у интеллигенции) и в среде эмигрантов. В эпоху «перестройки» набравшие силу республиканские элиты смогли добиться все большей самостоятельности и в конце концов полной государственной независимости.

Показанные выше некоторые особенности исторического развития России позволяют утверждать, что понятие «российская локальная цивилизация» имеет право на существование и охватывает самые разные сферы социокультурного бытия российского народа. Будут ли это организация управления или законодательство, экономика или культура, межэтническое сближение или конфликты – во всех этих областях обнаруживаются признаки интеграции, многие из которых прошли проверку на прочность на протяжении XVI–XX вв.

¹ Шнирельман В.А. Слово о «голом» (или не вполне голом) короле // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 56. См. также: *Алаев Л.Б.* Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 87–112.

² *Сеняевский А.С.* Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века // Россия и мировая цивилизация: к 70-летию чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова / Редколлегия: А.Н. Боханов и др. М., 2000. С. 567.

³ Вероятно, лишь Н.Я. Данилевский увидел в России непротиворечивое и гармоничное сочетание религиозных, культурных, политических и общественно-экономических факторов. См.: История России (Россия в мировой цивилизации): курс лекций / Под ред. А.А. Радугина. М., 1998. С. 26. Об этих факторах и признаках подробнее см.: *Аствацатурова М.А.* К вопросу о цивилизационном своеобразии России. Владикавказ, 1995 [Деп. в ИНИОН РАН, № 50836]. С. 8; *Ахизер А.С.* Россия – специфическая цивилизация // Россия и Запад: диалог культур / Твер. гос. ун-т. Отв. ред. Б.Д. Губман. Тверь, 1994. С. 22–24; *Везегова В.В.* Геополитический аспект формирования российской цивилизации // Русская цивилизация: исторический феномен или миф? тез. докл. регион. конф. / Отв. ред. Л.Я. Шмарковский. М., 1998. С. 33; *Ерасов Б.С.* Антиномии российской цивилизации // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты / Отв. ред. Е.С. Елбакян. М., 1998. С. 45–46. *Он же.* Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3: Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения / Гл. ред. Б.С. Ерасов. С. 14; *Карадже Т.В.* Диалектика взаимодействия цивилизации и культуры: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1995. С. 14–15; *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995. С. 17; *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995. С. 22, 27; *Пастухов В.Б.* Особенности взаимодействия элементов российской цивилизации // Цивилизационные исследования / Отв. ред. Б.И. Коваль. М., 1996. С. 190–196; *Савруцкая Е.П.* Цивилизационно-коммуникативные аспекты российского образа жизни // Культура и цивилизация: вопросы теории и истории: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. С.А. Ермаков. Н. Новгород, 1998. С. 25–26; *Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л.* Россия: цивилизация и культура. М., 1998. С. 26.

⁴ Обычно выделяют три совокупности инокультурных компонентов в истории и культуре России: влияния и заимствования византийские, восточные (по преимуществу золотоордынские и более поздние тюрко-татарские) и западные (до Петра I – польские, затем западноевропейские, а в конце XX в. американские). Об этом см., например: *Трепавлов В.В.* Государственная традиция в России (вопросы типологии, периодизации, источников происхождения) // Историческое познание: традиции и новации / Сост. и общ. ред. В.В. Иванова, В.В. Пузанова.

Ижевск, 1993. С. 173–176; *Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России. Статья 2: Россия – варварская цивилизация? // *Общественные науки и современность*. 1995. № 6. С. 78–79; *Trepavlov V.V.* Traditions In Russian Statehood // *State and Minorities: a Symposium on National Processes In Russia und Scandinavia*, Ekaterinburg, March 1996 / Ed. by V.V. Alekseev, S. Lundkvist. Stockholm, 1997. P. 17–20.

⁵ См., например: *Рыжков Н.И.* Конфронтация или диалог? // *Независимая газета*. 1999. 28 сент. С. 8.

⁶ См., например: *Агафонов В.П.* Русская цивилизация. М., 1999; *Платонов О.А.* Русская цивилизация. М., 1992; *Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности* / Сост. Е.С. Троицкий. М., 1998.

⁷ Развивая теорию А. Тойнби о религии как ведущей составляющей цивилизации, болгарская исследовательница В. Николова выделила особую православную цивилизацию, включающую Византию и Болгарию, но без России. См.: *Николова В.* Православная цивилизация. Според на философско-историческа модел на Арнолд Тойнби. София, 1994.

⁸ *Lahbabi M.A.* Du clos à l'ouvert. Vingt propos des cultures nationales et la civilization humaine: 2-e ed. Alger, 1971. P. 153–161.

⁹ *Сеняевский А.С.* Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века // *Россия и мировая цивилизация*. С. 566; *Трофимов В.К.* Душа русской цивилизации. Ижевск, 1998. С. 129.

¹⁰ См., например: *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* История человечества и русская цивилизация. Ростов н/Д., 1995; *Стојнић М.* Руска цивилизација. Београд, 1994. Пытаясь примирить цивилизационные категории «русский» и «российский», отдельные исследователи трактуют русскую цивилизацию как часть цивилизации российской, но имеющую самостоятельное общемировое значение. См.: *Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л.* Указ. соч. С. 26.

¹¹ См., например: *Кателер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 10–12; *Флиер А.Я.* Об исторической типологии российской цивилизации // *Цивилизации и культуры*. М., 1994. Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения. С. 95.

¹² *Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л.* Указ. соч. С. 26.

¹³ *Семенов С.И.* Особенности политической культуры в пограничных цивилизациях как фактор прогресса или инволюции // XVI конгресс Международной ассоциации политических наук, Берлин, 21–15 августа 1994 г. М., 1994. С. 1.

¹⁴ *Орлова И.Б.* Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998. С. 109, 112.

¹⁵ В последнем десятилетии XX в. были созданы основные концептуальные разработки по этим теоретическим конструкциям применительно к России. Позднее интерес к данной тематике, как мне представляется, значительно снизился.

¹⁶ *Сааданбеков Ж.* Мы необходимы друг другу // *Независимая газета*. 2000. 23 февр. Прилож. «Содружество НГ». С. 12.

¹⁷ *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106.

¹⁸ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: в 3-х т. М., 1991; см. также: *Смирнова М.В.* Историческое место России в мировой цивилизации // *Актуальные проблемы современной цивилизации* / Под ред. В.В. Романова, В.Н. Никитенко, В.М. Пескова. Хабаровск, 1996. С. 59. М.В. Смирнова пишет не об «инверсиях», а о смене цивилизационных ориентаций, т.е., в конечном счете, о том же явлении.

¹⁹ См., например: *Флиер А.Я.* Указ. соч. С. 113. Один из вариантов детальной периодизации подобного рода разработал Ю.В. Яковец. См.: *Яковец Ю.В.* Путь к партнерству локальных цивилизаций // *Локальные цивилизации в XXI веке: столкновение или партнерство?* // *Мат. к X Междисциплинарной дискуссии* / Под ред. Ю.В. Яковца. М., 1998. С. 51–52).

²⁰ *Семенникова Л.И.* Цивилизационные парадигмы в истории России. Статья 2 // *Общественные науки и современность*. 1996. № 9. С. 53–55.

²¹ *Яковенко И.Г.* Указ. соч. С. 79.

²² *Гайдар Е.Т.* Соч. в 2-х т. М., 1997. Т. 1: Государство и эволюция. Дни поражений и побед. С. 48.

²³ См., например: *Denness M.* Russie – Occident. Philosophie d'une difference. P., 1991.

²⁴ *Современные теории цивилизаций* / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995. С. 10 (Ф. Бэгби); *Gong G.* The Standard of «Civilization» in International Society. Oxford, 1984. P. 100–106.

²⁵ Рыжков Н.И. Конфронтация или диалог? С. 8.

²⁶ Тоунbee А. A Study of History. L.; N.Y.; Toronto, 1961. Vol. 12. P. 6.

²⁷ Панфилова Т.В. Проблематичность осмысления специфики России с помощью «цивилизационного подхода» // Русская цивилизация: исторический феномен или миф? С. 45–47.

²⁸ С.Н. Артановский определяет названные значения как многонациональность соответственно долокализованную и локализованную. См.: Артановский С.Н. На перекрестке идей и цивилизаций: исторические формы общения народов. СПб., 1994. С. 75.

²⁹ Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / Ред. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 174–175.

³⁰ Аствацатурова М.А. Указ. соч. С. 8; Смирнов В.В. Место России в мировой цивилизации // Русская цивилизация: исторический феномен или миф? С. 15; Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л. Указ. соч. С. 26.

³¹ См., например: Кантор В. «...Есть евразийская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997. С. 102.

³² Трофимов В.К. Указ. соч. С. 129.

³³ Федосова Э.П. Из истории российской государственности (шведский опыт) // Россия и мировая цивилизация. С. 185–194.

³⁴ Трепавлов В.В. Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в России (XVI–XX века) // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.А. Михайлов. М., 1999. С. 115–117.

³⁵ Кантор В. Указ. соч. 1997. С. 271; Weizsäcker K.F. The Ambivalence of Progress. Essays on Historical Anthropology. N.Y., 1988. P. 46–47.

³⁶ Тишков В. Народ и символика // Независимая газета. 2000. 5 дек. С. 3.

³⁷ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1971. Т. 2. С. 232.

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ КАК УСЛОВИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

*Отсутствие эффективного государства –
угроза национальной безопасности России*

Благополучное развитие страны, совместное и солидарное существование различных этнических групп, межэтническое и межконфессиональное согласие возникают только в условиях обязательной, равной и полной ответственности перед законом всех – и правящей элиты, и граждан, а также компетентной деятельности чиновников и граждан. Соблюдение закона всеми участниками общественных отношений, своевременное и качественное решение возникающих проблем может обеспечить только эффективное государство, которого сегодня в России нет.

В настоящее время в России плохо работают и судебная система, и прокуратура, и полиция, так как государство не обеспечивает соблюдение закона в стране, не работает рыночная конкуренция и, как следствие, отсутствует мотивация к производительному труду. Результатом является низкий уровень жизни у абсолютного большинства россиян, высокий уровень смертности, безработица, постоянно растущий уровень миграции из страны образованной и способной молодежи.

Абсолютно неэффективное российское государство, состоящее из ни за что не отвечающих и, следовательно, некомпетентных чиновников, не только не способно обеспечить в стране соблюдение закона, но с огромным трудом и на крайне низком уровне исполняет свои прямые обязанности по управлению страной. Поэтому можно с достаточной определенностью утверждать, что сегодня в России государство как таковое фактически отсутствует.

Показательной вершиной этого стала ситуация в уральском поселке Сагра. События, которые там произошли 1 июля 2011 г., – это схема существующего порядка, когда власть не только не обеспечивает соблюдение закона, но и сама его нарушает. Так, полиция преступно не вмешивалась в деятельность наркомафии, и когда люди дали ей отпор, бандиты попытались их наказать, приехав из Екатеринбурга на 15 автомобилях. Посельчане вынуждены были самостоятельно и с оружием в руках защищать себя от бандитов.

Все произошедшее напоминает времена Гражданской войны, когда по просторам страны носились всевозможные банды на тачанках, захватывая села. Разница лишь в том, что сегодня бандитские повозки сменились внедорожниками. Только в условиях отсутствия государства вооруженная банда из нескольких десятков человек могла собраться и приехать за 50 километров «наказать» поселок, будучи уверенной в полнейшей беззащитности жителей и в своей безнаказанности.

За отсутствие государства российское общество платит огромную цену – жизнями людей. Подтверждение тому – трагические события последних двух лет, унесшие сотни жизней россиян. В их ряду – авария на Саяно-Шушенской ГЭС, пожар в ночном пермском клубе «Хромая лошадь», взрыв на шахте «Распадская», летние пожары прошлого года, взрывы армейских

арсеналов в Ульяновске, Башкирии и Удмуртии, террористические акты по подрыву «Невского экспресса», взрывы в московском метро и в аэропорту «Домодедово», постоянные террористические акты на Северном Кавказе. А крушение теплохода «Булгария» в Куйбышевском водохранилище стало символом гнивающей, нежизнеспособной системы общественных отношений, характеризующейся имитацией функционирования государства.

Отсутствие государства угрожает взрыву межэтнических отношений. Первые звонки уже состоялись на Манежной площади 11 декабря 2010 г. По сути, коррупция власти, беззаконие, воспринятые людьми как острая несправедливость, приобрели межэтнический конфликт.

Для решения всех вышеназванных проблем необходима система жесткого внешнего (государственно-законодательного) ограничения эгоистичных поступков индивидов, приводящих к нарушению прав, свобод и интересов, здоровья и благосостояния других людей. Но такая система может быть создана и обеспечена только эффективным государством. А чтобы воплотить ее в жизнь, нужна просвещенная, компетентная и национально ориентированная правящая элита, обладающая достаточными для этого знаниями и волей.

Пока же, прикрываясь необходимостью «поиска модели солидарного мира», представители российских элитарных групп и кланов на встречах с Президентом и премьером страны, а также в Федеральном собрании пытаются «по-тихому» договориться между собой, чтобы, как это всегда было в отечественной истории, реализовывать свои эгоистичные интересы за счет остального населения России. При этом они стремятся избежать какого-либо упоминания о своих обязанностях и ответственности перед страной и многоэтническим российским народом.

Правящая элита – движущая сила модернизации страны

Благополучными могут быть только страны, способные в нужное время и в нужной очередности проводить необходимые преобразования. Но для этого их правящие элиты должны быть ответственными и компетентными и обладать необходимой политической волей. Под правящей элитой в политической науке принято понимать социальную группу, занимающую вершину государственной власти, контролирующую крупную собственность, значительные финансовые, медийные и иные ресурсы, которые позволяют ей принимать государственные решения, вести за собой общество, определять стратегию развития страны.

Верхняя социальная группа, принимающая государственные решения, по-настоящему становится элитой только тогда, когда защищает национальные интересы своей страны. Если правящая элита своевременно и компетентно проводит назревшие реформы, то страна укрепляется и эффективно развивается. В противном случае элита не справляется с вызовами времени и терпит крушение, а на смену ей приходит новая правящая элита, осуществляющая необходимые преобразования.

Внутри любой правящей элиты существуют противоречия между недальновидными, невежественными, алчными и безответственными ее представителями, живущими одним днем, и иной, просвещенной частью элиты,

ориентированной в будущее, стремящейся укрепить свое положение, а вместе с ним и положение страны путем проведения необходимых реформ.

Каждый раз, когда в правящей элите верх берут первые, в стране наступает кризис политических, экономических и общественно-государственных отношений, приводящий к резкому обострению комплекса противоречий внутри самой правящей элиты, между элитой и народом, а также между элитами разных стран.

Современной российской элите надлежит усвоить следующее. Во-первых, правящая элита, которая является единственной реальной силой, способной к проведению в России требуемых преобразований и обладающей для этого всеми необходимыми ресурсами – властью, богатством и крупной собственностью, – возлагает на себя тем самым повышенную ответственность перед страной и народом. И именно признание этой ответственности приводит к появлению национально-ориентированной элиты.

Во-вторых, для того чтобы что-либо получить, элите и ее представителям необходимо прежде чем-то пожертвовать, в том числе поделиться с народом частью властных полномочий и получаемых доходов (прибылей).

В-третьих, только в сильной стране с эффективно функционирующим государством, обеспечивающим верховенство закона и необходимые условия для мотивации граждан к высокопроизводительному труду, а тем самым и эффективную экономику, элита может чувствовать себя защищенной со стороны внутренних и внешних конкурентов при любом изменении политической обстановки.

Нынешняя Россия – крайне слабая страна, которой необходима кардинальная перестройка сложившейся системы общественно-государственных отношений, в первую очередь политико-экономических. Стать сильной Россия может только при появлении в ней компетентной, национально-ориентированной правящей элиты, обладающей соответствующими мотивами, необходимыми знаниями и достаточной политической волей. Поэтому просвещенной части правящей элиты, осознавшей насущную необходимость модернизации страны, предстоит выступить в качестве главной движущей силы этого процесса.

Конечной целью преобразований для элиты оказывается создание сильной страны, а главным инструментом, позволяющим это достичь, становится эффективное государство, которое на определенном этапе становится и целью, и средством модернизации. Однако вследствие некомпетентности и безответственности современной российской элиты, ее нежелания и неумения отстаивать национальные интересы России, ей так и не удалось создать эффективное государство – главный инструмент обеспечения устойчивого и благополучного развития страны.

В настоящее время в России возможны два пути дальнейшего развития событий – революционный (путь «снизу») и эволюционный (путь «сверху»). Если российская правящая элита по-прежнему будет заниматься лишь имитацией модернизации, то неизбежен худший вариант – социальный взрыв (подобный произошедшим в Киргизии, Тунисе, Египте, Йемене и других странах Северной Африки), который сметет эту элиту с политической арены, лишив ее власти, денег и собственности, и погрузит страну в хаос. Кому это выгодно? Только мировым конкурентам. Нужен ли такой сценарий российской правящей элите? Конечно, нет, да и народу он ни к чему.

Альтернатива социальному взрыву – эволюционный процесс преобразований политических, экономических, социальных отношений, осуществляемых сверху просвещенной частью правящей элиты страны, ставшей движущей силой модернизации. Но для этого российской элите необходимо осознать неотложность преобразований, обрести политическую волю и принять соответствующие решения.

При этом возникает тема ответственности просвещенной части правящей элиты, основанной на ее готовности к осуществлению реформ и компетентности – знанию того, что, как и в какой последовательности надо делать. В настоящее время недостаточно произносить правильные слова, следует еще обладать знаниями и политической волей, а с этим у российской элиты большие проблемы. Сегодня требуется не организация самовлюбленного пиара, а реальное осуществление необходимых реформ.

По сути вопрос стоит не столько о выживании России, так как она в любом случае выстоит и будет благополучно развиваться, как это случалось уже не единожды в ее истории, сколько о выживании нынешней правящей элиты страны. Сейчас на повестку дня поставлен вопрос о том, с нынешней элитой, или без нее (уже с другой элитой) будет происходить дальнейшее развитие России.

Все надежды российской элиты на сохранение в стране политико-экономической стабильности, прочности власти и обеспечение устойчивого развития России в условиях благоприятного развития мировой экономики и высоких цен на энергоресурсы – в корне ошибочны. Устоявшийся порядок нынешней системы политических, экономических и социальных отношений в стране – иллюзорный и кажущийся, скрывающий истинный беспорядок множества разнонаправленных личных и групповых эгоистичных устремлений и интересов представителей правящей элиты.

Еще больший беспорядок присутствует в деятельности государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти и чиновников, озабоченных лишь набиванием мощны, погрязших в коррупции и воровстве бюджетных средств, в массе своей безответственных и некомпетентных. Поэтому без изменения структуры государственно-властных отношений и создания механизмов прозрачности и ответственности, воспроизводящих компетентность всех участников существующей политико-правовой и экономической систем России, невозможно успешное осуществление модернизации страны и сохранение нынешней элитой своих внутренних и внешних позиций.

В процессе модернизации, как изменения системы сложившихся экономических, политических и социальных общественных отношений, на «старую матрицу» личных и групповых (клановых) интересов и противоречий, сформировавшуюся и устоявшуюся внутри существующей правящей элиты, неизбежно накладывается конфигурация иных интересов и противоречий. Они возникают либо у прежних членов элиты (в том числе составляющих наиболее просвещенную ее часть, которая понимает необходимость проведения перемен и готова к ним), либо у неизбежно сменяющих их представителей новой элиты, старающихся воспользоваться имеющимися противоречиями и обеспечить собственные эгоистичные интересы.

Причем эта новая конфигурация «внутренних» противоречий и интересов правящей элиты, вызывающая нарушение существующей структуры по-

литических и экономических отношений ее представителей, всегда является отражением возникшего в стране «внешнего» кризиса общественно-государственных и социально-экономических отношений, связанного с неэффективностью государства, некомпетентностью и безответственностью власти. В свою очередь, кризисы общественно-государственных и социально-экономических отношений всегда оказываются следствиями жадности, глупости и эгоизма представителей правящей элиты, неизменно живущих и решающих свои проблемы за счет остального населения страны.

Получается порочный замкнутый круг, благополучно выбраться из которого правящей элите никогда не удастся без жертв – существенных потерь и уступок народу. И именно они составляют суть любой модернизации.

Как было сказано выше, чтобы что-либо получить, элите необходимо прежде чем-то пожертвовать. Для того чтобы сохранить свои власть, богатства и собственность, а подчас свободу и жизнь, представителям элиты придется пожертвовать, поделиться с народом частью властных полномочий и поступиться сверхприбылями. Ибо лучше сохранить что-то, чем потерять все.

В этой связи главным условием самосохранения правящей элиты, от действий и воли которой зависит судьба необходимых преобразований в стране, оказывается не только защита ее представителями личных интересов, но и учет интересов народа, а следовательно, отстаивание национальных интересов России. В соответствии с этой первоочередной для нее задачей самовывживания элите предстоит создать сильную страну и эффективное государство, способное обеспечить соблюдение закона всеми участниками общественных отношений, а также условия для мотивации населения к высокопроизводительному труду, рост уровня жизни народа и повышение качества человеческого потенциала.

Итак, для успешного преобразования страны правящая элита должна решить основную задачу – сформировать эффективно функционирующее государство, являющееся главным инструментом модернизации России и способное придать процессам реформирования целенаправленный и управляемый характер. При этом совершенствование всей совокупности общественных отношений напрямую зависит как от обеспечения законности, соблюдения и защиты прав и свобод человека, так и от ответственного, компетентного и своевременного решения возникающих проблем, т.е. от эффективности деятельности системы государственного управления.

До тех пор пока государство не сможет обеспечить неукоснительное соблюдение закона всеми участниками общественно-экономических отношений и тем самым поставить надежный барьер монополизму сращенных с чиновниками и силовиками коммерческих структур, не заработает конкуренция – движущая сила рыночной экономики. Только конкуренция способна побудить бизнес к наращиванию производительности труда с помощью внедрения инноваций и организации труда.

При неэффективном государстве, не способном бороться с монополизмом в экономике, нельзя рассчитывать на то, что российские частные и государственно-частные монополии вдруг начнут заниматься сокращением издержек и повышением производительности труда. Ибо им и так хорошо при современных высоких стоимостях энергоресурсов, в разы завышенных ценах и тарифах на услуги, способствующих заоблачным уровням прибы-

ли. Поэтому до тех пор, пока государство не начнет эффективно работать, надеяться на успешное проведение модернизации российской экономики бесполезно.

В этой связи важнейшей задачей правящей российской элиты становится срочное проведение активных и компетентных действий по построению эффективного государства. Если она этого не сделает, то существующая в стране политико-правовая система неизбежно развалится, а элита будет сметена с политической арены и канет в небытие, как развалились ранее царская Россия и Советский Союз и исчезли соответствующие элиты.

Создание механизмов прозрачности и ответственности – инструмент строительства эффективного государства

Чтобы настроить государство на эффективное функционирование, элите придется кардинально изменить структуру и принципы государственных отношений. Суть этих изменений – во внедрении в структуру властно-государственных отношений механизмов прозрачности и неукоснительной личной ответственности исполнителей, единственно позволяющих устранить коррупцию, некомпетентность и неэффективность чиновников и государственной системы в целом. А в этом и состоит основной смысл модернизации государства.

Мы хотим еще раз повторить, что добиться ответственности чиновников за принимаемые ими решения и осуществляемые действия можно только с помощью системы полной прозрачности всей их деятельности. При этом под прозрачностью следует понимать свободный доступ граждан к полной, достоверной, своевременной и регулярной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Представляется важным конкретизировать понятия, составляющие смысл прозрачности. Свободный доступ граждан к информации о деятельности органов власти подразумевает возможность получения информации в первую очередь с помощью системы Интернет. Достоверная информация означает информацию, не вызывающую сомнений. Своевременная информация – та, которая поступает оперативно и в нужный момент. Регулярная информация – информация, предоставляемая равномерно и правильно, через определенные промежутки времени. В настоящее время прозрачность деятельности государственных органов и органов местного самоуправления законодательно не обеспечены, поэтому правящей элите необходимо незамедлительно внести в законы соответствующие поправки.

С 1 января 2010 г. вступил в силу закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Как отмечалось выше, закон позволил значительно расширить возможности контроля граждан и всего общества над деятельностью органов власти и их должностных лиц. Вместе с тем в этом законе отсутствует механизм прозрачности; как следствие, он работает формально и потому нуждается в значительных дополнениях.

Первое из них состоит в установлении законодательной нормы, согласно которой все властные учреждения обязаны сообщать для всеобщего сведения

полную информацию о своей деятельности за исключением той, перечень которой определен законом о государственной тайне. Данная норма позволит, во-первых, полнее раскрыть деятельность государственных органов и органов местного самоуправления и их должностных лиц; во-вторых, сделать размещаемую информацию об их деятельности императивной. В настоящее время вышеприведенный закон не устанавливает ни полноты, ни обязательного характера размещаемой информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

Второе дополнение должно предусматривать обязательное упоминание как авторов любых решений, т.е. конкретных должностных лиц, подготовивших проекты этих решений, так и лиц, принявших их (в том числе и коллегиально) в органах исполнительной, законодательной и судебной власти и органах местного самоуправления.

Третье дополнение – все принимаемые органами власти решения вступают в силу только после опубликования (размещения) их в Интернете и соответствующих информационных источниках. Работа этих норм и публичность принимаемых решений приведут к повышению персональной ответственности государственных и муниципальных служащих, судей, депутатов, иных представителей власти и их компетентности.

Четвертое дополнение – вся информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления должна быть достоверной, своевременной, регулярной и постоянно обновляемой. Функционирование данной нормы позволит гражданам и всему обществу осуществлять регулярный и повсеместный контроль над деятельностью государственных и муниципальных служащих, судей, прокуроров, сотрудников органов внутренних дел, иных представителей власти.

Следует подчеркнуть, что прозрачность должна касаться всех ветвей и структур органов государственной власти, а также монополизированного бизнеса. Смысл свободного доступа граждан к полной, достоверной, своевременной и регулярной информации о деятельности представителей власти состоит в том, что госслужащие, депутаты, судьи, прокуроры, сотрудники органов внутренних дел, муниципальные служащие и прочие должностные лица всегда должны быть на виду. Ибо закрытость и секретность их деятельности неизбежно приводят к нарушению закона, коррупции, безответственности и некомпетентности.

Имея такую информацию, народ и институты гражданского общества могут оперативно оценивать деятельность органов власти и должностных лиц. При безответственном исполнении последними своих обязанностей и нарушении закона российские граждане получают возможность легитимного давления на власть путем проведения журналистских расследований, выступления в СМИ, обращения в органы власти, подачи судебных исков, перевыборов депутатов всех уровней, глав местного самоуправления, публичных акций – митингов, шествий, демонстраций и т.п.

Законодательное введение механизма прозрачности обеспечит двойной контроль над представителями органов государственной власти. С одной стороны, им придется работать в условиях повышенной ответственности и внутренней конкуренции, так как их руководители и коллеги по работе будут знать, кто, чем и как занимается. С другой – все они оказываются под посто-

янным контролем общества – конкурирующих между собой партий, СМИ, общественных организаций, профсоюзов и рядовых граждан.

Интегрирование указанных выше норм в закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» позволит укрепить правовое обоснование прозрачности и, как следствие, создать благоприятные условия для результативного общественного контроля над деятельностью государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц. Кроме того, прозрачность будет способствовать активному вовлечению институтов гражданского общества (СМИ, общественных палат, партий, общественных организаций, профсоюзов) и простых граждан в процесс модернизации России.

Важная роль в создании эффективной и компетентной власти, а как следствие, эффективного государства принадлежит задействованию механизма всеобщей и неукоснительной ответственности. Для его реализации в закон «О противодействии коррупции» необходимо внести статьи, не утвержденные Государственной думой при ратификации Россией в 2006 г. «Конвенции ООН против коррупции», – о «конфискации имущества» и «незаконном обогащении». Именно конфискация доходов и имущества, нажитых преступным путем, как убедительно свидетельствует мировой опыт, являются наиболее действенным методом повышения ответственности.

Эффективным инструментом ответственности является также норма 20 статьи Конвенции, устанавливающая уголовное наказание за незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать. Ратификация норм «конфискации» и «незаконного обогащения» и внедрение их в российское законодательство позволит значительно повысить ответственность должностных лиц в государственных органах власти и органах местного самоуправления.

Существенную роль в создании механизма ответственности может сыграть использование такого инструмента, как полиграф (детектор лжи). Практическая польза от применения полиграфа в органах государственной и местной власти очевидна, так как он способен выявлять коррумпированных служащих, пресекать разворовывание государственного бюджета и так называемые «откаты», минимизировать риски, связанные с незаконными действиями недобросовестных чиновников. Применяя полиграф при отборе кадров, уже на начальном этапе можно отсеять тех, кто совершал ранее какие-либо преступления (в том числе не выявленные правоохранительными органами), имеет порочные наклонности (алкоголь, наркотики, азартные игры) или тех, кто на предыдущих местах работы использовал свое служебное положение для личного обогащения.

В настоящее время в России отсутствует правовое обеспечение использования полиграфа в органах государственной и местной власти. В этой связи представляется актуальным установление в российском законодательстве норм, касающихся использования полиграфа как одного из инструментов повышения ответственности государственных служащих.

Внедрение в государственно-властные отношения механизма ответственности, включающего перечисленные выше инструменты, откроет возможности для воспроизводства компетентности среди представителей власти, которая будет основываться на законе естественного отбора. В результате в

государственных органах управления останутся те, кто умнее, инициативнее, ответственнее, – люди, способные компетентно и эффективно работать. А лица, нарушающие закон, вымогающие и берущие взятки, безответственно относящиеся к своим обязанностям и не способные к компетентной деятельности, сами уйдут со своих постов. При таких условиях естественной конкуренции окажутся ненужными искусственные (президентские, губернаторские) «списки перспективных кадров».

С использованием механизма ответственности у российских граждан возникнут возможности быть востребованными во власти не по принципу личной преданности, дружбы, совместной учебы или службы, но единственно в соответствие с их деловыми и профессиональными, умственными и моральными способностями. А у элиты появится эффективный инструмент ротации кадров.

Реформа судебной и правоохранительной систем – ресурс модернизации России

Огромную роль в создании эффективного государства играют суды, прокуратура и органы внутренних дел. В настоящее время они нуждаются в серьезном реформировании. Обновление судебной и правоохранительной систем будет определять качество и скорость процесса создания эффективного государства. Цель реформы судов, прокуратуры и органов внутренних дел – добиться, чтобы они обеспечивали работу закона в Российской Федерации и строго стояли на его страже, т.е. были эффективными. Создание эффективной судебной и правоохранительной систем требует решения ряда взаимосвязанных задач.

Во-первых, общество начнет доверять российской судебной и правоохранительной системам лишь тогда, когда те начнут работать эффективно. А для этого деятельность судей, прокуроров, сотрудников внутренних дел следует сделать открытой для контроля общества. Судебная и правоохранительная системы будут оставаться неэффективными, пока не уйдет в прошлое закрытая от общества, бесконтрольная и, как следствие, безответственная и порождающая некомпетентность система государственно-властных отношений. В этой связи задача реформирования судебной и правоохранительной систем состоит в законодательном обеспечении прозрачности и ответственности деятельности судов, прокуратуры и органов внутренних дел.

Здесь под прозрачностью следует понимать свободный доступ граждан к полной, достоверной, своевременной и регулярной информации об исполнении обязанностей судьями, прокурорами и сотрудниками органов внутренних дел, за исключением информации, относящейся к государственной тайне и оперативно-розыскной деятельности. В настоящее время прозрачность деятельности судов, прокуратуры и органов внутренних дел, равно как и иных органов государственной власти, законодательно не закреплена, поэтому правящей элите необходимо незамедлительно внести в законы соответствующие поправки.

Во-вторых, модернизация судебной и правоохранительной систем должна обеспечить качественную социальную защиту сотрудников органов внутренних дел, судей и прокуроров: они должны получать достойную за-

работную плату, иметь гарантированное бесплатное жилье и медицинское обслуживание, солидную пенсию. Если судьи и прокуроры уже обладают такой социальной защитой, то сотрудники органов внутренних дел этого пока лишены. Достаточно сказать, что в настоящее время заработная плата сотрудников органов внутренних дел в 8–10 раз ниже таковой у судей и в 3–4 раза ниже, чем у прокурорских работников.

В-третьих, реформа судебной и правоохранительной систем заключается в создании механизма ответственности судей, прокуроров и сотрудников органов внутренних дел. Одной из составляющих механизма ответственности, наряду с прозрачностью, является размещение полной и достоверной информации о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера судей, прокуроров, руководящих сотрудников органов внутренних дел, а также членов их семей на официальных сайтах данных органов. В настоящее время из-за неполной информации об отчете судей, прокуроров и сотрудников МВД, а также из-за отсутствия проверки достоверности представленных сведений данный механизм работает формально.

Действенным инструментом повышения ответственности судебной и правоохранительной систем может быть полиграф. Процедура проверки на детекторе лжи должна стать обязательной для любого судьи, прокурора и сотрудника органов внутренних дел, начиная от проверки абитуриентов юридических вузов и курсантов вузов МВД, рядовых и заканчивая старшими офицерами.

В настоящее время процедура обследования сотрудников органов внутренних дел на полиграфе проводится выборочно и не имеет правового закрепления. Судьи и прокуроры практически не проходят такую проверку. В этой связи проверка на детекторе лжи (полиграфе) на предмет нарушения закона и коррупции должна стать обязательной для всех судей, прокуроров и всего личного состава МВД, проводиться регулярно, записываться на видео и храниться в архиве постоянно.

Эффективным инструментом механизма ответственности является конфискация имущества и лишение льгот. Однако из-за отсутствия в российском законодательстве международных норм института конфискации борьба с коррупцией в судебной системе, прокуратуре и органах внутренних дел, равно как и других государственных органах, осуществляется неэффективно. В этой связи необходимо незамедлительно интегрировать нормы международного права института конфискации в российское законодательство, о чем говорилось выше.

Ряд мер по осуществлению реформы МВД в части повышения ответственности уже закреплен целой серией указов Президента России и законопроектов, рассматриваемых сейчас Государственной думой. В том числе инициированы поправки в Уголовный кодекс, согласно которым статус сотрудника МВД при совершении им преступления будет считаться отягчающим обстоятельством. В целях создания эффективной правоохранительной системы эта норма должна распространяться также на судей и прокуроров.

Целесообразно добавить в эту норму положение, устанавливающее, что после вступления в силу приговора суда необходимо лишать чинов, званий и наград, служебной квартиры и т.п. осужденных судей, прокуроров и сотрудников полиции. Это заставит их перед совершением правонарушений задумываться о судьбе своих близких в случае уголовного преследования.

Следует также законодательно запретить возможность условного наказания для судей и сотрудников правоохранительных органов.

Прозрачность деятельности судей, прокуроров и сотрудников органов внутренних дел поставит их под действенный контроль российского общества. Институты гражданского общества – СМИ, общественные организации, общественные палаты, политические партии и граждане – благодаря прозрачности получают возможность осуществлять эффективный контроль над ними в различных формах и способах. В этих целях следует дополнить Закон «О полиции» и ряд иных законов соответствующими поправками и дополнениями.

Так, в Закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» необходимо ввести следующую норму: «В Интернете в обязательном порядке размещать всю информацию о деятельности судов, за исключением сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну». А пристальный общественный контроль неизбежно заставит суды выносить законные, доказанные и обоснованные решения.

Представляется целесообразным отменить нормы, позволяющие судьям выносить субъективные решения, следуя так называемым личным убеждениям и тому подобными положениями. Необходимо руководствоваться только статьями действующего законодательства с обязательным детальным законодательно-правовым обоснованием выносимых ими решений, чтобы сразу становились видны их некомпетентность или коррупционный интерес.

В целях повышения эффективности работы прокуратуры и органов внутренних дел законы «О прокуратуре Российской Федерации», «Об Общественной палате Российской Федерации», «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и «О полиции» следует дополнить следующими нормами:

1) «На сайтах общественных палат и Уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации публиковать все жалобы граждан в органы внутренних дел и прокуратуру по ненадлежащему исполнению сотрудниками полиции своих обязанностей. Руководство МВД и прокуратуры обязано отвечать на данные жалобы на этих же сайтах».

Российские граждане должны видеть, кто пострадал, кто виноват и как виновный ответил за нарушение закона. Действуя в условиях прозрачности, судьи, прокуроры и сотрудники внутренних дел будут вынуждены ответственно и компетентно решать свою главную задачу по обеспечению соблюдения законов Российской Федерации, исполнению, охране и защите конституционных прав и свобод граждан. А безответственным и некомпетентным сотрудникам придется покинуть службу.

2) «На сайтах общественных палат и Уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации организовать рубрику обращений и жалоб сотрудников органов внутренних дел на произвол начальников в системе МВД. Обязать руководство МВД и прокуратуру отвечать на данные жалобы на этих же сайтах».

Такие жалобы откроют для всего общества нарушения в деятельности должностных лиц в органах внутренних дел и покажут, насколько добросовестно и профессионально они исполняют свои служебные обязанности.

Все это повысит ответственность и правовую культуру должностных лиц системы МВД, обеспечит их компетентность.

3) «На сайтах общественных палат, Уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации публиковать данные общественного контроля о деятельности дежурных частей ОВД и порядке содержания граждан в изоляторах временного содержания».

Случаи унижения и издевательства над людьми при этом станут открытыми для реагирования Уполномоченного по правам человека и прокуратуры. Это будет способствовать повышению ответственности сотрудников органов внутренних дел при исполнении ими своих служебных обязанностей.

4) «На сайтах общественных палат, Уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации публиковать жалобы граждан на произвол сотрудников ГИБДД, связанные с вымогательством взяток, неполным, необъективным и/или несвоевременным выяснением ими обстоятельств ДТП. Обязать руководство ГИБДД и прокуратуру отвечать на данные жалобы на этих же сайтах».

Реформа судебной и правоохранительной систем достигнет своих целей лишь тогда, когда данные системы станут эффективными. Но для обеспечения эффективной работы судам, прокуратуре и органам внутренних дел необходимы постоянная поддержка и помощь общества. Однако российское общество поддержит их только в том случае, когда увидит в них защитников прав и свобод граждан. А такими судебная и правоохранительная системы станут только тогда, когда будут открытыми для граждан и подконтрольными обществу.

Именно прозрачность деятельности судей, прокуроров и сотрудников органов внутренних дел поможет сформировать ответственные государственно-властные отношения. Как следствие, судьи, прокуроры и работники полиции начнут следить за обеспечением и соблюдением закона всеми участниками общественных отношений – должностными лицами органов государственной и местной власти, бизнесменами и обычными гражданами. А Россия начнет двигаться по пути создания эффективного государства.

Пока же в шумихе, поднятой по национальному вопросу после известных событий на Манежной площади представителями правящей элиты и обслуживающими их журналистами СМИ, больше чисто предвыборной риторики и политики, а также желания отдельных групп и кланов, прежде всего этнических, под этим прикрытием урвать свой кусок «пирога» из государственного бюджета страны и перераспределить собственность. А также поправить пошатнувшееся финансовое положение, нежели в действительности заниматься проблемами национальных республик, входящих в состав Российской Федерации.

Между тем главными из проблем по-прежнему остаются полная некомпетентность представителей региональных и местных элит, повсеместная коррупция и разворовывание бюджетов, клановые войны, ведущиеся под прикрытием борьбы с терроризмом, монополизация чиновничеством бизнеса, сращивание властных, правоохранительных и судебных органов с бандитскими группировками, массовая безработица населения и отсутствие у граждан мотивации к производительному труду.

Выводы

Благополучие России, солидарное и гармоничное развитие различных этнических групп и конфессий, мир, доброжелательный для всех культур, могут быть достигнуты лишь тогда,

– когда в стране начнет править Закон, независимо от этнической и религиозной принадлежности населяющих ее людей, традиций и мировоззрений, которых они придерживаются, а также от социального статуса, экономического положения человека и занимаемой им должности в системе властно-политического управления государством;

– когда неотвратимая ответственность каждого за принимаемые им решения и совершаемые поступки выдавит из органов власти безответственных и некомпетентных, замаранных в коррупции и разворовывании бюджета чиновников;

– когда представители правящей элиты сумеют показать в этом достойный пример всем остальным гражданам России.

Создание эффективного государства – главного инструмента модернизации России может обеспечить только просвещенная и национально-ориентированная элита страны, знающая, что, как, когда и в каком порядке надо делать и обладающая достаточными волей и ответственностью перед страной и народом. Ибо лишь элита обладает необходимыми для этого властными, политическими, экономическими, и финансовыми ресурсами. И прежде всего на правящую элиту в полной мере ложится ответственность за соблюдение Закона всеми субъектами общественных отношений, межэтнический и межконфессиональный мир в нашей стране.